

ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Psychology. Pedagogics. Education”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

4
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series
Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Psychology. Pedagogics. Education" Series is included in the Russian Science Citation Index; in the List of State Commission for Academic Degrees and Titles of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degrees in the following scientific specialties and the corresponding branches of science are to be published:

- 5.3.1. General psychology, Personality psychology, History of psychology
(Psychological sciences)
- 5.3.5. Social psychology, Political and economic psychology (Psychological sciences)
- 5.3.6. Medical psychology (Psychological sciences)
- 5.3.7. Age psychology (Psychological sciences)
- 5.8.1. General pedagogy, History of pedagogy and education (Education sciences)
- 5.8.2. Theory and methods of training and education (area and level related)
(Education sciences)

The purpose and subject of the journal. The RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" publishes original articles on various areas of modern scientific knowledge. The mission of the journal is to present interdisciplinary research on current issues in the theory, methodology and practice of psychological science, pedagogy and education. Publication and access to articles are free. Articles submitted to the editorial office undergo two-way anonymous reviewing. Journal sections: theoretical research, empirical research, methodological tools, works of young scientists. The journal publishes papers in Russian and English.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media. The registration certificate is PI No. FS77-61884 of May 25, 2015. The latest changes were made in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of August 3, 2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Tel.: +7 (495) 250-71-31

E-mail: vestnikpsy@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии
(психологические науки)
- 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология
(психологические науки)
- 5.3.6. Медицинская психология (психологические науки)
- 5.3.7. Возрастная психология (психологические науки)
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
(педагогические науки)
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания
(по областям и уровням образования) (педагогические науки)

Цель и тематика журнала. Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным направлениям современного научного знания. Миссия журнала заключается в представлении междисциплинарных исследований по актуальным проблемам теории, методологии и практики психологической науки, педагогики и образования. Публикация и доступ к статьям бесплатные. Статьи, поступающие в редакцию, проходят двустороннее анонимное рецензирование. Рубрики журнала: теоретические исследования, эмпирические исследования, методический инструментарий, работы молодых ученых. Языки журнала: русский и английский.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской, Миусская пл., д. 6, стр. 6

Тел.: +7 (495) 250-71-31

Электронный адрес: vestnikpsy@rggu.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

D.A. Khoroshilov, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T. Varis, Doctor of social sciences, professor, University of Tampere, Tampere, Finland (*by agreement*)

I.I. Vorontsova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*release officer*)

L.A. Grigorovich, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Guldán, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Central Clinical Psychiatric Hospital named after F.A. Usoltsev, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

S. Duggan, Vice president of Terawe Corporation, Member of UNESCO IITE Governing Board, Dublin, Ireland (*by agreement*)

T.P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

G.G. Kravtsov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.E. Kriger, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

R.R. Lamprecht, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Potsdam, Potsdam, Federal Republic of Germany (*by agreement*)

A.S. Nelubina, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.M. Mishina, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor*)

T.V. Ryabova, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.O. Soboleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I.V. Solodnikova, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.Sh. Tkhostov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation (*by agreement*)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

D.J. Hwang, Ph.D., professor, Suangkyunkwan University, Seoul, Republic of Korea (*by agreement*)

A.B. Kholmogorova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Moscow State University of Psychology and Education, Russian Federation (*by agreement*)

K.I. Chizhova, Cand. of Sci. (Pedagogics), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.K. Schabelnikov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Д.А. Хорошилов, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т. Варис, доктор социальных наук, профессор, Университет Тампере, Тампере, Финляндия (*по согласованию*)

И.И. Воронцова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Л.А. Григорович, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гульдан, доктор психологических наук, профессор, Центральная клиническая психиатрическая больница (ЦКПБ) имени Ф.А. Усольцева, Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)

С. Дагган, вице-президент корпорации “Teagawe”, член совета управляющих ИИТО ЮНЕСКО, Дублин, Ирландия (*по согласованию*)

Т.П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)

Г.Г. Кравцов, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.Э. Кригер, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Р.Р. Лампрыхт, доктор филологических наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Федеративная Республика Германия (*по согласованию*)

А.С. Нелюбина, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.М. Мишина, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.Р. Орестова*, доктор психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- Т.В. Рябова*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.О. Соболева*, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Солод니кова*, доктор социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.Ш. Тхостов*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ имени М.В. Ломоносова), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Д.Д. Хван*, Ph.D., профессор, Университет Суангюнкван, Сеул, Республика Корея (*по согласованию*)
- А.Б. Холмогорова*, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный психолого-педагогический университет (МПППУ), Москва, Российская Федерация (*по согласованию*)
- К.И. Чижова*, кандидат педагогических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.К. Шабельников*, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

Theoretical research

- Marina S. Guseltseva*
The issue of dehumanization in psychology and social sciences 10

Empirical research

- Tatyana P. Emelyanova, Nadezhda V. Khrapovitskaya,
Eva N. Vikentieva*
The emotional component of collective memories of events
in Russian history in the 20th century among representatives
of the baby boomer and millennial generations 46

- Larisa A. Golovey, Olga S. Galasheva*
Psychological well-being and life satisfaction of adolescents
in birth and adoptive families 67

- Bronislav A. Fetisov, Natalya A. Sirota*
Determinants of the emergence and maintenance
of uncertainty in illness 86

- Viktor V. Guldán, Tatyana A. Shahbazi*
Mechanisms of sexual attraction to children in women and men
(based on the materials of forensic psychiatric examinations) 105

- Oksana V. Gavrichenko, Vladimir V. Romitsyn*
Individual and personal aspects of procrastination among investigators
of the Investigative Committee of the Russian Federation 120

Works of Young Scientists

- Nikita Ya. Ageev*
The impact of video games on the development of emotional sphere
in adolescence and young adult. Review of foreign studies 141

СОДЕРЖАНИЕ

Теоретические исследования

- Марина С. Гусельцева*
Проблема дегуманизации в психологии и социальных науках 10

Эмпирические исследования

- Татьяна П. Емельянова, Надежда В. Храповицкая,
Ева Н. Викентьева*
Эмоциональный компонент коллективных воспоминаний
о событиях отечественной истории XX века
у представителей поколений бэби-бумеров и миллениалов 46

- Лариса А. Головей, Ольга С. Галашева*
Психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью
подростков в родных и приемных семьях 67

- Бронислав А. Фетисов, Наталья А. Сирота*
Факторы формирования и поддержания неопределенности
в болезни 86

- Виктор В. Гульдман, Татьяна А. Шахбази*
Механизмы формирования сексуального влечения к детям
у женщин и мужчин (по материалам
судебно-психиатрических экспертиз) 105

- Оксана В. Гавриченко, Владимир В. Ромицын*
Индивидуально-личностные аспекты прокрастинации у следователей
Следственного комитета Российской Федерации 120

Работы молодых ученых

- Никита Я. Агеев*
Влияние видеоигр на развитие эмоциональной сферы
в подростковом и юношеском возрасте:
обзор зарубежных исследований 141

Теоретические исследования

УДК 316.6

DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-10-45

Проблема дегуманизации в психологии и социальных науках

Марина С. Гусельцева

*Федеральный научный центр психологических
и междисциплинарных исследований (Психологический институт)
Москва, Россия, mguseltseva@mail.ru*

Аннотация. Статья представляет обзор исследований проблемы дегуманизации в психологии и социальных науках. Актуальность темы обусловлена социокультурными трансформациями современности, сопровождающимися проницаемостью границ, ростом мобильности, миграционными потоками, возросшими рисками гражданских и этнических конфликтов. Несмотря на значимость проблемы, длительное время дегуманизация оставалась на периферии научного анализа. Вплоть до начала XXI в. феномен дегуманизации не был предметом системного и целенаправленного психологического исследования, а рассматривался в рамках смежной проблематики – изучения агрессивного поведения и предубеждений, групповой динамики, геноцидов и т. п. Лишь в первом десятилетии XXI в. дегуманизация стала оформляться как самостоятельный объект научного интереса, особенно в русле социальной и моральной психологии. В статье обсуждаются ключевые концепции и теоретические подходы к изучению дегуманизации, а также работы, не использующие напрямую этот термин, но затрагивающие феномен в более широких контекстах – таких как психология зла, межгрупповое восприятие и моральный выбор. Особое внимание уделено латентным формам дегуманизации, которые зачастую протекают незаметно, встраиваясь в повседневные социально-когнитивные процессы и приобретая нормализованный характер. Проведен сравнительный анализ понятий «дегуманизация» и «расчеловечивание». Если первое распространено в социальных науках и означает отрицание человеческой сущности «другого», то второе – более характерное для философского и публицистического дискурса – указывает скорее на утрату человечности самим субъектом. В заключение подчеркивается значимость трансдисциплинарного подхода к изучению дегуманизации, где интеграция дисциплинарных перспектив – философии, социологии, психологии, нейронауки, антропологии, политологии и исследований культуры – поз-

© Гусельцева М.С., 2025

воляет глубже понять природу, механизмы и последствия этого сложного, многоуровневого, нередко неосознаваемого процесса.

Ключевые слова: дегуманизация, психология зла, социальная психология, моральная психология, человек, эмпатия, трансдисциплинарный подход

Для цитирования: Гусельцева М.С. Проблема дегуманизации в психологии и социальных науках // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 4. С. 10–45. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-10-45

The issue of dehumanization in psychology and social sciences

Marina S. Guseltseva

*Federal Scientific Center for Psychological
and Interdisciplinary Research (Psychological Institute)
Moscow, Russia, mguseltseva@mail.ru*

Abstract. The article offers a review of research on the issue of dehumanization in psychology and the social sciences. The relevance of the topic stems from contemporary sociocultural transformations, characterized by increasingly porous borders, growing mobility, migration flows, and heightened risks of civil and ethnic conflicts. Despite its importance, dehumanization remained on the periphery of academic inquiry for a long time. Until the early 21st century, its phenomenon was not the subject of systematic or targeted psychological investigation, but was instead considered within adjacent areas such as aggression and prejudice, group dynamics, genocide, and so forth. It was only in the first decade of the 21st century that dehumanization began to emerge as an independent object of scholarly interest, particularly within the fields of social and moral psychology. The article discusses key concepts and theoretical approaches to the study of dehumanization, as well as works that do not directly use the term but address the phenomenon within broader contexts – such as the psychology of evil, intergroup perception, and moral decision-making. Special attention is given to latent forms of dehumanization, which often occur subtly, becoming embedded in everyday socio-cognitive processes and acquiring a normalized character. A comparative analysis is conducted of the concepts of dehumanization and stripping of humanity (or loss of humanity). If the former is common in the social sciences and signifies the denial of the human essence of the “other”, the latter—more characteristic of philosophical and journalistic discourse—points more to the loss of humanity by the subject itself.

In conclusion, the article highlights the importance of a transdisciplinary approach to the study of dehumanization. Integrating perspectives from philosophy, sociology, psychology, neuroscience, anthropology, political science, and

cultural studies enables a deeper understanding of the nature, mechanisms, and consequences of this complex, multi-layered, and often unconscious process.

Keywords: dehumanization, psychology of evil, social psychology, moral psychology, human, empathy, transdisciplinary approach

For citation: Guseltseva, M.S. (2025), “The issue of dehumanization in psychology and social sciences”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 10–45, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-10-45

Введение: постановка проблемы

Дегуманизация выступает неотъемлемой частью социального опыта и человеческой истории: от древних форм ритуального насилия до современных проявлений структурной дискриминации и идеологического отчуждения. Несмотря на очевидную значимость этой проблемы, длительное время она оставалась на периферии научного анализа. Вплоть до начала XXI в. феномен дегуманизации не был предметом системного и целенаправленного психологического исследования, а рассматривался в рамках смежной проблематики – изучения агрессивного поведения и предубеждений, групповой динамики, геноцидов и т. п. Лишь в первом десятилетии XXI в. дегуманизация стала оформляться как самостоятельный объект научного интереса, особенно в русле социальной и моральной психологии.

Цель статьи – аналитический обзор наиболее значимых исследований дегуманизации в психологии и социальных науках.

Дегуманизация и/или расчеловечивание?

Желать, чтобы границы между вещами были строго определены, есть признак мыслительной опрятности. Жизнь это одно, Поэзия – нечто другое... Не будем смешивать эти две вещи. Поэт начинается там, где кончается человек. Судьба одного – идти своим «человеческим» путем; миссия другого – создавать несуществующее

*Х. Ортега-и-Гассет*¹

Дегуманизация и/или расчеловечивание – сложный социально-психологический феномен, разные грани которого так или

¹ [Ортега-и-Гассет 2019, с. 40].

иначе рассматриваются представителями психологических, политических, антропологических и иных социальных наук. В наши дни дегуманизация становится предметом меж- и трансдисциплинарных исследований.

Невозможно понять дегуманизацию исключительно как политический феномен, поскольку дегуманизация включает человеческое поведение, и для того чтобы политические силы воздействовали на человеческое поведение, они должны взаимодействовать с нашей психологией [Смит 2025, с. 14].

Для более глубокого понимания дегуманизации необходимо прибегнуть к интеграции дисциплинарных перспектив, поскольку философия, социология, психология, антропология и науки о культуре раскрывают различные стороны и механизмы этого феномена.

Между тем термины, которыми мы оперируем, являются инструментами описания и объяснения исследуемой реальности, а также участвуют в теоретическом конструировании. С этих позиций отметим, что хотя понятия «дегуманизация» и «расчеловечивание» нередко используются как синонимы, особенно в контексте русского языка, между ними существуют принципиальные различия. Дегуманизация в широком смысле слова представляет собой *отказ другому человеку в человечности*. Тогда как понятие «расчеловечивание», в последнее время распространенное в российском публицистическом дискурсе, указывает скорее на *утрату человечности самим субъектом*.

В психологических и социогуманитарных исследованиях чаще всего используется термин «дегуманизация» (dehumanization), делающий акцент на межгрупповых взаимодействиях и процессах восприятия человека человеком. Суть дегуманизации в том, что одна социальная группа или человек отказывает другому/другим в человеческом статусе, угнетает или отрицает его/их человеческое достоинство. «Расчеловечивание» (stripping of humanity or loss of humanity) – более широкий, философский и публицистический термин, означающий потерю или разрушение человеческой сущности. Если дегуманизация сфокусирована на механизмах оправдания насилия, то расчеловечивание описывает элиминацию гуманности, происходящую в ходе угнетения, травли или развития ожесточенных социальных катаклизмов. Тем не менее оба феномена выступают предикторами и аналитическими маркерами социального зла: насилия, жестокости, дискриминации, рабства, геноцида. В темпоральной перспективе дегуманизацию можно

рассматривать как феномен, предшествующий расчеловечиванию; тогда это этапы одного деструктивного процесса. Однако в отличие от расчеловечивания дегуманизация не всегда содержит негативные коннотации.

Иногда дегуманизация выполняет адаптивную функцию. Например, когда нам нужно отодвинуть на второй план обычные эмоциональные реакции – во время чрезвычайных ситуаций, кризисов, или в тех случаях, когда работа требует вторжения в частную жизнь других людей. Хирургу во время операции иногда приходится дегуманизировать пациента, подобным образом поступают спасатели во время стихийных бедствий. То же самое происходит, если работа требует постоянных контактов с большим количеством людей. В некоторых «помогающих» профессиях, например в клинической психологии, социальной работе и в медицине, процесс дегуманизации называют «невовлеченностью». При этом профессионал оказывается в парадоксальном положении: ему необходимо дегуманизировать клиентов, чтобы эффективно им помогать [Зимбардо 2013, с. 354].

Одним из тех, кто ввел понятие «дегуманизация» в научный оборот, был испанский философ *Хосе Ортега-и-Гассет (José Ortega y Gasset, 1883–1955)*. В работе «Дегуманизация искусства» (1925) он проанализировал трансформации художественного мышления, отразившиеся в живописи конца XIX – начала XX в. Под дегуманизацией Х. Ортега-и-Гассет понимал отход искусства от изображения повседневной реальности и узнаваемых человеческих образов. Искусство модерна, по его наблюдению, утратило интерес к человеку как объекту художественного изображения, сфокусировавшись на абстрактной игре идей, полете фантазии, экспериментальных поисках выразительных средств.

Подчеркнем, что дегуманизация в трактовке Х. Ортега-и-Гассета не носила негативной оценки, а, напротив, рассматривалась как прогрессивный этап развития искусства, открывший новые способы восприятия и художественного высказывания. Новое элитарное искусство Х. Ортега-и-Гассет противопоставил искусству традиционному и массовому, ориентированному на доступность и легкоузнаваемые изображения.

Совсем иную трактовку отношений между искусством и дегуманизацией развил в эссе «Авангард и китч» (1939) американский арткритик и теоретик искусства *Клемент Гринберг (Clement Greenberg, 1909–2000)*. Предметом его изучения выступили не столько эстетические, сколько политические функции искусства в условиях тоталитаризма. Он показал, что, несмотря на идеологи-

ческие различия, все тоталитарные режимы используют искусство инструментально – в виде китча, пропаганды и упрощенных форм образности. Так, тоталитарное искусство подменяет сложность стереотипами, а глубокое восприятие – поверхностными эмоциональными манипуляциями. Китч в трактовке К. Гринберга служил средством эстетической дегуманизации, лишая субъективности, вульгаризируя образ человека, наделяя его шаблоном заданными смыслами. Противовесом же этой тенденции являлось авангардное искусство, побуждающее к саморефлексивности и сложности восприятия, устанавливающее критическую дистанцию и множественность интерпретаций. Именно авангард, считал К. Гринберг, способен был противостоять эстетической и политической дегуманизации, возвращал искусству автономию, а зрителю – способность к самостоятельным суждениям [Гринберг 2005].

Таким образом, хотя термин «дегуманизация» у Х. Ортеги-и-Гассета и имел позитивно-эстетическую окраску, остается вопрос: являлся ли совпадением тот факт, что дегуманизация искусства шла одновременно с дегуманизацией культуры и теми процессами расчеловечивания, которые сопровождали две мировые войны, массовую пропаганду, геноциды и утрату гуманистических оснований в первой половине XX в.? Не исключено, что эстетические процессы и социальные катастрофы имеют более глубокую взаимосвязь.

Исследования дегуманизации в социальных науках

Чтобы бороться с дегуманизацией, жизненно важно познакомиться с нашим прошлым во всем его ужасе и трагизме... Общество, осведомленное о своей собственной мрачной истории, не только будет вынуждено признать, что они – то есть мы – способны на самое худшее, но и станет более открытым для осознания устойчивости и возрождения дегуманизирующих установок в настоящем.

Д.Л. Смит²

В современной социальной науке дегуманизация понимается как процесс, в ходе которого отдельные люди и/или социальные группы воспринимаются враждебно как «чужие», «другие», «инаковые», теряя в этом восприятии статус полноправных челове-

² [Смит 2025, с. 36].

ских существ. Лишенные признаков человеческой субъективности – чувств, мыслей, нравственности, достоинства – они превращаются в объекты, по отношению к которым становится возможно несправедливое, насильственное, а порой и жестокое обращение. Так, дегуманизация открывает своего рода ящик Пандоры, служа механизмом оправдания насилия, репрессий, расовой сегрегации, этнических чисток, геноцида.

Современные концепции дегуманизация стремятся выявить ключевые – когнитивные, социокультурные и идеологические – факторы, позволяющие объяснить, как обычные люди приходят к оправданию или одобрению насилия вплоть до участия в массовых убийствах. Особое внимание в этих исследованиях уделяется искажению моральных норм и границ допустимого таким образом, что другие люди воспринимаются в качестве «недочеловеков», «паразитов», коварных врагов или угрозы. Несмотря на то что французский философ *Рене Жирар (René Noël Théophile Girard, 1923–2015)* напрямую не использовал термин «дегуманизация», концепции миметического желания и «козла отпущения» (жертвенного механизма) вскрывают социокультурные и психологические основы этого явления. Согласно Р. Жирару, миметическое желание – стремление завладеть тем, что желает другой – есть источник человеческих конфликтов. Такое желание неизбежно порождает конкуренцию, зависть и агрессию, особенно в условиях социальной близости и соперничества [Жирар 2010].

Р. Жирар полагал, что сама социальная жизнь провоцирует в сообществах атмосферу конкуренции, борьбы за объекты желания и статусы. Он выявил диалектику между угрозой внутреннего насилия и жертвенными обрядами, где организованные акты насилия играют ключевую роль в рождении и поддержании сообществ. Поскольку вспышки насилия в сообществах неизбежны, по мере роста напряжения внутри группы насилие становится деструктивным, тем самым угрожая существованию сообщества. Однако в эволюции культуры выработались механизмы канализации этой агрессии на «жертву» – отдельного человека и/или группу, которых можно обвинить, изгнать, уничтожить. В этом суть жертвенного механизма: насилие, которое не может исчезнуть, должно быть вынесено за пределы группы, позволяя восстановить внутреннюю гармонию. Превращаясь в «козла отпущения», жертва спасает сообщество ценой собственного исключения или уничтожения: теперь, вместо того чтобы создавать угрозу для группы, насилие становится фактором, поддерживающим ее единство.

Посредством концепции Р. Жирара дегуманизация может быть рассмотрена как современное проявление архаического механизма

жертвоприношений, где, чтобы оправдать агрессию, необходимо лишить человеческого облика другого. Исследования Р. Жирара показывают, что даже самые развитые общества не защищены от возрождения различных форм коллективной жестокости: преследования инакомыслящих, распространяемого пропагандой языка ненависти, религиозных гонений или этнических чисток.

В свою очередь, рассматривая феномен дегуманизации посредством философии *Ханны Арендт (Johanna Arendt, 1906–1975)* – концепции тоталитаризма и банальности зла, – обратим внимание, что дегуманизация здесь не столько эмоциональное или символическое отчуждение, сколько системный механизм, включенный в политическую структуру, лишаящую самой возможности быть человеком. Ключевая идея книги Х. Арендт «Эйхман в Иерусалиме» (1963) касалась *рутинизации зла*, которое не обязательно совершается фанатиками или чудовищами, его творят обычные, делающие свою работу люди, попросту «выполняющие приказы», не размышляя о последствиях своих поступков, не принимая за них моральной ответственности [Арендт 2003; Arendt 1964].

Исследования Х. Арендт показывают, что дегуманизация есть утрата способности увидеть в другом человека: живые люди воспринимаются как «винтики», «массы», «биологический материал», «сопутствующий ущерб» или «враги народа». При этом творцы злодеяний не обязательно испытывают к ним ненависть – достаточно элиминации моральных суждений и эмпатии. Зло начинается с уничтожения публичного пространства с дискуссиями, свободным и безопасным обменом мнениями, возможностями договориться, использовать для решения проблем слова, а не насилие (Ю. Хабермас позднее назовет это коммуникативной рациональностью [Хабермас 2003]). Таким образом, дегуманизация – не просто результат идеологической обработки, пропаганды или психопатологии, но следствие разрушения публичного пространства, утраты способности суждений, воли к самостоятельному мышлению³. Концепция банальности зла демонстрирует, что предпосылками дегуманизация служит смесь рутины, равнодушия и подчинения, что делает феномен трудно обнаружимым и тем самым более опасным.

³ Ср.: Психолог, философ и психотерапевт Кирк Шнайдер (Kirk J. Schneider, р. 1956) посвятил одну из своих книг изучению феномена поляризации, который он назвал «одним из главных бедствий человечества» [Schneider 2013, с. 42]. В основе поляризации лежит исключение из публичного пространства конкурирующих реальностей – т. е. доминирование единственной точки зрения, запрет на свободу дискуссий.

В свете трудов социолога *Зигмунта Баумана (Zygmunt Bauman, 1925–2017)* феномен дегуманизации связан с его анализом современности. В работе «Актуальность Холокоста» (в оригинале – “Modernity and the Holocaust” (1989)) З. Бауман описывает дегуманизацию как продукт развития общества модерна, где совокупность таких факторов, как бюрократизация, технический прогресс, приоритет управления и эффективности над нравственными ценностями, ведет к исчезновению личного отношения: технократический взгляд воспринимает людей как проблемы, а не субъектов [Бауман 2010]. Так, например, мигранты предстают в категориях «угрозы» или «потоков», но не живые люди с их судьбами и чаяниями.

Моральное безразличие, согласно З. Бауману, является питательной почвой для дегуманизации. В технократической вселенной дегуманизация встроена в работу «нормальных» институтов, таких как школы, больницы, министерства, армия, тюрьмы. Парадоксальным образом дегуманизация выступает здесь продуктом не варварства, а утрачивающей гуманистические идеалы цивилизации. Бесчеловечность рассматривается З. Бауманом как проблема социальных отношений: он показывает, что в современной жестокости гораздо больше институционального, нежели психологического.

В книгах «Моральная слепота» и «Текущее зло...» совместно с Л. Донским он обсуждает природу зла в условиях современности. Трансформировавшись в рамках постмодернистского общества, зло утратило четкие формы, стало текучим, латентным, трудноуловимым. Если традиционные формы зла были очевидными и осязаемыми, то современное зло растворилось в обыденности, скрыто в повседневных практиках и социальных структурах. Его питательной средой выступают отчуждение, безразличие, утрата моральных ориентиров. Текущее зло, согласно З. Бауману, есть *жизнь в мире, где нет альтернатив (TINA – There Is No Alternative)* [Бауман, Донскис 2019а; Бауман, Донскис 2019b]⁴.

Одним из актуальных исследований дегуманизации является диссертация норвежского социального антрополога *Кристиана Ф. Ливена (Kristian Finsveen Liven)*. Работая в Институте географии и социальной антропологии Норвежского университета науки и

⁴ Умонастроение TINA («Альтернативы нет») фиксирует идеологическую монополию на установленный порядок вещей, одновременно подавляя критическое мышление. Оно порождает апатию, лишает общество воли сопротивления злу, которое с этих позиций представляется нормальным и неистребимым. З. Бауман и Л. Донскис обсуждают также феномен «моральной слепоты» – утрату чувствительности ко злу и/или способности различать добро и зло [Бауман, Донскис 2019b].

технологии (NTNU), он занимается изучением механизмов формирования экстремистских взглядов в современной Норвегии. В магистерской диссертации он скрупулезно проанализировал мировоззрение правых радикалов, воссоздав их структуру восприятия, делающую возможной дегуманизацию других людей [Liven 2023]. Фокусом исследования стал сам способ, посредством которого крайне правые интернет-сообщества конструируют образы «другого». К. Ливен установил, что существуют два основных типа интерпретации «других»: (1) «другой» как не принадлежащий к нации и (2) «другой» как угроза национальному единству. Оба типа восприятия служат основанием для символического исключения и враждебного отношения к непохожим людям.

Ключевым механизмом дегуманизации, согласно К. Ливену, выступает «очуждение» (*andregjøring*) – процесс восприятия, при котором «другой» превращается в принципиально чужого и чуждого. Такое восприятие содержит представление о «другом» как лишенном образования, разума, культуры и в конечном итоге человечности. Именно это восприятие легитимирует исключение «другого» из морального круга «своих», служит оправданием социальной маргинализации, дискриминации, насилия [Liven 2023]⁵.

Сравнительный анализ основных концепций представлен в табл. 1.

Таблица 1

Основные подходы
к изучению дегуманизации и феноменологии зла
в психологии и социальных науках

Исследователь / труды	Концепция / подход / ключевые идеи	Трактовка феномена дегуманизации и/или зла	Причины / механизмы / условия
Ханна Арендт (Johanna Arendt) <i>The Origins of Totalitarianism</i> (1951), <i>Eichmann in Jerusalem</i> (1963)	«Банальность зла»: злодеяния совершаются без злого умысла, по инерции, из-за следования нормам	Зло – результат утраты способности видеть в другом человеке личность	Тоталитаризм, идеология, бюрократия, рутинизация, безответственность

⁵ Кроме того, в своем исследовании К. Ливен дополнительно проанализировал, как современные технологии и цифровая коммуникация способствуют воспроизводству дегуманизирующих нарративов и радикализации общественного сознания [Liven 2023].

Продолжение табл. 1

Исследователь / труды	Концепция / подход / ключевые идеи	Трактовка феномена дегуманизации и/или зла	Причины / механизмы / условия
Филипп Зимбардо (Philip Zimbardo) <i>Stanford Prison Experiment (1971), The Lucifer Effect (2007)</i>	«Ситуационное зло»: влияние среды и ролевых ожиданий	Дегуманизация как производная среды и социальной роли	Социальные условия, групповая динамика, ролевое давление
Стэнли Милгрэм (Stanley Milgram) <i>Obedience to Authority (1974)</i>	Подчинение авторитету, модель «исполнителя»	Зло – побочный продукт подчинения власти	Подчинение, диффузия ответственности, давление авторитета
Герберт Кельман (Herbert Kelman) <i>Violence without restraint (1976)</i>	Модель моральной нейтрализации и идентификации	Зло – результат подчинения и утраты моральной автономии	Механизмы конформизма, идентификации и легитимации насилия
Зигмунт Бауман (Zygmunt Bauman) <i>Modernity and the Holocaust (1989), Moral Blindness (2013), Liquid Evil (2016)</i>	Концепция структурного и текущего зла	Зло – продукт модерности и инструментальной рациональности	Социальный порядок, бюрократия, фрагментация действия и ответственности
Альберт Бандура (Albert Bandura) <i>Moral Disengagement (1999)</i>	Концепция морального отчуждения, морального оправдания агрессии	Зло – продукт морального отчуждения и самооправдания	Нарративы оправдания, деперсонализация, смещение ответственности
Чарльз Фред Элфорд (Charles Fred Alford) <i>What Evil Means to Us (1997)</i>	Психоаналитическая и экзистенциальная интерпретация зла	Зло – феномен повседневности, проявление внутренней травмы, чувства ужаса и утраты Я	Глубинные эмоциональные и бессознательные процессы

Продолжение табл. 1

Исследователь / труды	Концепция / подход / ключевые идеи	Трактовка феномена дегуманизации и/или зла	Причины / механизмы / условия
Арне Юхан Ветлесен (Arne Johan Vetlesen) <i>Evil and Human Agency. Understanding Collective Evildoing (2005)</i>	Междисциплинарный анализ зла и дегуманизации. Концепция морального агентства и осознанности	Зло – осознанное причинение вреда, утрата эмпатии. Дегуманизация – сознательный выбор зла	Моральная слепота, отсутствие эмпатии, отказ от моральной ответственности
Ник Хаслам (Nick Haslam) <i>Dehumanization (2006), Dehumanization and Infrahumanization (2014)</i>	Двуфакторная модель дегуманизации: «анималистическая» и «механистическая»	Дегуманизация – отказ в «человечности» (либо в разуме, либо в чувствах)	Восприятие другого как не(до)человека. Когнитивные искажения, социокультурные стереотипы
Дэвид Ливингстон Смит (David Livingstone Smith) <i>Less Than Human (2011), Making Monsters. The Uncanny Power of Dehumanization (2021)</i>	Эволюционная и психологическая теория дегуманизации; конструкт «зверизации» врага	Дегуманизация – способ мышления «меньше, чем люди»; отказ видеть в другом человека; инструмент зла, позволяющий преодолеть эмпатию и моральные барьеры. Злодеяние – проявление дегуманизации	Идеология, моральное дистанцирование, искажения восприятия
Гордон Ходсон (Gordon Hodson), <i>статьи (2007, 2012, 2017)</i>	Эмпирическая психология предубеждений и дегуманизации	Дегуманизация – процесс когнитивных и эмоциональных искажений	Стереотипы, предвзятость, социальная категоризация

Окончание табл. 1

Исследователь / труды	Концепция / подход / ключевые идеи	Трактовка феномена дегума- низации и/или зла	Причины / механизмы / условия
Ласана Т. Харрис (Lasana T. Harris) <i>Dehumanized: When We Fail to Humanize Other People (2016)</i>	Нейрокогнитив- ный подход к дегуманизации, понятие нейро- направленной дегуманизации (neural dehumani- zation)	Дегуманизация – отказ в социаль- ном познании	Механизм «отказа в мен- тализации» (failures of men- talizing): – стереотипи- зация на основе шкалы «теплота- компетент- ность» (Stereotype Content Model); – отсутствие активации зон мозга, связанных с теорией разума (medial prefrontal cortex)

Исследования дегуманизации в психологии

Дегуманизация – один из основных процессов, заставляющих обычных, нормальных людей спокойно или даже с энтузиазмом творить зло. Дегуманизация – нечто вроде «катаракты мозга», мешающей человеку ясно мыслить и заставляющей его считать, что другие люди – это не люди. Страдающие этой «катарактой» видят в других лишь врагов, которые несомненно заслуживают страданий, пыток и уничтожения.

*Ф. Зимбардо*⁶

В психологии исследования дегуманизации можно подразделить на явные, целенаправленные – то есть такие, где понятие «дегуманизация» непосредственно заявлено и рассматривается как один из предметов анализа (например, в работах А. Бандуры, Н. Хаслама, Л. Харриса), – и латентные, касающиеся этого вопроса косвенным образом. Последние интересны тем, что вскрывают глубинные психологические механизмы, лежащие в основе дегуманизации, даже если ученые не использовали этого термина. Такие исследования могут касаться: психологии войны и возникновения этнических конфликтов [MacCurdy 1918; Money-Kyrle 2022; Kelman 1976]; психологии агрессии, конформизма и подчинения, где дегуманизация служит предтечей разрушительных действий (классические эксперименты Ф. Зимбардо и С. Милгрэма [Зимбардо 2013; Милгрэм 2016]); эмпатии и ее подавления (в работах по теории морального отчуждения или «объективации» другого [Bandura 1999]); социальной категоризации и когнитивных искажений, когда другие люди воспринимаются через упрощенные схемы и лишение человеческих качеств; механизмов оправдания насилия, посредством которых жертвы воспринимаются недостойными сочувствия (например, в концепции «вторичного виктимблейминга» (secondary victimblaming) [Campbell, Raja 1999; Condry 2010]); и др. К сожалению, рамки данной статьи не позволят затронуть даже малую часть этих работ, вносящих разные нюансы в разработку проблемы дегуманизации. Бегло остановимся лишь на некоторых из них.

Все еще актуальным остается исследование канадского психиатра, психоаналитика и одного из основателей Американской психоаналитической ассоциации *Джона Томпсона МакКёрди (John*

⁶ [Зимбардо 2013, с. 13].

Thompson MacCurdy, 1886–1947), внесшего значительный вклад в изучение психологических аспектов войны. В основном на материалах Первой мировой войны труде «Психология войны» (“*The Psychology of War*”) он проанализировал механизмы, лежащие в основе военных конфликтов. Согласно наблюдениям Дж. МакКёрли, в условиях войны у людей происходит регрессия к более примитивным формам мышления и поведения, что выражается в затвердевании групповой идентичности и враждебной настроенности к «другим». Рост агрессивных настроений и готовность к насилию обусловлены возрастающими в условиях военных действий страхом перед неизвестностью и неопределенностью будущего [MacCurdy 1918]. Ключевую роль в оправдании насилия и формирования образа врага играет пропаганда, целенаправленно формирующая психологическую готовность общества к войне.

МакКёрди был одним из первых, кто систематически изучал психологические последствия войны, включая дегуманизацию и моральную травму. Он подчеркивал, что психологические реакции на войну, такие как тревожные состояния и истерия, могут быть связаны с внутренними конфликтами и бессознательными желаниями. Его работы способствовали развитию понимания того, как экстремальные условия войны влияют на психику человека и могут приводить к дегуманизации как себя, так и других [Banister, Zangwill 1949].

Психологические причины войны, психологию пропаганды и вызываемые ею массовые психозы комплексно исследовал также антрополог и практикующий психоаналитик *Роджер Мани-Керл* (*Roger Money-Kyrle, 1898–1980*) [Money-Kyrle 2022].

Американский социальный психолог австрийского происхождения *Герберт Кельман* (*Herbert Kelman, 1927–2022*) известен прежде всего своими работами по разрешению конфликтов на Ближнем Востоке [Kelman 1976]. Он выделил два аспекта дегуманизации: *агентность* и *социальность*. В первом случае отрицается индивидуальность и субъектность («идентичность») человека, и он перестает восприниматься как независимая, отличающаяся от других людей, автономная личность, как субъект, способной совершать собственные выборы; во втором случае ему отказывают в человеческой солидарности – принадлежности к сообществу заботящихся друг о друге, доброжелательных и готовых прийти на помощь людей [Kelman 1976, с. 301]. Важные идеи содержатся также в серии статей Г. Кельмана [Kelman 2004; Kelman 2008].

Связанные с именами *Ф. Зимбардо* и *С. Милгрэма* классические исследования дегуманизации в социальной психологии хорошо

известны [Зимбардо 2013; Милгрэм 2016], а потому, не останавливаясь на них, ограничимся лишь содержательной цитатой:

Одна из самых худших вещей, которую мы могли сделать с ближним, – лишить его человечности, считать его недостойным человеческого отношения, осуществить психологический процесс дегуманизации. Так происходит, когда мы считаем, что у «других» нет тех же самых чувств, мыслей, ценностей и целей, что и у нас. Любые человеческие качества, которые эти «другие» разделяют с нами, приуменьшаются или стираются из нашего сознания. Мы делаем это с помощью психологических механизмов интеллектуализации, отрицания и изоляции аффекта. В отличие от человеческих отношений – субъективных, личных и эмоциональных – для отношений дегуманизации характерны объективизация, рационализм, отсутствие эмоционального содержания и эмпатии [Зимбардо 2013, с. 353].

Американский психоаналитик *Хайнц Кохут (Heinz Kohut, 1913–1981)*, создатель психологии самости (self psychology), полагал, что в основе всякой деструктивности лежат «неудачи эмпатии». Эмпатия в его понимании есть интроспекция, обращенная на другого. Посредством этого подхода дегуманизация может быть интерпретирована как следствие нарушений развития Я, особенно в контексте нарциссических расстройств и утраты связи с внутренней жизнью других. Неспособность воспринимать другого человека как отдельное существо с собственной внутренней жизнью есть не этическая, а психологическая проблема, обусловленная травмами раннего развития. Так, психологическая уязвимость и незрелость Я становятся ключевыми предпосылками дегуманизации [Vetlesen 2005].

Иной исследовательский ракурс представлен в книге «Стигма: Заметки о манипулировании испорченной идентичностью» (“Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity”), где *Эрвинг Гоффман (Erving Goffman, 1922–1982)* определил стигму как атрибут, который резко дискредитирует человека в глазах окружающих, снижая его социальную ценность, нарушая ожидания нормальности. Стигматизированный человек являет субъекта, чья идентичность в глазах общества «испорчена» (tainted, discounted). Э. Гоффман выделил несколько типов стигм: *физические дефекты* (инвалидность, уродство); *изъяны характера* (психические заболевания, алкоголизм, слабоволие, гомосексуализм, преступное прошлое); *разновидности трайбализма* (раса, религия, национальность). Стигма выступает одним из факторов дегуманизации, рождая социальное дистанцирование, недоверие, предрассудки и моральные суждения [Goffman 1986].

Целенаправленное изучение феномена дегуманизации в психологии предпринял *Альберт Бандура (Albert Bandura, 1925–2021)*, один из крупнейших теоретиков моральной и социальной психологии. Именно он ввел понятие дегуманизации в психологический дискурс, поместив его в контекст изучения морального поведения. В ряде работ он показал, как жестокость и насилие по отношению к другим людям становятся возможны из-за ослабления или отключения моральных барьеров, и этот процесс обусловлен аффективными и когнитивными механизмами [Bandura et al. 1975; Bandura 1999; Bandura 2002; Bandura 2016]. В условиях социально одобряемого насилия (например, военных действий, пыток или геноцида) дегуманизация – т. е. восприятие другого как не полностью человека – способствует разрушению эмпатической связи между агрессором и жертвой, а это, в свою очередь, снижает чувство стыда и вины, облегчая совершение жестоких поступков.

Отметим, что А. Бандура не только теоретически осмыслил, но и эмпирически исследовал дегуманизацию как универсальный психологический механизм, лежащий в основе агрессии, насилия и асоциального поведения. Он ввел конструкт «моральная диссоциация» (*moral disengagement*) – отчуждение личной ответственности за совершение аморальных действий – и детально описал восемь ключевых механизмов, обеспечивающих ее функционирование [Ледовая и др. 2016]. Таким образом, работы А. Бандуры заложили фундамент научного анализа дегуманизации в психологии, проложив путь к глубокому пониманию моральной регуляции поведения и условий, при которых последняя дает сбой.

Добротным обзором исследований дегуманизации является статья *Ника Хаслама (Nick Haslam, p. 1963)*, профессора психологии из университета Мельбурна (Австралия). Поставив амбициозную задачу интегрировать разные грани дегуманизации в единую концептуальную модель, Н. Хаслам проанализировал множество имеющихся на сегодняшний день концепций. Изучение того, как феномен дегуманизации отражается в разных дисциплинарных контекстах, привело его к выводу об избыточной вариативности и теоретической размытости этого понятия [Haslam 2006]. Суть феномена дегуманизации в том, что отдельные люди или группы по тем или иным причинам отказывают другим в человечности. Такой способ восприятия позволяет совершать или оправдывать агрессивные и варварские действия по отношению к ним. Между тем пониманию дегуманизации, согласно Н. Хасману, «не хватает систематической теоретической основы, а исследования, посвященные этой теме, все еще слабо интегрированы» [Haslam 2006, с. 252].

Определив дегуманизацию как отказ другому человеку в *человечности*, Н. Хаслам выделил в этой категории два значения: в первом случае речь идет об уникальных качествах (УН – Uniquely Human), отделяющих человека от животных, таких как рациональность, мораль, культура; во втором случае – о нормативных характеристиках, которые могут быть интегрированы в «человеческую природу» (НН – Human Nature) – фундаментальные свойства, присущие всем людям: витальность, эмоциональность, теплота, открытость. На этом основании он выделил две формы дегуманизации – *анималистическую* и *механистическую* [Haslam 2006].

Анималистическая форма дегуманизации приравнивает субъекта к животному, категоризируя как «примитивного», «дикого», «отсталого», «морально незрелого», т. е. *недочеловека* (subhuman). Механистическая форма дегуманизации уподобляет его автомату, описывая как «холодного», «безвольного», «бездушного», «инертного» – т. е. *нечеловека* (non-human). Если характеристики УН обусловлены факторами культуры и социализации, то характеристики НН приближают людей к миру природы и врожденным биологическим предрасположенностям [Haslam et al. 2008; Haslam 2013]. «Отрицание уникальности человеческих качеств представляет других как животных, а отрицание человеческой природы – как объекты или автоматы» [Haslam 2006, с. 257].

Помимо этого, Н. Хаслам показал, что в исследованиях дегуманизации имела место эволюция от ее изначального понимания как *демонизации* к выделению более тонких аспектов феномена – так, появилось понятие *инфрагуманизация* (infrahumanization) [Haslam, Loughnan 2014]. Это более мягкая форма дегуманизации, проявляющаяся как молчаливое убеждение, что ингруппа более человечна, чем аутгруппа [Leyens et al. 2003]. Разные грани дегуманизации нашли отражение в концепциях делегитимизации (delegitimization) [Bar-Tal, 1989], морального исключения (moral exclusion) [Opotow 1990], упомянутой выше моральной диссоциации (moral disengagement) [Bandura 2002; Bandura 2016], объективации, деперсонализации как отрицания в другом субъектности и индивидуальности. «Другие могут быть лишены легитимности, исключены или отстранены из-за отказа признавать за ними человеческие качества» [Haslam 2006, с. 257]. Отметим, что в условиях современного мира дегуманизация приобретает повседневный, нормализованный характер и часто протекает латентно – через рутинные социально-когнитивные процессы.

Преодоление дегуманизации, по мнению Н. Хаслама и ряда других исследователей, невозможно вне развития эмпатии как

ключевого механизма восстановления связи между «Я» и «Другим» [Halpern, Weinstein 2004; Haslam 2006]. Так, Дж. Халперн и Х.М. Вайнштейн подчеркивают, дегуманизация не исчезает сама собой после окончания конфликтов или наступления мира.

Хотя много внимания уделяется восстановлению инфраструктуры и верховенства закона, гораздо меньше – тому, что требуется на повседневном уровне для культивирования чувства межличностной безопасности [Halpern, Weinstein 2004, с. 303].

По этой причине они вводят понятие *регуманизации* (rehumanization) – сознательного процесса отладки эмпатических отношений и признания за другими людьми достоинства, нравственных чувств и индивидуальности.

Дегуманизация и психология зла

...зло в современном обществе больше связано с моделями социального взаимодействия, чем с характером и мотивацией действующего индивида.

*A.J. Vetlesen*⁷

Одним из самостоятельных направлений является *психология зла*, зачастую обходящаяся без этого термина, но затрагивающая психологические и моральные механизмы дегуманизации. Среди работ на эту тему отметим книги социального психолога *Роя Баумейстера* (*Roy F. Baumeister, p. 1953*), проанализировавшего психологические и социальные механизмы, лежащие в основе жестокости и насилия, а также показавшего, каким образом люди рационализируют причинение вреда другим, оправдывая злодеяния защитой «высших целей», представлениями о справедливости или необходимостью «ответных мер» [Baumeister 2015]. Р. Баумейстер подчеркивает, что в большинстве случаев зло происходит не из садистских побуждений, а самооправдания и/или искаженных моральных представлений.

В свою очередь, *Эрвин Штауб* (*Ervin Staub, p. 1938*), специалист в области психологии мира и насилия (psychology of peace and violence), акцентирует внимание на социально-психологических, социокультурных и политических факторах, способствующих

⁷ [Vetlesen 2005].

эскалации агрессии. Его исследования раскрывают, почему и как сообщества вовлекаются в систематическое насилие – например, в массовые репрессии и геноцид [Staub 1989; Staub 2003].

Изучая природу морального выбора, американский социальный психолог *Джонатан Хайдт (Jonathan David Haidt, p. 1963)* показал, что восприятие добра и зла существенно варьируется в зависимости от культурных и персональных моральных систем. Он установил, что рационализации действий предшествуют моральные интуиции, и люди склонны оправдывать собственные или групповые дурные поступки в рамках доминирующих моральных нарративов [Haidt 2012].

Криминальный психолог и специалист по ложным воспоминаниям *Джулия Шоу (Julia Shaw, p. 1987)* предлагает рассматривать зло не как объективную сущность, а конструкцию, детерминированную культурно-историческим контекстом. Так или иначе она применяет трансдисциплинарный подход, интегрируя материалы криминологии, психологии, нейронауки, социологии и исследований культуры. В книге «Психология зла...» она утверждает, что поведение, воспринимаемое как злое в одной культуре, может считаться вполне приемлемым в другой; само понятие зла субъективно, оно отражает социальные и моральные нормы текущего сообщества, а потому важен контекстуальный анализ. Отказавшись от категории «зла», Дж. Шоу призывает изучать конкретные мотивы, когнитивные и эмоциональные искажения, а также социальные условия, ведущие к вредоносному, деструктивному и злонамеренному поведению [Шоу 2021].

Анализируя зло с культурно-исторической перспективы в книге «Природа зла. Сырье и государство», *Александр Эткин* считает его побочным продуктом экономической и политической эксплуатации, прослеживая как неравномерное распределение природных ресурсов, таких как торф, конопля, сахар, железо, мех и нефть, создавало и умножало социальное неравенство, а оно, в свою очередь, выступало структурным фактором насилия, жестокости и дегуманизации в рамках государственной политики [Эткин 2019].

Практически все эти исследования показывают, что дегуманизация и обусловленное ею поведение редко являются следствием психопатологии или врожденной порочности. Большинство злодеяний коренится в социальном контексте, моральных нарративах, культурных травмах и искаженной рационализации, а само понятие «зло» многозначно и исторически относительно.

Меж- и трансдисциплинарные исследования дегуманизации

Обратимся к исследованиям дегуманизации, которые можно охарактеризовать как меж- и трансдисциплинарные [Гусельцева 2022]. Эти работы ценны тем, что не просто отражают изыскания самих ученых, но, опираясь на наработки множества предшественников, сочетают критику с обобщением и построением собственных теорий. Такой подход создает объемное и комплексное понимание феномена дегуманизации.

Ярким примером вышесказанного служат труды американского исследователя *Чарльза Фреда Элфорда (Charles Fred Alford, p. 1947)*, работающего на стыке политической философии, моральной психологии, социальной теории и психоанализа. Дегуманизация здесь – частный случай более широкой феноменологии зла. Если Х. Арендт и З. Бауман анализировали зло преимущественно на макросоциологическом уровне, как результат институциональных и структурных процессов, а Ф. Зимбардо и С. Милгрэм в рамках системно-контекстуального анализа поведения личности в ситуациях авторитарного давления, то Ч.Ф. Элфорд сосредоточился на микроуровне – повседневных формах зла, совершаемого «лицом к лицу», в межличностных отношениях. Он трактует зло как экзистенциальный феномен, с которым в своей жизни сталкивается каждый человек и нередко оказывается к нему внутренне причастен. Таким образом, Ч.Ф. Элфорд исследует зло не только как моральную категорию, но как внутреннее, личностное переживание. Он подчеркивает, что злые действия часто имеют интимный, глубинный, эмоционально насыщенный характер и совершаются не в исключительных, а в повседневных ситуациях.

В книге «Что для нас значит зло» (“What Evil Means to Us”) Ч. Элфорд дал свою интерпретацию эксперимента С. Милгрэма. Он убежден, что сама структура эксперимента защищала испытуемых от осознания их собственного садизма, при этом позволяя выражать его, прикрывшись авторитетным приказом. Он ставит провокационный вопрос:

Может ли быть, что психологическая функция лидеров заключается в том, чтобы предоставить своим приверженцам правдоподобное психологическое отрицание, а также оградить от последствий их собственных желаний? [Alford 1997, с. 26].

Согласно этому подходу, зло есть не просто причинение вреда, а удовольствие от причиняемой другому человеку боли, сопровожда-

емое отсутствием раскаяния. Таким образом, Ч.Ф. Элфорд предлагает рассматривать зло как феномен, тесно связанный с садизмом и укорененный скорее в экзистенциальной, чем в аксиологической реальности субъекта. Зло – не столько нарушение моральных норм, сколько выражение глубинных переживаний и конфликтов субъекта [Alford 1997].

Стремясь лучше понять природу зла, Ч.Ф. Элфорд не ограничился кабинетными исследованиями. На протяжении года он посещал тюрьмы, ведя еженедельные беседы с заключенными – насильниками и убийцами. Этот опыт стал важной эмпирической основой изучения зла как социального-психологического явления и феномена повседневности. Кроме того, Ч.Ф. Элфорд обратился к иным культурным контекстам восприятие зла – «восточному взгляду», – проводя полевые исследования в Южной Корее и анализируя взаимосвязь культурных ценностей, вины и общественной морали [Alford 1999]. Он исследовал *бюрократическую аморальность* – системы и организации, где ответственность за зло размывается в иерархиях власти, – а также диалектику травматического опыта и коллективной памяти в контексте формирования социальной идентичности.

Вклад Ч.Ф. Элфорда в изучение дегуманизации связан с пониманием повседневной, личностной, психологически насыщенной природы зла – той стороны феномена, которая чаще всего ускользает в социокультурных и/или институциональных подходах. Опора на междисциплинарность расширила интерпретативные рамки, диалектически соединив культурно-исторические структуры с динамикой внутреннего мира человека. При этом психоаналитическая подоплека подхода Ч.Ф. Элфорда повлияла на его объяснение добровольного участия людей во зле не их злонамеренностью или порочностью, а внутренней уязвимостью, психологическими травмами и интимными страхами – в частности, быть отвергнутым или подвергнуться остракизму [Alford 1997]. Если зло коренится в стремлении защитить себя от боли, изоляции или потери идентичности, то противостоянием дегуманизации, согласно Ч.Ф. Элфорду, является развитие эмпатии и способности к психологической рефлексии, что позволяет сохранить восприятие другого как полноценного человека даже в условиях конфликта или авторитарного давления.

Арне Юхан Ветлесен (Arne Johan Vetlesen, р. 1960) – профессор философии в Университете Осло и публичный интеллеktуал. Его перу принадлежит фундаментальное исследование зла, где, объясняя природу последнего, А.Ю. Ветлесен сочетает философские, социологические и психологические подходы. Его трактовка близка позиции Ч. Элфорда: совершать зло – «означает намеренно

причинять боль и страдания другому человеку против его воли и наносить ему серьезный и предсказуемый вред» [Vetlesen 2005, с. 3]. В книге «Зло и человеческое действие» (“Evil and Human Agency”) А.Ю. Ветлесен скрупулезно исследует: по какой причине «и в каких социальных обстоятельствах это желание возникает на индивидуальном уровне, как оно направляется – усиливается, эксплуатируется» – и наконец, превращается в то, что он называет «коллективным злодеянием» [Vetlesen 2005, с. 3]. Раскрывая природу индивидуальных и коллективных злодеяний (evildoing), А. Ветлесен выводит их происхождение из «сочетания характера, ситуации и структуры», критикуя других исследователей за то, что в научной литературе эти факторы обычно рассматривались изолированно. Детально разбирая кейсы Холокоста и этнических конфликтов в Руанде и бывшей Югославии, А. Ветлесен показывает тесное взаимодействие преступников, жертв и очевидцев, выявляя механизмы проекции, отрицания, отчуждения, потери эмпатии.

...Индивидуальное зло часто бывает тонким, умным, незаметным для окружающих, но глубоко ранящим тех, кто становится его мишенью, – через унижение, злобу, пренебрежение, насмешки. Этот список можно легко продолжить, но в каждом случае наносится боль, и жертва оказывается травмированной в своем чувстве собственного достоинства. Именно такому межличностному злу и его разрушительным последствиям для человеческой субъектности и жизни посвящена значительная часть работы в области психиатрии и психотерапии. Эта повседневная сфера «микро»-проявлений зла, возникающего и переживаемого на уровне личного общения, лицом к лицу, слишком часто упускается из виду в академических исследованиях феномена зла [Vetlesen 2005, с. 7].

Подвергая критическому анализу подходы Х. Арендт, З. Баумана, С. Милгрэма, Ч. Элфорда и других ученых, А. Ветлесен выделяет разновидности зла – индивидуальное и коллективное; интрасубъективное и интерсубъективное; злонамеренное и неосознаваемое; системное и коммунальное; институциональное и повседневное зло; а также додерновые, дерновые и постмодернистские его элементы. Он подчеркивает континуальность и развитие этого феномена: «от зла, понимаемого как борьба с тем, что плохо, через зло как отрицание добра, ко злу как уничтожению добра» [Vetlesen 2005, с. 126].

Зло относится к печальным последствиям, вызванным – в основном непреднамеренно, а часто и неосознанно – людьми, которые, попадая в крупные и сложные социальные институты, оказываются

в так называемом агентном состоянии (“agentic state”), в котором они – в тревожных количествах и с тревожными последствиями для общества – готовы отказаться от чувства ответственности за то, что они делают. Социальная конформность в роковом сотрудничестве с «системными» чертами, такими как растущая специализация задач на фоне возрастающей общей сложности, является причиной большего зла, чем когда-то предполагаемая зловредная – то есть злонамеренная – воля человеческих индивидуумов [Vetlesen 2005, с. 4].

Важную роль А. Ветлесен отводит человеческой уязвимости и эмпатии. «...Наш основной доступ к феномену зла осуществляется через опыт – будь то совершение зла или страдание от него» [Vetlesen 2005, с. 10]. Таким образом, многообразие форм зла и его неоднородность сводят на нет все попытки общей теории зла: «даже такая устоявшаяся категория коллективного зла, как геноцид, может иметь множество – совершенно различных – форм» [Vetlesen 2005, с. 140]. В подходе А. Ветлесена особенно ценно, что для разных типов зла он использует различную методологическую оптику и разные исследовательские стратегии. Он также проводит различие между злом и безнравственностью. «В то время как все злые действия безнравственны, не каждое безнравственное действие следует считать злом» [Vetlesen 2005, с. 3]. Глубину его исследованию придает тот факт, что, анализируя различные кейсы, он не упускает из виду «точки зрения преступников, точки зрения непосредственно пострадавших жертв, точки зрения очевидцев и третьих лиц, имеющих дело уже с последствиями преступлений» [Vetlesen 2005, с. 147]. Согласно А. Ветлесену, пренебрежение любой из этих перспектив наносит ущерб исследовательской задаче.

В свою очередь, в 2011 г. Дэвид Ливингстон Смит (*David Livingstone Smith, p. 1953*), специалист в области психологии, этики и политической философии, опубликовал книгу «Меньше, чем люди...» (“*Less Than Human: Why We Demean, Enslave, and Exterminate Others*”), являющуюся крупным междисциплинарным исследованием именно дегуманизации (а не психологии зла), сочетая философский, исторический, психологический и биологический подходы. Эта работа заложила основы *общей теории дегуманизации*, существовавшей прежде в виде разрозненных концепций [Smith 2011]. Спустя десятилетие в другой книге «Создание монстров...» (“*Making Monsters: The Uncanny Power of Dehumanization*”) Д.Л. Смит развил свои идеи. На сегодняшний день он является одним из ведущих исследователей дегуманизации, представленной тематическими монографиями [Smith 2007; Smith 2011; Smith 2020; Smith 2021]. Он отмечает парадокс между

важностью проблемы дегуманизации и скудостью исследований в этой области [Smith 2021]. Возможно, парадокс объясняется тем, что для полноценного изучения дегуманизации важен переход от традиционных способов познания к трансдисциплинарной методологии. Ведь за понятием дегуманизации скрывается слишком много разных вещей и отношений, «простирающихся от рутины конвейера до ужасов Освенцима» [Smith 2021]. Для ее понимания, согласно Д.Л. Смиту, следует изучать взаимодействие между политическими процессами и человеческим поведением, а также роль пропаганды и идеологии.

...Хорошая теория дегуманизации должна также обладать инструментарием для распознавания ее «бессимптомных» форм – тех случаев, когда дегуманизирующие установки проявляются не напрямую в речи или действиях, а выражаются тонко и опосредованно, через косвенные сигналы [Smith 2021, с. 18].

Концепция дегуманизации, развиваемая Д.Л. Смитом, стремится удовлетворять четырем условиям: (1) интегрировать феноменологию – от крайностей человеческого насилия (геноцид, войны, расовое угнетение и другие зверства) до более тонких, повседневных предубеждений; (2) фиксировать реальности, не охваченные другими терминами⁸; (3) давать объяснение ее структуры, внутреннего механизма и движущих сил, которые ее воспроизводят; (4) выделять универсальные закономерности при охвате разнородного материала [Smith 2021].

Хотя проблема дегуманизации и уходит корнями в психологию, она тесно связана с областями социальных наук, такими как критические исследования животных, исследования социальной справедливости и равенства, исследования коммуникации и т. п. С этих позиций *Гордон Ходсон (Gordon Hodson, p. 1972)* – профессор психологии в Университете Брока (Канада) – изучает дегуманизацию в контексте межгрупповой динамики. Он также известен работами о связи политической идеологии с предрассудками, интеллектом и отрицанием климатических изменений [Bajer 2015; Dhont, Hodson 2014; Hodson, Busseri 2012; Hodson, Costello 2007; Hodson, Dhont 2017]. Г. Ходсон подчеркивает, что причины дегуманизации по-прежнему изучены недостаточно. Его исследования направлены на выявление тех факторов, из-за которых одни люди

⁸ «Нет смысла разрабатывать теорию дегуманизации, которую с таким же успехом можно было бы охарактеризовать как теорию расизма, или теорию сексуальной объективации...» [Smith 2021, с. 10].

воспринимают других как «менее человеческих». В эмпирических работах Г. Ходсон показал, что межгрупповой контакт, особенно дружеский, снижает уровень предрассудков.

Совместно с коллегами он изучал взаимосвязь между когнитивными способностями и предрассудками. Хотя на уровень предубеждений влияют и другие факторы – образование, социальный статус, материальное положение – исследование Г. Ходсона и К. Дхонта из Гентского университета (Бельгия) подтвердило устойчивую связь между низким интеллектом и предрассудками, включая расизм и сексизм. Более высокий уровень интеллекта в детстве, напротив, предсказывает меньшую склонность к предубеждениям во взрослом возрасте [Hodson, Dhont 2017]. В другом исследовании показано, что приверженность правым идеологиям чаще встречается у людей с низкими когнитивными способностями [Dhont, Hodson 2014]. Ученые объясняют это тем, что правые идеологические системы обеспечивают структурированное, устойчивое мировоззрение, снижающее неопределенность и тревожность за счет акцента на иерархии, стабильности и традиционных ценностях. В противоположность этому люди с более высокими когнитивными способностями демонстрируют толерантность к неопределенности, сложности и моральной неоднозначности [Dhont, Hodson 2014]. В совместной работе Г. Ходсона и М.А. Буссери предложена медиативная модель, согласно которой более низкие когнитивные способности предсказывают предрассудки через два промежуточных звена: правый авторитаризм и низкий уровень межгруппового контакта (здесь также контролировались такие переменные, как уровень образования и социально-экономический статус) [Hodson, Busseri 2012]. Таким образом, результаты исследований Г. Ходсона и соавторов демонстрируют, что в формировании предубеждений когнитивные способности играют важную и часто недооцененную роль⁹.

Наряду с этим Н. Ктейли, Г. Ходсон и Э. Бруно ввели понятие «метадегуманизация» (*metadehumanization*), означающее восприятие человеком и/или группой того, что они дегуманизируются другой группой и у них возникает ощущение: *нас не принимают за людей* [Kteily et al. 2016]. Такое восприятие может быть как верным, так и ошибочным, но в любом случае оно оказывает существенное влияние на межгрупповое поведение: усиливает агрессию; вызывает ответную дегуманизацию другой группы (зеркальная дегу-

⁹ Ср. с исследованием психологических особенностей младших школьников, имеющих склонность к девиантному поведению [Бахадова, Макарова 2022].

манизация); обостряет конфликты. Тот факт, что ложное восприятие «нас дегуманизируют» способно на пустом месте запускать *спирали насилия*, делает феномен метадегуманизации предметом междисциплинарного сотрудничества социальной психологии, политических наук, конфликтологии.

И наконец, совсем кратко коснемся еще нескольких исследований.

Ласана Т. Харрис (Lasana T. Harris, р. 1981) – американский социальный психолог и нейробиолог, профессор экспериментальной психологии в Университетском колледже Лондона (University College London, UCL) – изучает дегуманизацию в связи с процессами восприятия личности, предвзятости и социальной эмпатии. Помимо этого, он разрабатывает *методы измерения склонности к дегуманизации*. В его трактовке дегуманизация является производной от гибкости социального познания – способности абстрагироваться от понимания психологического состояния других людей в зависимости от контекста. Эти процессы сопровождаются снижением активности определенных зон мозга, в частности – медиальной префронтальной коры [Harris, Fiske 2009]. В книге «Невидимый разум: гибкое социальное познание и дегуманизация» (“Invisible Mind: Flexible Social Cognition and Dehumanization”) на основе анализа механизмов дегуманизации Л. Харрис пришел к выводу, что последняя не только предвестник радикального насилия, но и повседневный социально-психологический процесс, к тому же поддерживаемый профессиональной социализацией, например, в такой отрасли, как медицина [Harris 2017].

Статья Н.С. Ктейли и А.П. Ландри «Дегуманизация: тенденции, идеи и проблемы» (“Dehumanization: trends, insights, and challenges”) являет весьма обстоятельный обзор современных исследований дегуманизации [Kteily, Landry 2022]. Соавторы показывают, что дегуманизация проявляется как в явной, так и в скрытой форме – будь то открытые, прямые акты отрицания человечности или более тонкие, завуалированные (implicit and explicit; blatant and subtle; direct and indirect). Особое внимание уделено так называемой *тонкой* дегуманизации, выражающейся в игнорировании, недооценке или умалении человеческих достоинств других людей – в рамках повседневных, внешне нейтральных социальных взаимодействий. Н.С. Ктейли и А.П. Ландри обсуждают концептуальные границы понятия дегуманизации, подчеркивая его многогранность, сложность и контекстуальность. Они также рассматривают различные стратегии снижения дегуманизации, включая развитие эмпатии, межгрупповое взаимодействие и образовательные инициативы, направленные на формирование гуманистических установок [Kteily, Landry 2022].

Заключение

Дегуманизация – процесс восприятия или представления людей как лишенных человеческих качеств, что способствует формированию предрассудков, оправданию насилия и нарушению прав человека. Изучение этого феномена приобретает особую значимость в контексте предотвращения конфликтов, улучшения межгрупповых отношений, понимания причин массовых зверств, таких как геноциды и этнические чистки.

Дегуманизация тесно связана с феноменами агрессии, деструктивного поведения и психологией зла. В первой половине XX в. – от З. Фрейда до Х. Арендт – в исследовании этих явлений преобладали философские, психоаналитические и феноменологические интерпретации. В 1970–1990-х гг. акценты сместились к социально-психологическим механизмам. Так, З. Бауман, Ф. Зимбардо, С. Милгрэм, А. Бандура, Г. Кельман и др. изучали влияние социального давления, авторитарных структур и морального дистанцирования на дегуманизирующее поведение.

Современные подходы 2000–2020-х гг. развиваются в русле меж- и трансдисциплинарных исследований, объединяя достижения философии, психологии, социологии, нейронауки, антропологии, политических и когнитивных наук. В фокусе их внимания – разнообразие форм (демонизация, объективация, делегитимизация, моральное исключение, инфрагуманизация, метадегуманизация, стигматизация, маргинализация и др.) и механизмов дегуманизации. Последние анализируются как на институциональном и культурном уровнях, так и на уровнях индивидуального восприятия и социального поведения, включая аффективные и когнитивные компоненты.

Работу с когнитивными искажениями, стереотипами и предвзятостями одни исследователи считают наиболее важным направлением профилактики дегуманизации, тогда как другие акцентируют внимание на развитии эмпатии, диалогичности и практиках межгруппового понимания.

Трансдисциплинарный подход позволяет рассматривать дегуманизацию, избегая редукции и упрощения, как континуальный, сложный, многослойный процесс. Более того, такая перспектива, выявляя скрытые, неочевидные, но весьма значимые аспекты дегуманизации, растворенные в повседневности, институциональных практиках и даже в языке, тем самым расширяет понимание глубинных оснований деструктивного поведения.

Литература

- Арендт 2003 – *Арендт Х.* Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 312 с.
- Бауман 2010 – *Бауман З.* Актуальность холокоста. М.: Европа, 2010. 316 с.
- Бауман, Донскинс 2019а – *Бауман З., Донскинс Л.* Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 368 с.
- Бауман, Донскинс 2019б – *Бауман З., Донскинс Л.* Текучее зло: жизнь в мире, где нет альтернатив. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019. 296 с.
- Бахадова, Макарова 2022 – *Бахадова Е.В., Макарова А.М.* Психологические и личностные особенности младших школьников, имеющих склонность к девиантному поведению // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 149–164.
- Гринберг 2005 – *Гринберг К.* Авангард и китч // Художественный журнал. 2005. № 60. С. 49–58.
- Гусельцева 2022 – *Гусельцева М.С.* Человек и мир в ситуации изменений: трансдисциплинарный подход // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 1. С. 12–34.
- Жиран 2010 – *Жиран Р.* Козел отпущения. СПб.: Издательский дом Ивана Лимбаха, 2010. 334 с.
- Зимбардо 2013 – *Зимбардо Ф.* Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.
- Ледовая и др. 2016 – *Ледовая Я.А., Тихонов Р.В., Боголюбова О.Н., Казенная Е.В., Сорокина Ю.Л.* Отчуждение моральной ответственности: психологический конструкт и методы его измерения // Вестник СПбГУ. Сер. 16. Психология. Педагогика. 2016. Вып. 4. С. 23–39.
- Милгрэм 2016 – *Милгрэм С.* Подчинение авторитету. Научный взгляд на власть и мораль. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 282 с.
- Ортега-и-Гассет 2019 – *Ортега-и-Гассет Х.* Дегуманизация искусства / Ортега-и-Гассет Х., Бланшо М. Уходящий аромат культуры. Эстетика распада. М.: Родина, 2019. С. 13–61.
- Смит 2025 – *Смит Д.Л.* Дегуманизация и как ей противостоять. Ереван: Fortis Press, 2025. 202 с.
- Хабермас 2003 – *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
- Шоу 2021 – *Шоу Дж.* Психология зла: почему человек выбирает темную сторону. М.: Альпина Паблишер, 2021. 296 с.
- Эткинд 2019 – *Эткинд А.* Природа зла. Сырье и государство. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 504 с.
- Alford 1997 – *Alford C.F.* What Evil Means to Us. Ithaca: Cornell University Press, 1997. 185 p.

- Alford 1999 – *Alford C.F.* Think No Evil: Korean Values in the Age of Globalization. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 218 p.
- Arendt H. 1964 – *Arendt H.* Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil. N.Y.: Viking, 1964. 324 p.
- Bajer 2015 – *Bajer E.* Gordon Hodson explores dehumanization // The Brock News. 2015. August 25. URL: <https://brocku.ca/brock-news/2015/08/gordon-hodson-explores-dehumanization/> (дата обращения 27 мая 2025).
- Bandura 1999 – *Bandura A.* Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities // Personality and Social Psychology Review. 1999. Vol. 3 (3). P. 193–209.
- Bandura 2002 – *Bandura A.* Selective moral disengagement in the exercise of moral agency // Journal of moral education. 2002. Vol. 31 (2). C. 101–119.
- Bandura 2016 – *Bandura A.* Moral Disengagement: how people do harm and live with themselves. N.Y.: Worth Publishers, 2016. 446 p.
- Bandura et al. 1975 – *Bandura A., Underwood B., Fromson M.E.* Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims // Journal of Research in Personality. 1975. Vol. 9 (4). P. 253–269.
- Banister, Zangwill 1949 – *Banister H., Zangwill O.L.* John Thomson MacCurdy, 1886–1947 // British Journal of Psychology. 1949. Vol. 40. P. 1–4.
- Bar-Tal 1989 – *Bar-Tal D.* Delegitimization: The Extreme Case of Stereotyping and Prejudice // Stereotyping and Prejudice: changing conceptions / Ed. by D. Bar-Tal, C.F. Graumann, A.W. Kruglanski, W. Stroebe. N.Y.: Springer-Verlag, 1989. P. 169–182.
- Baumeister 2015 – *Baumeister R.F.* Evil: Inside Human Violence and Cruelty. N.Y.: W.H. Freeman / Henry Holt and Company, 2015. 431 p.
- Campbell, Raja 1999 – *Campbell R., Raja S.* Secondary victimization of rape victims: Insights from mental health professionals who treat survivors of violence // Violence and Victims. 1999. Vol. 14 (3). P. 261–275.
- Condry 2010 – *Condry R.* Secondary victims and secondary victimization // International Handbook of Victimology / Ed. by S.G. Shoham, P. Knepper, M. Kett. Boca Raton, FL: Taylor and Francis Group, 2010. P. 219–249.
- Dhont, Hodson 2014 – *Dhont K., Hodson G.* Does lower cognitive ability predict greater prejudice? // Current Directions in Psychological Science. 2014. Vol. 23 (6). P. 454–459.
- Goffman 1986 – *Goffman E.* Stigma: Notes on the management of spoiled identity. N.Y.: Simon & Schuster, 1986. 168 p.
- Haidt 2012 – *Haidt J.* The Righteous Mind: Why Good People are Divided by Politics and Religion. N.Y.: Pantheon, 2012. 528 p.
- Halpern, Weinstein 2004 – *Halpern J., Weinstein H.M.* Rehumanizing the Other: Empathy and Reconciliation // Human Rights Quarterly. 2004. Vol. 26 (3). P. 561–583. DOI:10.1353/hrq.2004.003
- Harris 2017 – *Harris L.T.* Invisible Mind: Flexible Social Cognition and Dehumanization. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2017. 240 p.

- Harris, Fiske 2009 – *Harris L.T., Fiske S.T.* Dehumanized Perception: A Psychological Means to Facilitate Atrocities, Torture, and Genocide? // *Zeitschrift für Psychologie*. 2009. Vol. 217 (4). P. 175–181.
- Haslam 2006 – *Haslam N.* Dehumanization: An Integrative Review // *Personality and Social Psychology Review*. 2006. Vol. 10 (3). P. 252–264.
- Haslam 2013 – *Haslam N.* What is dehumanization? // *Humanness and Dehumanization* / Ed. by P.G. Bain, J. Vaes, J.-Ph. Leyens. N.Y.: Psychology Press, 2013. P. 34–48.
- Haslam, Loughnan 2014 – *Haslam N., Loughnan S.T.* Dehumanization and Infrahumanization // *Annual Review of Psychology*. 2014. Vol. 65 (1). P. 399–423.
- Haslam et al. 2008 – *Haslam N., Kashima Y., Loughnan S., Shi J., Suitner C.* Subhuman, inhuman, and superhuman: Contrasting humans with nonhumans in three cultures // *Social Cognition*. 2008. Vol. 26 (2). P. 248–258.
- Hodson, Busseri 2012 – *Hodson G., Busseri M.A.* Bright Minds and Dark Attitudes: Lower Cognitive Ability Predicts Greater Prejudice Through Right-Wing Ideology and Low Intergroup Contact // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23 (2). P. 187–195.
- Hodson, Costello 2007 – *Hodson G., Costello K.* Interpersonal disgust, ideological orientations, and dehumanization as predictors of intergroup attitudes // *Psychological science*. 2007. Vol. 18 (8). P. 691–698.
- Hodson, Dhont 2017 – *Hodson G., Dhont K.* The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity // *European Review of Social Psychology*. 2017. Vol. 26. P. 1–42.
- Kelman 1976 – *Kelman H.C.* Violence without restraint: Reflections on the dehumanization of victims and victimizers // *Varieties of psychohistory* / Ed. by G.M. Kren, L.H. Rappoport. N.Y.: Springer, 1976. P. 282–314.
- Kelman 2004 – *Kelman H.C.* Reconciliation as identity change: A social psychological perspective // *From conflict resolution to reconciliation* / Ed. by Y. Bar-Siman-Tov. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 111–124.
- Kelman 2008 – *Kelman H.C.* Bridging individual and social change in international conflict: Contextual social psychology in action // *Improving intergroup relations: Building on the legacy of Thomas F. Pettigrew* / Ed. by U. Wagner, L.R. Tropp, G. Finchilescu, C. Tredoux. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2008. P. 244–261.
- Kteily et al. 2016 – *Kteily N., Hodson G., Bruneau E.* They see us as less than human: Metadehumanization predicts intergroup conflict via reciprocal dehumanization // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2016. Vol. 110 (3). P. 343–370.
- Kteily, Landry 2022 – *Kteily N., Landry A.P.* Dehumanization: trends, insights, and challenges // *Trends in Cognitive Sciences*. 2022. Vol. 26 (3). P. 222–240.
- Leyens et al. 2003 – *Leyens J.Ph., Cortes B.P., Demoulin S., Dovidio J.F., Fiske S.T., Gaunt R., Paladino M.P., Rodriguez A.P., Rodriguez R.T., Vaes J.* Emotional prejudice, essentialism, and nationalism // *European Journal of Social Psychology*. 2003. Vol. 33. P. 704–717.

- Liven 2023 – *Liven K.F.* Verden som vrengebilde: En antropologisk undersøkelse av høyreekstremisme på internett. Masteroppgave i sosialantropologi. Trondheim: Norges teknisk-naturvitenskapelige universitet, 2023. 110 p.
- MacCurdy 1918 – *MacCurdy J.* The Psychology of War. Boston: John W. Luce and Company, 1918. 68 p.
- Money-Kyrle 2022 – *Money-Kyrle R.A.* Psychological Analysis of the Causes of War // International Journal of Psychoanalysis. 2022. Vol. 103 (4). P. 669–673.
- Opotow 1990 – *Opotow S.* Moral exclusion and injustice: An introduction // Journal of Social Issues. 1990. Vol. 46. P. 1–20.
- Schneider 2013 – *Schneider K.J.* The polarized mind: Why it's killing us and what we can do about it. Colorado Springs, CO: University Professors Press, 2013. 183 p.
- Smith 2007 – *Smith D.L.* The Most Dangerous Animal: Human Nature and the Origins of War. N.Y.: St. Martin's Press, 2007. 263 p.
- Smith 2011 – *Smith D.L.* Less than human. Why we demean, enslave and exterminate others. N.Y.: St. Martin's Press, 2011. 326 p.
- Smith 2020 – *Smith D.L.* On Inhumanity. Dehumanization and how to resist it. Oxford: Oxford University Press, 2020. 222 p.
- Smith 2021 – *Smith D.L.* Making Monsters. The Uncanny Power of Dehumanization. Harvard: Harvard University Press, 2021. 352 p.
- Staub 1989 – *Staub E.* The Roots of Evil: The origins of genocide and other group violence. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 336 p.
- Staub 2003 – *Staub E.* The Psychology of Good and Evil: Why Children, Adults, and Groups Help and Harm Others. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 592 p.
- Vetlesen 2005 – *Vetlesen A.J.* Evil and Human Agency. Understanding Collective Evil-doing. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 313 p.

References

- Alford, C.F. (1997), *What Evil Means to Us*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Alford, C.F. (1999), *Think No Evil: Korean Values in the Age of Globalization*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Arendt, H. (1964), *Eichmann in Jerusalem: A report on the banality of evil*, Viking, New York, USA.
- Arendt, H. (2003), *Lyudi v temnye vremena* [Men in Dark Times], Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy, Moscow, Russia.
- Bajer, E. (2015), "Gordon Hodson explores dehumanization", *The Brock News*, August 25, available at: <https://brocku.ca/brock-news/2015/08/gordon-hodson-explores-dehumanization/> (Accessed 27 May 2025).
- Bakhadova, E.V. and Makarova, A.M. (2022), "Psychological and personal characteristics of younger schoolchildren, prone to deviant behavior", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 149–164.

- Bandura, A. (1999), "Moral Disengagement in the Perpetration of Inhumanities", *Personality and Social Psychology Review*, vol. 3 (3), pp. 193–209.
- Bandura, A. (2002), "Selective moral disengagement in the exercise of moral agency", *Journal of Moral Education*, vol. 31 (2), pp. 101–119.
- Bandura, A. (2016), *Moral Disengagement: How People Do Harm and Live with Themselves*, Worth Publishers, New York, USA.
- Bandura, A., Underwood, B. and Fromson, M.E. (1975), "Disinhibition of aggression through diffusion of responsibility and dehumanization of victims", *Journal of Research in Personality*, vol. 9 (4), pp. 253–269.
- Banister, H. and Zangwill, O.L. (1949), "John Thomson MacCurdy, 1886–1947", *British Journal of Psychology*, vol. 40, pp. 1–4.
- Bar-Tal, D. (1989), "Delegitimization: The Extreme Case of Stereotyping and Prejudice", in Bar-Tal, D., Graumann, C.F., Kruglanski, A.W. and Stroebe, W. (eds.), *Stereotyping and Prejudice: Changing Conceptions*, Springer-Verlag, New York, USA.
- Bauman, Z. (2010), *Aktual'nost' kholokosta* [The relevance of the Holocaust], Evropa, Moscow, Russia.
- Bauman, Z. and Donskis, L. (2019a), *Moral'naya slepota: utrata chuvstvitel'nosti v epokhu tekuchei sovremennosti* [Moral blindness. The loss of sensitivity in the era of the fluid modern times], Izd-vo Ivana Limbakha, St. Petersburg, Russia.
- Bauman, Z. and Donskis, L. (2019b), *Tekuchee zlo: zhizn' v mire, gde net al'ternativ* [Fluid evil. Living in a world with no alternatives], Izd-vo Ivana Limbakha, St. Petersburg, Russia.
- Baumeister, R.F. (2015), *Evil: Inside Human Violence and Cruelty*, W.H. Freeman / Henry Holt and Company, New York, USA.
- Campbell, R. and Raja, S. (1999), "Secondary victimization of rape victims: Insights from mental health professionals who treat survivors of violence", *Violence and Victims*, vol. 14 (3), pp. 261–275.
- Condry, R. (2010), "Secondary victims and secondary victimization", in Shoham, S.G., Knepper, P., and Kett, M. (eds.), *International Handbook of Victimology*, Taylor and Francis Group, Boca Raton, FL, USA, pp. 219–249.
- Dhont, K. and Hodson, G. (2014), "Does lower cognitive ability predict greater prejudice?", *Current Directions in Psychological Science*, vol. 23 (6), pp. 454–459.
- Etkind, A. (2019), *Priroda zla. Syr'e i gosudarstvo* [Evil's Nature. Raw materials and the state], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Girard, R. (2010), *Kozel otpushcheniya* [The scapegoat], Izdatel'skii dom Ivana Limbakha, St. Petersburg, Russia.
- Goffman, E. (1986), *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*, Simon & Schuster, New York, USA.
- Grinberg, K. (2005), "Avant-garde and Kitsch", *Khudozhestvennyi zhurnal*, vol. 60, pp. 49–58.
- Guseltseva, M.S. (2022), "Man and the world in a situation of change: a transdisciplinary approach", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 12–34.

- Habermas, J. (2003), *Filosofskii diskurs o moderne* [The Philosophical Discourse on Modernism], Ves' mir, Moscow, Russia.
- Haidt, J. (2012), *The Righteous Mind: Why Good People are Divided by Politics and Religion*, Pantheon, New York, USA.
- Halpern, J. and Weinstein, H.M. (2004), "Rehumanizing the Other: Empathy and Reconciliation", *Human Rights Quarterly*, vol. 26 (3), pp. 561–583, DOI:10.1353/hrq.2004.0036
- Harris, L.T. (2017), *Invisible Mind: Flexible Social Cognition and Dehumanization*, MIT Press, Cambridge, Massachusetts, USA.
- Harris, L.T. and Fiske, S.T. (2009), "Dehumanized Perception: A Psychological Means to Facilitate Atrocities, Torture, and Genocide?", *Zeitschrift für Psychologie*, vol. 217 (4), pp. 175–181.
- Haslam, N. (2006), "Dehumanization: An Integrative Review", *Personality and Social Psychology Review*, vol. 10 (3), pp. 252–264.
- Haslam, N. (2013), "What is dehumanization?", in Bain, P.G., Vaes, J. and Leyens J.-Ph. (eds.), *Humanness and Dehumanization*, Psychology Press, New York, USA, pp. 34–48.
- Haslam, N. and Loughnan, St. (2014), "Dehumanization and Infrahumanization", *Annual Review of Psychology*, vol. 65 (1), pp. 399–423.
- Haslam, N., Kashima, Y., Loughnan, S., Shi, J. and Suitner, C. (2008), "Subhuman, inhuman, and superhuman: Contrasting humans with nonhumans in three cultures", *Social Cognition*, vol. 26 (2), pp. 248–258.
- Hodson, G. and Busseri, M.A. (2012), "Bright Minds and Dark Attitudes: Lower Cognitive Ability Predicts Greater Prejudice Through Right-Wing Ideology and Low Intergroup Contact", *Psychological Science*, vol. 23 (2), pp. 187–195.
- Hodson, G. and Costello, K. (2007), "Interpersonal disgust, ideological orientations, and dehumanization as predictors of intergroup attitudes", *Psychological Science*, vol. 18 (8), pp. 691–698.
- Hodson, G. and Dhont, K. (2017), "The person-based nature of prejudice: Individual difference predictors of intergroup negativity", *European Review of Social Psychology*, vol. 26, pp. 1–42.
- Kelman, H.C. (1976), "Violence without restraint: Reflections on the dehumanization of victims and victimizers", in Kren, G.M. and Rappoport, L.H. (eds.), *Varieties of Psychohistory*, Springer, New York, USA, pp. 282–314.
- Kelman, H.C. (2004), "Reconciliation as identity change: A social psychological perspective", in Bar-Siman-Tov, Y. (ed.), *From Conflict Resolution to Reconciliation*, Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 111–124.
- Kelman, H.C. (2008), "Bridging individual and social change in international conflict: Contextual social psychology in action", in Wagner, U., Tropp, L.R., Finchilescu, G. and Tredoux, C. (eds.), *Improving Intergroup Relations: Building on the Legacy of Thomas F. Pettigrew*, Blackwell Publishing, Malden, MA, USA, pp. 244–261.
- Kteily, N.S. and Landry, A.P. (2022), "Dehumanization: trends, insights, and challenges", *Trends in Cognitive Sciences*, vol. 26 (3), pp. 222–240.

- Kteily, N., Hodson, G. and Bruneau, E. (2016), "They see us as less than human: Metadehumanization predicts intergroup conflict via reciprocal dehumanization", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 110 (3), pp. 343–370.
- Ledovaya, Ya.A., Tikhonov, R.V., Bogolyubova, O.N., Kazennaya, E.V. and Sorokina, Yu.L. (2016), "Moral Disengagement: The Psychological Construct and its Measurement", *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, iss. 4, pp. 23–39.
- Leyens, J.Ph., Cortes, B.P., Demoulin, S., Dovidio, J.F., Fiske, S.T., Gaunt, R., Paladino, M.P., Rodriguez, A.P., Rodriguez, R.T. and Vaes, J. (2003), "Emotional prejudice, essentialism, and nationalism", *European Journal of Social Psychology*, vol. 33, pp. 704–717.
- Liven, K.F. (2023), *Verden som vrengebilde: En antropologisk undersøkelse av høyreekstremisme på internett. Masteroppgave i sosialantropologi* [The World as a Distorted Image: An Anthropological Investigation of Right-Wing Extremism on the Internet. Master's Thesis, Department of Social Anthropology], Norges teknisk-naturvitenskapelige universitet, Trondheim, Norway.
- MacCurdy, J. (1918), *The Psychology of War*, John W. Luce and Company, Boston, USA.
- Milgram, S. (2016), *Podchinenie avtoritetu. Nauchnyi vzglyad na vlast' i moral'* [Obedience to authority. A scientific perspective on power and morality], Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.
- Money-Kyrle, R.A. (2022), "Psychological Analysis of the Causes of War", *International Journal of Psychoanalysis*, vol. 103 (4), pp. 669–673.
- Opatow, S. (1990), "Moral exclusion and injustice: An introduction", *Journal of Social Issues*, vol. 46, pp. 1–20.
- Ortega y Gasset, J. (2019), "The Dehumanization of Art", in Ortega-i-Gasset, Kh. and Blansho, M., *Ukhodyashchii aromat kul'tury. Estetika raspada* [The Fading Aroma of Culture. Aesthetics of Decay], Rodina, Moscow, Russia, pp. 13–61.
- Schneider, K.J. (2013), *The polarized mind: Why it's killing us and what we can do about it*, University Professors Press, Colorado Springs, CO, USA.
- Shaw, J. (2021), *Psikhologiya zla: pochemu chelovek vybiraet temnyuyu storonu* [The psychology of evil. Why a person chooses the dark side].
- Smith, D.L. (2007), *The Most Dangerous Animal: Human Nature and the Origins of War*, St. Martin's Press, New York, USA.
- Smith, D.L. (2011), *Less than human. Why we demean, enslave and exterminate others*, St. Martin's Press, New York, USA.
- Smith, D.L. (2020), *On Inhumanity. Dehumanization and How to Resist it*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Smith, D.L. (2021), *Making Monsters. The Uncanny Power of Dehumanization*, Harvard University Press Harvard, USA.
- Smith, D.L. (2025), *Degumanizatsiya i kak ei protivostoyat'* [Dehumanization and how to resist it], Fortis Press, Erevan, Armenia.
- Staub, E. (1989), *The Roots of Evil: The Origins of Genocide and Other Group Violence*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

- Staub, E. (2003), *The Psychology of Good and Evil: Why Children, Adults, and Groups Help and Harm Others*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Vetlesen, A.J. (2005), *Evil and Human Agency. Understanding Collective Evildoing*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Zimbardo, Ph. (2013), *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев* [The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil], Al'pina non-fikshn, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований (Психологический институт), Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; mguseltseva@mail.ru

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), associate professor, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research (Psychological Institute), Moscow, Russia; 9-4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; mguseltseva@mail.ru

Эмпирические исследования

УДК 159.942

DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-46-66

Эмоциональный компонент коллективных воспоминаний о событиях отечественной истории XX века у представителей поколений бэби-бумеров и миллениалов

Татьяна П. Емельянова

Институт психологии РАН

Москва, Россия, t_emelyanova@inbox.ru

Надежда В. Храповицкая

Московский технический университет связи и информатики

Москва, Россия, n.v.hravovickaya@mtuci.ru

Ева Н. Викентьева

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Москва, Россия, vikentieva@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются различия в эмоциональном компоненте коллективной памяти о событиях отечественной истории XX в. у представителей поколений бэби-бумеров и миллениалов в связи с их социальной идентичностью и характером интереса к истории. В исследовании были использованы: авторский опросник, выявляющий чувства респондентов по поводу различных периодов и событий истории России XX в., опросник для определения характера интереса к истории и предпочитаемых источников информации об истории России (статистический анализ надежности пунктов опросника – Альфа Кронбаха = 0,78). Была также применена методика «Социальная идентичность» Н.И. ДAUDРИХ. Результаты исследования показали, что представители обоих поколений испытывают негативную эмоцию (стыд) по отношению к расстрелу царской семьи, к сталинским репрессиям 1937–1938 гг. и распаду СССР 1991 г., а также осуждение в адрес хрущевской оттепели. Значимые межпоколенческие различия обнаружены в отношении коллективизации (бэби-бумеры испытывают сопричастность, миллениалы – осуждение) и перестройки (бэби-бумеры переживают стыд, а миллениалы – сопричастность или осуждение). Представители поколения бэби-бумеров значимо чаще иден-

© Емельянова Т.П., Храповицкая Н.В., Викентьева Е.Н., 2025

тифицируют себя с советскими людьми. Отмечается, что выраженная идентичность с семьей, возрастной группой, коллегами, россиянами и советскими людьми связана с более глубоким интересом к истории России.

Ключевые слова: коллективная память, коллективные эмоции, коллективные воспоминания, исторические события, поколения, бэби-бумеры, миллениалы

Для цитирования: Емельянова Т.П., Храповицкая Н.В., Викентьева Е.Н. Эмоциональный компонент коллективных воспоминаний о событиях отечественной истории XX века у представителей поколений бэби-бумеров и миллениалов // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 4. С. 46–66. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-46-66

The emotional component of collective memories of events in Russian history in the 20th century among representatives of the baby boomer and millennial generations

Tatyana P. Emelyanova

*Russian Academy of Sciences Institute of Psychology
Moscow, Russia, t_emelyanova@inbox.ru*

Nadezhda V. Khrapovitskaya

*Moscow Technical University of Communications and Informatics
Moscow, Russia, n.v.khrapovickaya@mtuci.ru*

Eva N. Vikentieva

*Financial University under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russia, vikentieva@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the differences in the emotional component of collective memory of the events of Russian history of the 20th century among representatives of the baby boomer and millennial generations in connection with their social identity and the nature of interest in history. The study used: the author's questionnaire, revealing the feelings of respondents about various periods and events of Russian history of the 20th century, a questionnaire to determine the nature of interest in history, and preferred sources of information about the history of Russia (statistical analysis of the reliability of the questionnaire items – Cronbach's Alpha = 0.78). It also used the "Social Identity" technique of N.I. Daudrikh. The results of the study showed that representatives of both generations experience negative emotions (shame) in relation to the execution of the royal family, Stalin's repressions of 1937–1938 and the collapse of the USSR in 1991, as well as condemnation of the Khrush-

chev thaw. Significant intergenerational differences were found in relation to collectivization (baby boomers feel a sense of belonging, millennials – condemnation) and perestroika (baby boomers feel shame, and millennials – either a sense of belonging or condemnation). Representatives of the baby boomer generation significantly more often identify themselves with Soviet people. It is noted that a pronounced identity with family, age group, colleagues, Russians and Soviet people is associated with a deeper interest in Russian history.

Keywords: collective memory, collective emotions, collective recollections, historical events, generations, baby boomers, millennials

For citation: Emelyanova, T.P., Khrapovitskaya, N.V. and Vikentyeva, E.N. (2025), “The emotional component of collective memories of events in Russian history in the 20th century among representatives of the baby boomer and millennial generations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 46–66, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-46-66

Введение: постановка проблемы

Коллективные воспоминания кристаллизуются на событиях и личностях, обладающих большой ценностной нагрузкой и соответственно сопряженных с эмоциональными переживаниями. Как правило, такие воспоминания касаются героических или, наоборот, нравственно травмирующих политических событий истории, ее позитивно или негативно окрашенных эпизодов, политических деятелей, чьи решения оказали наибольшее влияние на жизнь людей. Эмоциональная реакция на конкретные воспоминания в разных социальных группах, в том числе поколенческих, может различаться (порой кардинально), что требует проведения специальных исследований. У каждого поколения существует собственное временное измерение и историко-культурное пространство вследствие особенностей их социализации, экономико-политических условий жизни. Поколения бэби-бумеров и миллениалов социализировались в условиях разного общественно-политического устройства, что предположительно влияет на их оценку значимых событий новейшей истории страны.

Теоретическая часть

Коллективная память, будучи атрибутом определенной социальной общности, тесно связана с исторической наукой и институциональной памятью. Испытывая влияние институциональной

памяти, коллективная память обладает определенной автономностью от нее, поскольку содержит живые воспоминания, сведения о неофициальных фактах и версиях, итоги собственных размышлений людей. Каждая социальная группа предоставляет своим членам определенную «социальную структуру», через которую они воспринимают мир и вспоминают события прошлого – это «социальные рамки» памяти, по М. Хальбваксу [Halbwachs 1950], которые становятся атрибутами личности.

Современные авторы подчеркивают комплексный эффект конструирования коллективной памяти:

...она формируется из различных источников, среди которых свидетельства людей, переживших исторические события как от первого, так и от третьего лица, играют ведущую роль. Таким образом, коллективные воспоминания возникают не просто из суммы индивидуальных воспоминаний, а в своего рода синергии, включающей множество факторов. Многое из того, чем является общество (и человек), определяется его историей [Manzanero et al. 2021, с. 763].

Коллективная память – это своего рода реконструкция прошлого, отвечающая целям настоящего в жизни группы и ее образу будущего. В сконструированных эпизодах коллективной памяти результаты действия ее механизмов выглядят как упрощение и сокращение одних подробностей (невьигрышных, травмирующих), а также актуализация и акцентирование других (ассимилированных с общей идеей и схемой воспоминания). При этом некоторые элементы могут достраиваться даже вне соответствия с историческими фактами по аналогии с реконструкцией вспоминаемых личностью событий, по Ф. Бартлетту [Bartlett 1932]. В переломные периоды жизни общества особенно ярко проявляются механизмы коллективного копинга, выражающиеся в форме коллективной актуализации «полезных» следов памяти о некоторых значимых событиях, или, напротив, забвения, а также искажения нежелательных эпизодов прошлого [Емельянова 2019].

В отечественной и зарубежной литературе исследуются такие базовые эмоции по поводу событий прошлого, как гнев, страх, вина, гордость, радость [Баранова, Донцов 2019; Емельянова и др. 2018; Рикель и др. 2021; Smith et al. 2007]. Теория межгрупповых эмоций, сформулированная Э. Смитом и соавторами, сосредоточена на том, какие чувства испытывают члены интруппы. Благодаря самокатегоризации как члена группы индивид рассматривает себя как часть этой группы и разделяет коллективные эмоции, если какое-то событие затрагивает его группу. Как показывают эти авторы, меж-

групповые эмоции связаны с групповой идентичностью, и чем она более выражена, тем более интенсивные эмоции могут испытывать члены [Smith et al. 2007].

Коллективные эмоции отличаются от индивидуальных тем, что не требуют личной вовлеченности в событие, достаточно, чтобы это событие случилось с кем-то из членов группы или с группой в целом [Прихидько 2009]. Важно то, что коллективные эмоции способны вызывать аффективно окрашенные воспоминания о событиях, которые произошли с группой принадлежности в далеком прошлом, если эти эмоции разделяются большинством членов группы в настоящее время [Прихидько 2009]. Так, например, изучение современных старообрядцев показывает коллективные эмоции, возникающие даже по поводу события 400-летней давности, что «приводит к формированию особой традиции антиниконовских сочинений, многочисленных нарративов, целью которых являются осуждение церковных реформ, героизация и сакрализация тех, кто противостоял им» [Солдатов 2016, с. 131].

Как отмечают М.В. Ефремова и Л.К. Григорян, следует подразделять эмоции, фиксируемые на групповом уровне, на две категории: коллективные эмоции и эмоции, основанные на групповой принадлежности. Различие между этими категориями проходит по линии собственной причастности к событиям. Таким образом, эмоции, основанные на групповой принадлежности, человек испытывает на основе социальной идентичности – чувства принадлежности к определенной социальной группе [Ефремова, Григорян 2014]. Коллективные же эмоции активно влияют на межгрупповые отношения и способны выступать предикторами действий [Smith et al. 2007], а также оказывать влияние на формирование и поддержку стереотипов и предрассудков.

В отечественной литературе отмечается роль социальной идентичности в возрастных различиях памяти, так, О.А. Максимова на основе дискурсивного анализа самооценок приходит к выводу, что с увеличением возраста респондентов их идентификация со своим поколением в контексте памяти на исторические события проявляется в большей степени, тогда как молодые поколения демонстрируют высокую степень индивидуализма, что является отражением общественных трансформаций, происходящих в условиях постиндустриального информационного общества, где индивидуальные ценности доминируют над коллективными [Максимова 2014]. Эти данные согласуются с выводами Г. Шумана и Ж. Скотт. Юность и период ранней взрослости (от 17 до 25 лет), по их мнению, – основной период, когда в сознании запечатлеваются важные политические факты, современные для данного поколения.

Авторы считают, что именно в эти годы проявляется особая восприимчивость, как если бы открывалось окно во внутренний мир человека – события оставляют глубокий след, формируя специфическую конфигурацию памяти поколения. Этот период в исследованиях поколенческой памяти авторы называют сензитивным или критическим [Шуман, Скотт 1992].

В ранее проведенных исследованиях было показано, что выбор образцовых для современной России периодов отечественной истории отличается большим разнообразием и специфичен для поколенческих когорт. Так для представителей поколения бэби-бумеров и для поколения X неприемлемы эпохи политических трансформаций, радикальных и жестких перемен в отличие от младших поколений – Y и Z, которые подобные периоды истории считают образцовыми [Емельянова, Мишарина 2019].

Исходя из концепции К. Мангейма, феномен поколений представляет собой «не что иное, как особое единство общественного положения, распространяющееся на возрастные группы, вовлеченные в социально-исторический процесс» [Мангейм 1998, с. 20]. В таком понимании теория поколений позволяет задать рамку для изучения коллективной памяти, так как данный феномен тесно связан с опытом и условиями социализации личности. В настоящем исследовании анализируется память о значимых событиях новейшей истории страны у представителей двух поколений – бэби-бумеров и миллениалов.

Судьба поколения бэби-бумеров полна сложностей и противоречий, связанных с политико-экономическими трансформациями конца XX в. В самом начале своей сознательной жизни оно испытало эйфорию эпохи «оттепели», период «застоя» породил апатию, угасание интереса к политической жизни страны, а затем иллюзия причастности к власти, возникшая в начале перестройки, сменилась разочарованием в результатах преобразований начала 90-х гг. Эти перепады политического фона, травматизация вследствие резких общественных трансформаций породили у многих представителей поколения бэби-бумеров усталость от перемен и равнодушно-созерцательное отношение к политике.

Представители поколения Y (поколение «внуков» бэби-бумеров) испытывают трудности в самоопределении, долго ищут сферу приложения своих сил и способностей. По словам В.В. Радаева,

...миллениалы заметно откладывают до более позднего возраста многие поступки, которые ассоциируются со «взрослостью» – вступление в брак, рождение детей, выход на рынок труда [Радаев 2018, с. 19–20].

Миллениалы активнее, чем старшие поколения, поддерживают

...ценности открытости изменениям и самоутверждения, что противопоставляет их представителям других поколений, которые предпочитают ценности сохранения и заботы о людях и природе [Ржанова и др. 2022, с. 260].

Условия социализации двух поколений (бэби-бумеров и миллениалов) не могли не сказаться на ценностных основаниях личности у представителей этих поколений. Если «сензитивный» (по Г. Шуману и Ж. Скотт) период формирования личности бэби-бумеров пришелся на советский период «застоя» с его тоталитарной идеологией, то миллениалы этот «сензитивный» период пережили в начале 2000-х гг. Как справедливо указывают Г. Шуман и А. Корнинг, «коллективные воспоминания, сформированные в критические годы, остаются актуальными на протяжении всей жизни» [Schuman, Corning 2017, с. 530].

Существенные поколенческие различия, прежде всего условия социализации, с одной стороны, могут порождать различия в трактовках событий прошлого, но, с другой стороны, передача представлений коллективной памяти от «дедов» «внукам», по М. Хальбваксу, имеет непосредственный характер, поскольку «деды» уделяют, как полагает этот автор, больше внимания передаче своего опыта и видения истории младшему поколению, чем родители. Каковы особенности оценок сложных периодов и событий отечественной истории XX в. у «дедов» и «внуков», какие изменения они претерпели, передаваясь через поколение, как на них отразились особенности социализации миллениалов – вопрос сложный и неоднозначный.

Разумеется, коллективные воспоминания испытывают воздействие множества факторов – от внешних (политико-экономический фон в настоящее время и его восприятие, образ жизни, семейное положение и т. п.) до внутренних, связанных с особенностями личности. Из разряда вторых важную роль играет социальная идентичность личности, поскольку она напрямую влияет на трактовку событий прошлого и их эмоциональную оценку [Гусельцева 2018; Гусельцева 2025; Емельянова и др. 2022]. Направленность личности, в частности преобладающая мотивация, неизбежно отражается на характере интересов личности, в том числе интереса к прошлому, поскольку человек склонен искать в истории аллюзии, аналогии событиям настоящего для их лучшего понимания.

Цель исследования – изучение эмоционального компонента коллективной памяти о событиях отечественной истории XX в. у представителей поколений бэби-бумеров и миллениалов.

Задачи исследования: 1) анализ эмоционального компонента коллективных воспоминаний респондентами исторических событий России; 2) выявление значимых различий между старшим и младшим поколением по эмоциональному компоненту коллективных воспоминаний событий в истории России; 3) выявление различий между старшим и младшим поколением по социальной идентичности; 4) поиск взаимосвязей между социальной идентичностью и характером интереса к истории России, отражающим личностную значимость исторических событий для человека; 5) сравнительный анализ источников информации об исторических событиях России, предпочитаемых представителями поколений бэби-бумеров и миллениалов.

Дизайн исследования

Исследование состояло из двух этапов. На первом этапе исследования с помощью метода анкетирования выявлялась эмоциональная реакция респондентов на исторические события в истории России начиная с 1917 г. После анализа полученных данных для основного этапа исследования были отобраны одиннадцать событий, которые характеризуются наиболее противоречивыми оценками респондентов: Февральская революция, Октябрьская революция, расстрел царской семьи, коллективизация, сталинские репрессии 1937–1938 гг., Курская битва 1943 г., хрущевская оттепель, правление Л.И. Брежнева, перестройка, распад СССР, присоединение Крыма. Выбор данных событий, по-разному оцененных респондентами, предположительно мог бы выявить различия в позиции представителей двух поколений.

Опрос проводился на платформе «Анкетолог». В исследовании были использованы следующие методы: авторский опросник, который был сконструирован на основе результатов поискового исследования и предназначался для выявления эмоциональной реакции респондентов (эмоционального компонента коллективных воспоминаний) по поводу упомянутых периодов и событий отечественной истории XX в. Кодировка эмоций производилась следующим образом: Гнев – 1; Горе – 2; Стыд – 3; Гордость – 4; Сопричастность – 5; Осуждение – 6; Одобрение – 7. Авторский опросник содержал также вопросы, касающиеся характера интереса к истории и предпочитаемых источников информации об истории России (предлагаемые в анкете источники информации кодировались как 0 или 1). Статистический анализ надежности пунктов опросника Альфа Кронбаха = 0,78. Для изучения социальной иден-

тичности использовалась методика Н.И. Даудрих [Даудрих 2000]. Социально-демографические характеристики респондентов (пол, возраст, уровень образования) выявлялись с помощью анкетирования. Для статистической обработки полученных данных использовался пакет прикладных программ «SPSS 22.0».

В исследовании участвовали 160 человек – представители двух поколенческих групп: 1) респонденты 1943–1963 гг. рождения N = 80 человек (Группа 1); 2) респонденты 1985–2002 гг. рождения N = 80 человек (Группа 2), выборка выровнена по полу (мужчины – 50%, женщины – 50%). Уровень образования: общее среднее – 2,5%; среднее специальное – 14,4%; неоконченное высшее – 11,9%; высшее – 70%; ученая степень – 1,3%. Все респонденты являются гражданами России, проживающими в городах-миллионниках.

Анализ и обсуждение результатов

В соответствии с задачей 1 – анализ эмоционального компонента коллективных воспоминаний респондентами исторических событий России – была применена описательная статистика (медианный анализ), позволяющая идентифицировать преобладающие эмоции обоих поколений относительно отдельных исторических событий (см. табл. 1).

Таблица 1

Преобладающие эмоции в отношении исторических событий

Историческое событие	Эмоция
Февральская революция 1917 г.	Сопричастность
Октябрьская революция 1917 г.	Сопричастность
Расстрел царской семьи 1918 г.	Стыд
Коллективизация	Сопричастность
Сталинские репрессии 1937–1938 гг.	Стыд
Курская битва 1943 г.	Гордость
Хрущевская оттепель	Осуждение
Правление Л.И. Брежнева	Сопричастность
Перестройка 1985–1991 гг.	Сопричастность
Распад СССР 1991 г.	Стыд
Присоединение Крыма 2014 г.	Гордость

Согласно полученным данным, негативные эмоции (стыд) в целом по выборке респонденты испытывают по отношению к таким событиям, как расстрел царской семьи в 1918 г., сталинские репрессии 1937–1938 гг., распад СССР в 1991 г. Эмоциональную реакцию осуждения представители обоих поколений вызывает хрущевская оттепель.

Гордость, как социальная эмоция в данном контексте, можно предположить, связана со значимостью принадлежности человека своей стране как макросоциальной группе. Так, сопричастность масштабным историческим событиям прошлого России – Февральской и особенно Октябрьской революциям также может объясняться субъективной важностью этой идентификации.

В соответствии с задачей 2 – выявление различий между старшим и младшим поколением по эмоциональному компоненту коллективных воспоминаний значимых событий в истории России – был осуществлен расчет значимых различий между двумя независимыми выборками (поколение бэби-бумеры и поколение Y) с использованием критерия U Манна–Уитни. Закодированные эмоции также были подвергнуты анализу при помощи дескриптивной статистики.

Анализ данных показал (см. табл. 2) значимые различия в эмоциональном компоненте воспоминаний о коллективизации и перестройке. Представители поколения бэби-бумеров ощущают сопричастность с коллективизацией как значимым историческим процессом, в то время как представители поколения Y склонны к осуждению коллективизации. Различия статистически значимы: $U = 2508,0$, $p = 0,016$.

Эмоциональное отношение к перестройке также значимо различается у представителей двух поколений. Для респондентов поколения бэби-бумеров перестройка связана с чувством стыда, в то время как чувства представителей поколения Y амбивалентны: 10% респондентов ощущают сопричастность, 25% – осуждение, остальная часть респондентов не показала единодушия в оценках. Различия статистически значимы: $U = 2227,5$, $p = 0,01$. Расчет значимых различий с использованием критерия Манна–Уитни между группами представителей поколения Y, чувствующими сопричастность и осуждающими события перестройки по параметрам пол, образование, компоненты идентичности и характер интереса к истории статистически достоверных закономерностей ($p < 0,001$) не показал.

Различия между представителями поколений бэби-бумеров
и Y по исследуемым параметрам

Параметр	U	p	Старшая группа (Группа 1)						Младшая группа (Группа 2)					
			M	SD	MD	Процентили			M	SD	MD	Процентили		
						25	50	75				25	50	75
Идентичность с советскими людьми	2126	0	3,8	1,03	4	3	4	4	3,1	1,3	3	2	3	4
Коллективизация	2508	,016	4,3	1,99	5	2	5	6	5	1,9	6	4	6	6,8
Перестройка 1985–1991 гг.	2228	,001	3,7	2,06	3	2	3	6	4,8	2,7	5,5	3	5,5	7
Непериодические издания	2400	,001	0,4	0,5	0	0	0	1	0,2	0,39	0	0	0	0
Социальные сети	2560	,002	0,1	0,3	0	0	0	0	0,3	0,46	0	0	0	1

Примечания: M – среднее; SD – среднее значение стандартного отклонения; MD – медиана; p – уровень значимости; U – U-критерий Манна–Уитни.

Расхождение оценок респондентов двух поколений в отношении периода перестройки во многом объясняется тем, что для бэби-бумеров перестройка – это часть их жизни, причем не самая легкая, полная бытовых и материальных трудностей, тревог за себя и своих близких. Характерно, что бэби-бумеры испытывают именно стыд, а не осуждение или гнев. Возможно, дело в том, что они ощущают себя современниками этих процессов, активно или пассивно принимавшими участие в сложном экономико-политическом процессе трансформации общества и государства. Стыд является травматичным переживанием, поэтому можно утверждать, что для большинства представителей поколения бэби-бумеров перестройка породила коллективную травму. Что касается миллениалов, продемонстрировавших реакции либо сопричастности, либо осуждения, вероятно, такое расхождение объясняется политическими взглядами и требует дополнительного изучения.

В соответствии с задачей 3 – выявление различий между старшим и младшим поколением по социальной идентичности – был осуществлен анализ значимых различий между двумя исследуемыми поколениями.

Анализ полученных данных показал, что представители поколения бэби-бумеры в большей степени идентифицируют себя с такой общностью, как «советские люди» и отмечают общность интересов с этой группой (медиана = 4), в то время как представители поколения Y не обнаруживает этой идентичности (медиана = 3). Различия статистически значимы: $U = 2126,0$, $p = 0,000$ (см. табл. 2).

Данные, представленные в табл. 3, отражают степень идентификации респондентов с разными социальными группами (методика Н.И. Дaudрих). Респонденты обоих поколений в наибольшей степени идентифицируют себя с семьей, друзьями, единомышленниками, людьми, имеющими схожие проблемы, с людьми, схожими по национальному и религиозному признакам, с россиянами и советскими людьми (медиана = 4).

Слабая идентификация, как с соседями, так и с горожанами, (медиана = 3) может быть связана с активными миграционными потоками в города-миллионники, в которых проживают 100% респондентов. Наблюдается слабая идентификация и с людьми своего достатка (медиана = 3), с представителями своей профессии (медиана = 3), а также с европейцами, что может быть объяснено сложной совокупностью современных социокультурных и политических факторов (медиана = 3). По данной идентичности можно наблюдать поляризацию, так как 25% опрошенных не идентифицируют себя с европейцами, в то время как еще 25% респондентов демонстрируют умеренную идентификацию с европейцами. По-

ловина респондентов не определилась в своей принадлежности к европейцам, что может быть связано с современной геополитической обстановкой. Аналогичная картина наблюдается в отношении идентификации с человечеством: 25% опрошенных не идентифицируют себя с человечеством, в то время как еще 25% респондентов демонстрируют подобную идентификацию (медиана = 3).

Таблица 3

Показатели идентичности в исследуемой выборке

Параметр	M	SD	MD	Процентили		
				25	50	75
Семьей	3,97	0,99	4,00	4,00	4,00	5,00
Друзьями	3,65	0,82	4,00	3,00	4,00	4,00
Соседями	2,99	1,38	3,00	2,00	3,00	3,00
Единомышленниками	3,83	1,07	4,00	3,00	4,00	5,00
Людьми Вашего возраста	3,37	0,95	3,00	3,00	3,00	4,00
Людьми Вашего достатка	3,53	1,17	3,00	3,00	3,00	4,00
Коллегами	3,23	1,01	3,00	3,00	3,00	4,00
Людьми Вашей профессии	3,53	1,11	3,00	3,00	3,00	4,00
Имеющими те же проблемы	3,63	1,15	4,00	3,00	4,00	4,00
Людьми Вашей национальности	3,50	1,14	4,00	3,00	4,00	4,00
Людьми Вашей религии	3,64	1,36	4,00	3,00	4,00	4,00
Человечеством	3,58	1,52	3,00	3,00	3,00	5,00
Россиянами	3,69	1,11	4,00	3,00	4,00	4,00
Европейцами	3,20	1,67	3,00	2,00	3,00	4,00
Советскими людьми	3,47	1,21	4,00	3,00	4,00	4,00
Горожанами	3,56	1,17	3,00	3,00	3,00	4,00

Примечания: M – среднее; SD – среднее значение стандартного отклонения; MD – медиана.

В соответствии с задачей 4 – поиск взаимосвязей между социальной идентичностью и характером интереса к истории России, который отражает личностную значимость исторических событий для человека, был осуществлен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции r Спирмена ($p < ,01$) между компонентами социальной идентичности и утверждениями опросника, отражающими характер интереса к истории России. Пункты опросника были выстроены согласно степени личностной значимости исторического наследия для человека (от глубокой идентификации с предками и их победами до «поверхностного» интереса к антуражу, костюмам, манере поведения). Согласно полученным данным, характер интереса к истории взаимосвязан с идентичностью с семьей, возрастной группой, коллегами, россиянами и советскими людьми, при этом чем выше значения идентичности, тем глубже и содержательнее характер интереса к истории России, чувство сопричастности (выбор ответа «Чувствую гордость за своих предков, ощущаю себя причастным к их победам»), идентификация себя со значимыми фигурами прошлого России (ответ «Сопоставляю себя с историческими персонажами, мысленно ставлю себя на место героев, вождей, вдохновляюсь их деяниями»). Полученные данные говорят о том, что интерес к истории, связанный с познавательной мотивацией в отношении прошлого своей страны, становления государства, общественного устройства, по-видимому, базируются на глубоком чувстве принадлежности к родным, близкому кругу и соотечественникам.

Распределение ответов респондентов по утверждениям, характеризующим направленность интереса к истории, приведено в табл. 4. Как можно видеть из данных, у респондентов обоих поколений преобладает желание ощутить себя частью большого целого, потребность в аффилиации с нацией и ее героями, желание понять происхождение современного государства и природу процессов власти в нем.

В соответствии с задачей 5 – сравнительный анализ источников информации об исторических событиях России, предпочитаемых представителями поколений бэби-бумеров и миллениалов, был осуществлен статистический анализ различных источников информации. Представители поколения бэби-бумеров предпочитают получать информацию из неперIODических источников (см. табл. 2), т. е. художественной и научно-популярной литературы ($p = 0.001$). Представители поколения Y предпочитают получать историческую информацию из социальных сетей ($p = 0.002$). Значимые различия подтверждают известный межпоколенческий цифровой разрыв.

Таблица 4

Распределение всей выборки
по характеру интереса к истории

Параметры	Количество респондентов	Проценты	Валидный процент	Накопленный процент
Чувствую гордость за своих предков, ощущаю себя причастным к их победам	62	38,8	38,8	38,8
Сопоставляю себя с историческими персонажами, мысленно ставлю себя на место героев, вождей, вдохновляюсь их деяниями	8	5,0	5,0	43,8
Хочу понять происхождение и историю современного государства, разобраться в природе власти	55	34,4	34,4	78,1
Люблю забавные исторические сюжеты, приключенческие истории из прошлого	14	8,8	8,8	86,9
Нравится колорит жизни прошлых эпох, экзотика, костюмы, манера поведения людей	21	13,1	13,1	100,0
Всего	160	100,0	100,0	

Старшее поколение социализировалось в период, когда основным источником информации были газеты и журналы, а книги были символом статуса и показателем культуры, а наличие домашней библиотеки демонстрировало культурный уровень семьи. Еще одной причиной может быть большее доверие к печатному слову в СССР, идейное единообразие позиций разных изданий внушало уверенность в правдивости информации.

Доминирующим источником информации остается телевидение, которое смотрят 57% респондентов (медиана = 1). Значительная доля респондентов получает информацию из Интернет-СМИ (46%) и художественных фильмов и сериалов (34%). Наименее востребованными являются радио и периодические издания, которые набрали по 9% соответственно. При этом старшее поколение предпочитает книги, в то время как представители более молодого поколения отдают предпочтение соц. сетям (см. табл. 2).

Таблица 5

Предпочтения респондентов в источниках информации

Источник информации	M	SD	MD	Процентили		
				25	50	75
Телевидение	0,57	0,50	1,00	0,00	1,00	1,00
Интернет-СМИ	0,46	0,50	0,00	0,00	0,00	1,00
Художественные фильмы и сериалы	0,34	0,47	0,00	0,00	0,00	1,00
Непериодические издания	0,31	0,46	0,00	0,00	0,00	1,00
Музеи, экскурсии	0,26	0,44	0,00	0,00	0,00	1,00
Рассказы людей	0,25	0,43	0,00	0,00	0,00	0,75
Социальные сети	0,20	0,40	0,00	0,00	0,00	0,00
Радио	0,09	0,29	0,00	0,00	0,00	0,00
Периодические издания	0,09	0,29	0,00	0,00	0,00	0,00

Примечания: M – среднее; SD – среднее значение стандартного отклонения; MD – медиана.

Заключение

Результаты показали, что бэби-бумеры и миллениалы – «деды» и «внуки» в своих эмоциональных оценках событий новейшей истории России значимым образом не расходятся по большей части важных эпизодов недавнего прошлого страны. Девять из 11-ти выбранных авторами событий российской истории XX в. не показали значимых различий по эмоциональным реакциям представителей двух поколений. Среди этих реакций наблюдаются выраженные согласованные эмоциональные акценты в воспоминаниях как позитивного, так и негативного характера, что может говорить об отсутствии разрыва в позициях «дедов» и «внуков» в восприятии отечественной истории XX в. Негативная модальность воспоминаний у представителей обоих поколений обнаружена в отношении событий первой половины XX в. и связана с репрессивными политическими эпизодами в первые десятилетия советской власти – расстрел царской семьи

и сталинские репрессии 1937–1938 гг. Оба эти события вызывают у респондентов чувство стыда, что можно трактовать как травматичное переживание граждан, идентифицирующих себя со своей страной, но испытывающих стыд за применение властями репрессивных мер в прошлом. Из событий второй половины XX в. выделяется распад СССР, вызывающий у обоих поколений осуждение. Можно предположить, что в этой общей эмоциональной реакции на распад Советского государства есть доля влияния поколения «дедов», связывающих себя со страной, в которой прошла их молодость (об этом говорит их идентичность с «советскими людьми»). Миллениалы в сознательном возрасте не жили в СССР и знают о нем лишь от старшего поколения, вероятно, воспринимая это время как своего рода «золотой век».

Позитивные оценки отмечаются у представителей обоих поколений в памяти о переломном событии Великой отечественной войны – Курской битве и о событии, произошедшем в XXI в. – присоединении Крыма. Оба исторических эпизода состоялись в контексте межнациональных военных конфликтов и, вероятно, актуализируют механизмы гражданской идентификации, вызывая чувство гордости.

Значимые различия в эмоциональном компоненте воспоминаний были обнаружены только по двум историческим периодам – коллективизация и перестройка. Наиболее выраженные различия вызвала коллективизация, которая проводилась в СССР в 1928–1937 гг. и обычно трактуется как метод принудительного поворота крестьянства к социализму и перевода сельского хозяйства на социалистические рельсы. Бэби-бумеры в отличие от миллениалов испытывают сопричастность к этому политическому процессу, а миллениалы – осуждение. Учитывая, что большинство респондентов старшего поколения идентифицируют себя как «советские люди», такая оценка объяснима. Осуждение жесткой политики властей в отношении крестьянства со стороны миллениалов, юность которых пришлось на конец 1990-х – начало 2000-х гг., понятно по причине преобладавшего в это время критического отношения к советскому прошлому.

Анализ коллективной памяти и ее эмоционального компонента, как свидетельствуют результаты проведенного исследования, поднимает актуальные проблемы психологических особенностей поколений, их политических установок, травмирующих воспоминаний, предметов гордости, что отражает актуальные потребности людей в позитивном движении общественных процессов.

Литература

- Баранова, Донцов 2019 – *Баранова В.А., Донцов А.И.* Коллективные воспоминания и культурная травма разных поколенческих групп // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 29–46.
- Гусельцева 2018 – *Гусельцева М.С.* Изучение идентичности в контексте социокультурных изменений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2018. № 2 (12). С. 9–27.
- Гусельцева 2025 – *Гусельцева М.С.* Изменение представлений о социализации в связи с трансформациями современности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 1. С. 10–35.
- Даудрих 2000 – *Даудрих Н.И.* Социальная идентичность: методический аспект // Социология: 4М. 2000. № 12. С. 77–95.
- Емельянова 2019 – *Емельянова Т.П.* Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход / Ин-т психологии РАН. М., 2019. 299 с.
- Емельянова и др. 2018 – *Емельянова Т.П., Белых Т.В., Шабанова В.Н.* Образы прошлого, настоящего и будущего у представителей поколения «бэби-бумеров» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2018. № 3. С. 75–85.
- Емельянова и др. 2022 – *Емельянова Т.П., Викентьева Е.Н., Тарасов С.В.* Городская идентичность и образ будущего в двух городах: фактор поколений // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 4. С. 57–78.
- Емельянова, Мишарина 2019 – *Емельянова Т.П., Мишарина А.В.* Различия в коллективной памяти поколений: социально-психологический подход // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2019. Т. 8. Вып. 4 (32). С. 334–340.
- Ефремова, Григорян 2014 – *Ефремова М.В., Григорян Л.К.* Коллективные эмоции вины и стыда: обзор современных исследований // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3. № 4. С. 71–88. URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2014_n4/75378 (дата обращения 25 июля 2025).
- Максимова 2014 – *Максимова О.А.* Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 6. С. 246–252.
- Мангейм 1998 – *Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.
- Прихидько 2009 – *Прихидько А.И.* Межгрупповые эмоции: основные направления исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 4. С. 103–116. URL: <http://psy-journal.hse.ru/2009-6-4/26699449.html> (дата обращения 26 июля 2025).
- Радаев 2018 – *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.

- Ржанова и др. 2022 – *Ржанова И.Е., Алексеева О.С., Альбов А.С., Бурдукова Ю.А.* Гендерные различия по индивидуальным ценностям у представителей поколения миллениалов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12. Вып. 3. С. 249–264.
- Рикель и др. 2021 – *Рикель А.М., Федорова Н.В., Бовина И.Б.* Между горем и гордостью: визуальные методы для исследования межпоколенческих особенностей эмоциональных переживаний и коллективной памяти о войне // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29. № 4. С. 127–143.
- Солдатов 2016 – *Солдатов А.А.* Старообрядческая традиция через призму теории памяти // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 405. С. 129–136.
- Шуман, Скотт 1992 – *Шуман Г., Скотт Ж.* Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.
- Bartlett 1932 – *Bartlett F.C.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: CUP, 1932. 344 p.
- Halbwachs 1950 – *Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. Paris: PUF, 1950. 144 p.
- Manzanero et al. 2021 – *Manzanero A.L., Vallet R., Escorial S., Fernández J., Vicente F., Rubio M.G., Vara A.* Remembering terrorist attacks: Evolution over time // Memory Studies. 2021. Vol. 14. Iss. 4. P. 762–780.
- Schuman, Corning 2017 – *Schuman H., Corning A.* The Conversion of Generational Effects into Collective Memories // International Journal of Public Opinion Research. 2017. Vol. 29. Iss. 3. P. 520–532.
- Smith et al. 2007 – *Smith E.R., Seger C., Mackie D.M.* Can emotions be truly group level? Evidence regarding four conceptual criteria // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. Vol. 93. № 3. P. 431–446.

References

- Baranova, V.A. and Dontsov, A.I. (2019), “Collective memories and cultural trauma of different generational groups”, *Social Psychology and Society*, vol. 10, no. 2, pp. 29–46.
- Bartlett, F.C. (1932), *Remembering: A study in experimental and social psychology*, CUP, Cambridge, UK.
- Efremova, M.V. and Grigoryan, L.K. (2014), “The collective emotions of guilt and shame: a review of current research”, *Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 3, no. 4, pp. 71–88, available at: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2014_n4/75378 (Accessed 25 July 2025).
- Emelyanova, T.P. (2019), *Kollektivnaya pamyat o sobytiakh otechestvennoi istorii: sotsial'no-psikhologicheskii podkhod* [Collective memory of the events of national history. A socio-psychological approach], Moscow, Russia.

- Emelyanova, T., Belykh, T. and Shabanova, V. (2018), "Images of the past, present and future of the 'baby boomers' generation", *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, no. 3, pp. 75–85.
- Emelyanova, T. and Misharina, A. (2019), "Differences in generations' collective memory: a socio-psychological approach", *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, vol. 8, iss. 4 (32), pp. 334–340.
- Emelyanova, T.P., Vikentieva, E.N. and Tarasov, S.V. (2022), "Urban identity and image of the future in two cities: generation factor", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 57–78.
- Daudrikh, N.I. (2000), "Social identity. Methodological aspect", *Sociology: AM*, vol. 12, pp. 77–95.
- Guseltseva, M.S. (2018), "Study of identity in the context of social and cultural changes", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2 (12), pp. 9–27.
- Guseltseva, M.S. (2025), "Changing ideas about socialization in connection with the transformations of modernity the present", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 1, pp. 10–35.
- Halbwachs, M. (1950), *Les cadres sociaux de la mémoire* [The social frameworks of memory], PUF, Paris, France.
- Maksimova, O.A. (2014), "Self-identification and collective memory of generations of modern Russian society", *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, no. 6, pp. 246–252.
- Mannheim, K. (1998), "The issue of generations", *New Literary Review*, no. 30, pp. 7–47.
- Manzanero, A.L., Vallet, R., Escorial, S., Fernández, J., Vicente, F., Rubio, M.G. and Vara, A. (2021), "Remembering terrorist attacks: Evolution over time", *Memory Studies*, vol. 14, iss. 4, pp. 762–780.
- Prikhid'ko, A.I. (2009), "Intergroup emotions. The main research directions", *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 6, no. 4, pp. 103–116, available at: <http://psy-journal.hse.ru/2009-6-4/26699449.html> (Accessed 26 July 2025).
- Radaev, V.V. (2018), "Millennials compared to previous generations: An empirical analysis", *Sociological Studies*, no. 3, pp. 15–33.
- Rikel, A.M., Fedorova, N.V. and Bovina, I.B. (2021), "Between Grief and Pride: Visual Methods for the Study of Intergenerational Features of Emotional Experiences and Collective Memory of the War", *Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 29, no. 4, pp. 127–143.
- Rzhanova, I.E., Alekseeva, O.S., Albov, A.S. and Burdukova, Yu.A. (2022), "Gender differences in values among representatives of the millennial generation", *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 12, iss. 3, pp. 249–264.
- Schuman, H. and Corning, A. (2017), "The Conversion of Generational Effects into Collective Memories", *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 29, iss. 3, pp. 520–532.
- Schuman, H. and Scott, J. (1992), "Collective Memory of Generations", *Sociological Studies*, no. 2, pp. 47–61.

- Smith, E.R., Seger, C. and Mackie, D.M. (2007), "Can emotions be truly group level? Evidence regarding four conceptual criteria", *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 93, no. 3, pp. 431–446.
- Soldatov, A.A. (2016), "The old believer tradition in terms of memory studies", *Tomsk State University Journal*, no. 405, pp. 129–136.

Информация об авторах

Татьяна П. Емельянова, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН, Москва, Россия; 129366, Россия, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1; t_emelyanova@inbox.ru

Надежда В. Храповицкая, старший преподаватель, Московский технический университет связи и информатики, Москва, Россия; 111024, Россия, Москва, ул. Авиамоторная, д. 8А; n.v.hrapovickaya@mtuci.ru

Ева Н. Викентьева, кандидат психологических наук, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Ленинградский пр., д. 49; vikentieva@mail.ru

Information about the authors

Tatyana P. Emelyanova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian Academy of Sciences Institute of Psychology, Moscow, Russia; bld. 13–1, Yaroslavskaya Street, Moscow, Russia, 129366; t_emelyanova@inbox.ru

Nadezhda V. Khrapovitskaya, senior lecturer, Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia; bld. 8A, Aviamotornaya Street, Moscow, Russia, 111024; n.v.hrapovickaya@mtuci.ru

Eva N. Vikentieva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskii Avenue, Moscow, Russia, 125993; vikentieva@mail.ru

Психологическое благополучие
и удовлетворенность жизнью подростков
в родных и приемных семьях

Лариса А. Головей

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, lgolovey@yandex.ru*

Ольга С. Галашева

*Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия, oly.g.996@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению психологического благополучия, социально-психологической адаптации (СПА) и удовлетворенности жизнью девушек и юношей подросткового возраста, проживающих в родных и приемных семьях. Актуальность настоящего исследования обуславливается значимостью обеспечения полноценного всестороннего развития личности подростков из приемных семей, а также недостаточной изученностью особенностей подростков, социализирующихся в приемной семье. В исследовании приняли участие 220 подростков (146 подростков из родных семей, 74 подростка из приемных семей). В качестве методов использовались: шкала психологического благополучия К. Рифф, многомерная шкала удовлетворенности жизнью Е.С. Хьюбнера, методика диагностики социально-психологической адаптации личности (К. Роджерс, Р. Даймонд). Исследование выявило более высокие параметры психологического благополучия, социально-психологической адаптации и удовлетворенности жизнью. Вместе с тем подростки из приемных семей больше ориентированы на социальное взаимодействие, в то время как подростки из семей с родными родителями более интернальны и имеют более высокий уровень самопринятия. В настоящем исследовании выявлены половые различия психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и СПА. Обнаружены также различия в предикторах исследованных показателей у юношей и девушек и подростков из родных и приемных семей.

Ключевые слова: психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью, социально-психологическая адаптация, подростки, приемная семья

Для цитирования: Головей Л.А., Галашева О.С. Психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью подростков в родных и приемных семьях // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 4. С. 67–85. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-67-85

Psychological well-being and life satisfaction of adolescents in birth and adoptive families

Larisa A. Golovey

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia, lgolovey@yandex.ru

Olga S. Galasheva

Saint Petersburg State University

Saint Petersburg, Russia, oly.g.996@gmail.com

Abstract. The article deals with the consideration of psychological well-being, socio – psychological adaptation (SPA) and life satisfaction of adolescent girls and boys from their birth and adoptive families. The relevance of the study arises from the importance of ensuring the complete, comprehensive personality development of adolescents from foster families, as well as insufficient knowledge of the characteristics of adolescents socializing in foster care. 220 teenagers participated in the study (146 teenagers from native families, 74 teenagers from foster families). The following methods were used: K. Ryff's psychological well-being scale, E.S. Huebner's multidimensional life satisfaction scale, and methods for diagnosing socio-psychological personality adaptation (K. Rogers, R. Diamond). The study revealed higher parameters of psychological well-being, socio-psychological adaptation, and life satisfaction. At the same time, teenagers from foster families are more focused on social interaction, while teenagers from native families are more internalized and have a higher level of self-acceptance. The present study identifies gender differences in psychological well-being, life satisfaction, and SPA. Differences in the predictors of the studied indicators were also found in boys and girls and adolescents from native and foster families.

Keywords: psychological well-being, life satisfaction, socio-psychological adaptation, adolescents, foster family

For citation: Golovey, L.A. and Galasheva, O.S. (2025), "Psychological well-being and life satisfaction of adolescents in birth and adoptive families", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 67–85, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-67-85

Введение

Семья выступает институтом социализации личности, занимается воспитанием ребенка и играет важную роль в формировании ценностей и установок подростка [Раевская, Колупаева 2015], в становлении его личности [Карабанова 2017]. Вместе с тем остаются недостаточно изученными проблемы социализации подростков, воспитывающихся в приемных семьях, способности этих семей оказывать необходимую поддержку, содействовать полноценному всестороннему развитию личности подростков.

Дети из приемных семей рассматриваются как уязвимая группа, поскольку они могли столкнуться с многими неблагоприятными ситуациями до размещения в приемной семье. Одной из особенностей приемной семьи является наличие у детей психотравмирующего опыта расставания с родителями и связанного с этим риска возникновения поведенческих нарушений, сложностей адаптации [Осипова 2013; Slopen et al. 2022]. Помимо расставания с родными родителями, подростки из приемных семей могут иметь негативный опыт помещения в детский дом, проживания в неблагополучных семьях, насилия, утраты родных, отказ родителей от ребенка и пр., и как следствие – переживание чувства отвержения, беспомощности. Все это создает сложности в адаптации детей [Викторова 2016], может влиять на их психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью [Махмутова, Кириллова 2020].

Дети из приемных семей часто имеют более значительные проблемы по сравнению со своими сверстниками в ключевых аспектах благополучия на протяжении всей своей жизни, включая перерывы в обучении, проблемы с физическим и психическим здоровьем [Vallejo-Slocker et al. 2024]. Подростки, оказавшиеся в статусе сирот, могут проявлять существенные различия в процессе социализации и адаптации, автономности, активности, в сравнении со сверстниками из родных семей [Мазурова, Фролова 2020]. Было выявлено, что дети, воспитывающиеся в приемных семьях, считают наиболее важными потребности в безопасности, принадлежности, самоуважении и самореализации [Steenbakkens et al. 2018].

Подростки, находящиеся в детском доме, демонстрируют низкий интерес к учебе, дружбе, у них преобладает экстернальный локус контроля и низкая социальная активность [Мазурова, Фролова 2020]. В то же время исследователи отмечают, что воспитание в приемной семье (в сравнении с нахождением в детском доме) способствует развитию параметров психологического благополучия подростков [Махмутова, Кириллова 2020] и смягчает последствия психической депривации [Шульга, Татаренко 2013; Ослон

и др. 2023]. С возрастом у подростков из приемных семей повышается «чувство безопасности», при этом предыдущий негативный опыт влияет на их социальную и школьную адаптацию [Телицына 2021]. Основу субъективного благополучия подростков, воспитывающихся в приемной семье, составляет возможность развиваться, добиваться поставленных целей, поддерживая позитивные отношения с окружающими [Махмутова, Кириллова 2020]. Важными при этом являются как личностные качества родителей – гибкость, самостоятельность, ответственность взрослых [Белугина 2021], так и сотрудничество с родителями, взаимоуважение, доверительные отношения, способствующие полноценному социальному развитию личности подростка [Резник 2021].

Задачами исследования стал сравнительный анализ психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и социально-психологической адаптации (СПА) подростков, проживающих в родных и приемных семьях.

В исследовании приняли участие 220 подростков, выборка была разделена на группы согласно семейному родству – 74 подростка (51 девушка и 23 юноши) растут в приемных семьях, 146 подростков (109 девушек и 37 юношей) воспитываются в семьях с биологическими родителями.

В качестве методов использовались: шкала психологического благополучия К. Рифф [Жуковская, Трошихина 2011], многомерная шкала удовлетворенности жизнью Е.С. Хюбнера [Сычев и др. 2018], методика диагностики социально-психологической адаптации личности (СПА, К. Роджерс, Р. Даймонд)¹.

Обработка данных производилась с применением программы SPSS 26, используемые критерии: U-критерий Манна–Уитни, корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты исследования

Результаты сравнительного анализа психологического благополучия, удовлетворенности жизнью, СПА в группах подростков из приемных и родных семей представлены в табл. 1.

¹ Практикум по возрастной психологии: Учеб. пособие / Под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. С. 348–354.

Таблица 1

Психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью,
социально-психологическая адаптация подростков
из приемных и родных семей

Показатели	Родная семья ($N = 146$)		Приемная семья ($N = 74$)		U	p
	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ		
Адаптация	69,916	15,518	65,139	12,946	4212,0	0,008
Самопринятие (СПА)	70,732	19,742	61,093	17,524	3643,5	0,000
Интернальность	68,491	16,133	61,399	15,463	4041,5	0,002
Социально-психоло- гическая адаптация	389,786	79,961	363,744	67,533	4154,0	0,005
Компетентность	10,267	2,332	9,378	1,914	4004,5	0,002
Личностный рост	11,692	2,368	10,851	2,464	4361,0	0,019
Самопринятие (К. Рифф)	10,870	2,622	10,068	2,229	4355,5	0,018
Психологическое благополучие	66,000	11,106	62,743	8,741	4388,0	0,023
Удовлетворенность жизнью в сфере взаимоотношений «Семья»	23,185	5,173	20,716	6,289	4185,5	0,006
Удовлетворенность жизнью «Я сам»	23,014	5,218	21,554	5,158	4473,5	0,037
Удовлетворенность жизнью «Друзья»	25,288	5,186	23,892	4,923	4540,5	0,052
Общий показатель удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ)	110,274	19,102	103,135	19,967	4326,5	0,016

У подростков из родных семей выше общий уровень психологического благополучия ($p \leq 0,023$), СПА ($p \leq 0,005$), удовлетворенности жизнью ($p \leq 0,016$). Анализ различий по отдельным параметрам показал, что у подростков из родных семей выше уровень адаптации ($p \leq 0,008$), интернальности ($p \leq 0,002$), компетентности ($p \leq 0,002$), личностного роста ($p \leq 0,019$), самопринятия как по

методике Роджерса, Даймонда, так и по методике Рифф (СПА $p \leq 0,000$, Рифф $p \leq 0,018$). У них также выше удовлетворенность собой ($p \leq 0,037$) и взаимоотношениями в семье ($p \leq 0,006$) и с друзьями ($p \leq 0,052$).

Таким образом, проживание именно в родной семье способствует адаптации подростка, развитию у него самопринятия, интернальности, компетентности, стремления к личностному росту, способствует удовлетворенности взаимоотношениями с семьей, с собой, с друзьями. В то время, как, подростки из приемных семей, характеризуются более низким уровнем СПА, психологического благополучия и удовлетворенности жизнью. Указанные особенности могут быть обусловлены пережитым негативным опытом и согласуются с результатами анализа СПА подростков в ряде исследований [Галашева, Головей 2023]. Это может свидетельствовать и о влиянии общего уровня социально-психологической адаптации на различные сферы жизни. При этом, немаловажную роль играют индивидуально-психологические особенности, особенности взаимодействия в семье [Гребенникова, Фирсова 2009], половые особенности [Гребенникова, Фирсова 2009; Виноградова, Бобкова 2010] и пр.

Следующей задачей исследования стал анализ половых особенностей психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и СПА, проведенный на общей выборке подростков. Результаты этого анализа представлены в табл. 2.

Таблица 2

Половые особенности психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и социально-психологической адаптации девушек и юношей по всей выборке

Показатели	Девушки ($N = 160$)		Юноши ($N = 60$)		U	p
	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ		
Самопринятие (СПА)	64,345	19,415	75,877	17,348	3219	0,000
Принятие других	70,983	15,442	58,691	15,682	2709	0,000
Эмоциональный комфорт	32,475	16,716	66,700	16,242	968	0,000
Интернальность	64,217	15,948	71,142	16,017	3724	0,010
Стремление к доминированию	72,967	20,809	60,906	16,878	2793	0,000

Окончание табл. 2

Показатели	Девушки ($N = 160$)		Юноши ($N = 60$)		U	p
	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ		
Личностный рост	11,606	2,364	10,883	2,538	3884	0,028
Позитивные отношения	11,438	2,581	10,717	2,034	3752	0,012
Психологическое благополучие	65,781	10,920	62,567	8,804	3800	0,017
Удовлетворенность жизнью «Я сам»	22,894	5,277	21,533	5,020	3948	0,042
Удовлетворенность жизнью «Друзья»	25,244	4,687	23,683	6,058	3658	0,006

Как видно из табл. 2, у юношей выше уровень самопринятия ($p \leq 0,000$), эмоционального комфорта ($p \leq 0,000$), интернальности ($p \leq 0,010$). У девушек выше принятие других ($p \leq 0,000$), стремление к доминированию ($p \leq 0,000$), направленность на личностный рост ($p \leq 0,028$) и позитивные отношения ($p \leq 0,028$), а также психологическое благополучие ($p \leq 0,017$), удовлетворенность взаимоотношениями с собой ($p \leq 0,042$) и друзьями ($p \leq 0,006$). Это отчасти согласуется с результатами, полученными нами в другом исследовании на выборке 299 подростков, в котором у юношей были выявлены более высокие параметры Эмоционального комфорта и Интернальности [Головей, Галашева 2023].

Далее, в соответствии с задачами, рассмотрим аналогичные показатели девушек.

Как видно из табл. 3, у девушек из родных семей выше общий уровень СПА ($p \leq 0,003$) и психологическое благополучие ($p \leq 0,042$), а также частные показатели в структуре СПА: адаптация ($p \leq 0,025$), самопринятие (СПА $p \leq 0,000$, Рифф $p \leq 0,012$), эмоциональный комфорт ($p \leq 0,009$), интернальность ($p \leq 0,001$), компетентность ($p \leq 0,050$), личностный рост ($p \leq 0,041$). Таким образом, девушки из родных семей характеризуются более высоким уровнем адаптации, психологического благополучия, самопринятия, эмоционального комфорта, интернальности, компетентности, стремления к личностному росту. Результаты подтверждаются исследованиями других ученых, в которых отмечается, что девушки, проживающие в приемных семьях, проявляют более низкие показатели психосоциального благополучия в целом [Bruskas, Tessin 2013].

Таблица 3

Психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью
и социально-психологическая адаптация девушек
из родных и приемных семей

Показатели	Родная семья ($N = 109$)		Приемная семья ($N = 51$)		U	p
	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ		
Адаптация	70,408	16,072	65,652	13,610	2166,5	0,025
Самопринятие (СПА)	68,507	19,775	55,449	15,345	1589,5	0,000
Эмоциональный комфорт	36,088	18,917	24,754	5,132	2068,5	0,009
Интернальность	66,929	15,738	58,422	14,949	1901	0,001
Социально-психологическая адаптация	384,078	79,361	352,079	65,130	1975	0,003
Компетентность	10,312	2,372	9,647	1,937	2250	0,050
Личностный рост	11,881	2,272	11,020	2,470	2227,5	0,041
Самопринятие (Рифф)	11,092	2,577	10,000	2,417	2101	0,012
Психологическое благополучие	66,826	11,510	63,549	9,251	2224	0,042

Результаты измерения аналогичных показателей у юношей представлены в табл. 4.

Таблица 4

Психологическое благополучие, удовлетворенность жизнью
и социально-психологическая адаптация юношей
из родных и приемных семей

Показатели	Родная семья ($N = 37$)		Приемная семья ($N = 23$)		U	p
	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ		
Компетентность	10,135	2,238	8,783	1,757	249,5	0,007
Удовлетворенность жизнью «Семья»	23,081	5,046	19,652	5,997	271	0,018

В данном случае достоверные различия выявлены только по двум параметрам: у юношей из приемных семей ниже компетентность ($p \leq 0,007$) и удовлетворенность взаимоотношениями в семье ($p \leq 0,018$). По остальным показателям статистически значимые различия отсутствуют. Таким образом, юноши из приемных семей характеризуются меньшей удовлетворенностью взаимоотношениями в семье и недостаточной компетентностью, говорящей об отсутствии необходимых знаний, опыта и навыков. В то время как девушки из приемных семей проявляют низкие показатели по большинству критериев психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и СПА в сравнении с юношами (см. табл. 3). Это позволяет высказать предположение о наличии большей чувствительности девушек к разлуке с родной семьей и проживанию в приемной. Данный факт частично согласуется с результатами исследования, в котором авторами показано, что девушкам из приемных семей в большей мере, чем юношам, свойственны дезадаптивные черты, среди которых, в числе прочих, отмечают также проявления андрогинности, искажение половой идентичности [Виноградова, Бобкова 2010].

Далее проводился сравнительный анализ показателей в группах девушек и юношей из родных семей (см. табл. 5).

Таблица 5

Половые особенности психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и социально-психологической адаптации подростков из родных семей

Показатели	Девушки ($N = 109$)		Юноши ($N = 37$)		U	p
	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ		
Самопринятие (СПА)	68,507	19,775	77,287	18,370	1474	0,015
Принятие других	71,753	16,559	60,121	15,961	1195	0,000
Эмоциональный комфорт	36,088	18,917	67,756	17,222	508,5	0,000
Стремление к доминированию	70,394	23,889	59,874	19,093	1375,5	0,004
Позитивные отношения	11,615	2,694	10,784	2,123	1568	0,042

Половые различия подростков из родных семей проявились у юношей в более высоком уровне СПА ($p \leq 0,015$), эмоционального

комфорта ($p \leq 0,000$), в то время как девушек характеризуют принятие других ($p \leq 0,000$), стремление к доминированию ($p \leq 0,004$) и направленность на позитивные отношения ($p \leq 0,042$), что согласуется с результатами, полученными на общей выборке.

Таблица 6

Половые особенности психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и социально-психологической адаптации подростков из приемных семей

Показатели	Девушки ($N = 51$)		Юноши ($N = 23$)		U	p
	\bar{X}	σ	\bar{X}	σ		
Самопринятие (СПА)	55,449	15,345	73,609	15,689	241,0	0,000
Принятие других	69,338	12,725	56,391	15,287	291,0	0,001
Эмоциональный комфорт	24,754	5,132	65,000	14,740	45,0	0,000
Интернальность	58,422	14,949	68,000	14,811	379,0	0,015
Стремление к доминированию	78,466	9,955	62,565	12,759	213,5	0,000
Социально-психологическая адаптация	352,079	65,130	389,609	66,915	407,0	0,036
Компетентность	9,647	1,937	8,783	1,757	424,0	0,054
Удовлетворенность жизнью «Друзья»	24,784	4,973	21,913	4,274	337,0	0,003

Рассмотрение половых различий подростков из приемных семей выявило более высокий уровень самопринятия (СПА, $p \leq 0,000$), эмоционального комфорта ($p \leq 0,000$), интернальности ($p \leq 0,015$), социально-психологической адаптации ($p \leq 0,036$) у юношей. У девушек оказалось выше принятие других ($p \leq 0,001$), стремление к доминированию ($p \leq 0,000$), компетентность ($p \leq 0,054$), удовлетворенность взаимоотношениями с друзьями ($p \leq 0,003$).

Таким образом, сравнительный анализ половых особенностей подростков из родных и приемных семей выявил как общие характеристики, так и различия показателей. Так, для юношей

обеих групп характерен более высокий уровень самопринятия и эмоционального комфорта; для девушек такими отличительными особенностями являются принятие других и стремление к доминированию. Юношей в приемных семьях отличает, помимо уже указанного, более высокий уровень интернальности и СПА, в то же время для девушек характерна более высокая компетентность и удовлетворенность отношениями с другими. Таким образом, можно говорить о том, что у юношей более выражено стремление искать причины происходящего в себе и своих поступках, в то время как девушки ориентированы на социум, они проявляют более высокий уровень социальной компетентности.

Корреляционный анализ

Для выявления взаимосвязей между анализируемыми показателями был применен корреляционный анализ показателей психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и социально-психологической адаптации в выделенных ранее группах.

Так, у девушек из родных семей обнаружено 173 связи $p \leq 0,01$ и 5 связей при $p \leq 0,05$, в то время как у девушек из приемных семей обнаружено 136 связей при $p \leq 0,01$ и 17 связей при $p \leq 0,05$.

У юношей из родных семей 81 связь при $p \leq 0,01$ и 36 связей при $p \leq 0,05$. У юношей из приемных семей обнаружено 67 связей при $p \leq 0,01$ и 37 связей при $p \leq 0,05$. Это указывает на более интегрированную структуру всех параметров психосоциального благополучия девушек, что может объясняться их большей зрелостью. Учитывая большое количество взаимосвязей между параметрами, а также для выявления предикторов СПА, психологического благополучия и удовлетворенности жизнью мы сочли целесообразным применить регрессионный анализ.

Регрессионный анализ

Результаты регрессионного анализа в группе подростков из родных семей ($N = 146$) представлены в табл. 7.

Таблица 7

Регрессионная модель соотношения показателей социально-психологической адаптации, удовлетворенности жизнью и психологического благополучия подростков из родных семей

Зависимая переменная	R	R2	Предикторы	β	B(SE)	p
Психологическое благополучие	0,846	0,716	Эмоциональный комфорт (СПА)	-0,424	-0,204 (0,079)	0,011
			СПА	0,928	0,129 (0,060)	0,033
Общий показатель удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ)	0,726	0,527	Личностный рост (Рифф)	-0,700	-5,008 (2,036)	0,020
			Жизненные цели (Рифф)	0,491	4,284 (1,824)	0,026

Обнаружено, что предикторами психологического благополучия у подростков из родных семей выступают эмоциональный комфорт ($p \leq 0,011$) и общий показатель СПА ($p \leq 0,033$). Предикторами удовлетворенности жизнью выступают параметры психологического благополучия: направленность на личностный рост ($p \leq 0,020$) и жизненные цели ($p \leq 0,026$).

Таблица 8

Регрессионная модель соотношения показателей социально-психологической адаптации, удовлетворенности жизнью и психологического благополучия подростков из приемных семей

Зависимая переменная	R	R2	Предикторы	β	B(SE)	p
Психологическое благополучие	0,809	0,654	Удовлетворенность жизнью «Школа»	0,276	0,473 (0,229)	0,043
Общий показатель удовлетворенности жизнью (ШУДЖИ)	0,751	0,564	Самопринятие (Рифф)	0,237	2,122 (0,945)	0,028
			Принятие других (СПА)	0,575	0,777 (0,362)	0,036

При рассмотрении предикторов психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в группах подростков из приемных семей ($N = 74$) обнаружено, что позитивным предиктором психологического благополучия у подростков из приемных семей выступает удовлетворенность взаимоотношениями в школе ($p \leq 0,043$), а предикторами удовлетворенности жизнью являются самопринятие ($p \leq 0,028$) и принятие других ($p \leq 0,036$). Из сравнительного анализа результатов регрессионного анализа можно сделать вывод о большей зависимости психологического благополучия и удовлетворенности жизнью подростков из приемных семей от их социальных условий и отношения к себе. В то же время удовлетворенность жизнью подростков, проживающих в родных семьях, связана с эмоциональным комфортом, направленностью на личностный рост и жизненные цели. В целом можно сказать, что психологическое благополучие и социальная адаптация подростков, проживающих в приемных семьях, в большей мере зависят от внешнего социального окружения, а подростков из родных семей – от индивидуально-личностных характеристик.

Обсуждение результатов

Результаты проведенного нами исследования обнаружили снижение уровня психологического благополучия, удовлетворенности жизнью и СПА у подростков, воспитывающихся в приемных семьях. Объяснением более низкому уровню психологического благополучия и удовлетворенности жизнью может быть наличие травматического опыта проживания в неблагополучной семье, расставания с родителями, что определяет ряд особенностей этих детей, которые делают их уязвимыми, а последствия травмирующего опыта сохраняются даже во взрослой жизни, что отмечают и другие ученые [Викторова 2016; Махмутова, Кириллова 2020; Vallejo-Slocker et al. 2024]. В то же время сравнение структуры психологического благополучия сирот, социализирующихся в семье и в детском доме, выявило, что сироты, проживающие в приемных семьях, имеют более высокие показатели психологического благополучия, такие как «Позитивные отношения с окружающими», «Компетентность», «Личностный рост», «Цели в жизни» и «Самопринятие» [Махмутова, Кириллова 2020], что, несомненно, указывает на более благоприятные условия развития ребенка в семье по сравнению с условиями детского дома. При этом травматический опыт расставания с родителями и проживание в детстве в неблагоприятных условиях по-разному переживается юношами

и девушками, что проявляется в результате в их СПА в целом и в отдельных ее показателях. Так, сравнительный анализ выявил более высокий уровень СПА и интернальности у юношей из приемных семей по сравнению с девушками, для которых характерны более высокая компетентность и удовлетворенность отношениями с окружающими. Такие данные позволяют предположить, что юноши из приемных семей более успешно адаптируются и сохраняют контроль над ситуацией по сравнению с девушками. В то же время основными ресурсами СПА у девушек являются компетентность, умение разбираться в ситуациях и их удовлетворенность отношениями с другими. Такие данные получены впервые, однако, исследователи отмечают, что юноши подросткового возраста более чувствительны к отвержению, чем девушки [Marston et al. 2010], они с меньшей вероятностью говорят о собственных проблемах и меньше обращаются за помощью, рассматривая это, как возможную угрозу мужской идентичности и самооценке. Авторы полагают, что это обуславливается социальными ролями и поведенческими ожиданиями, а в ряде случаев стигматизирующими установками окружающих [Lisk et al. 2023; Lavoie et al. 2019; Плотов 2023]. Как показали результаты регрессионного анализа, основными факторами психологического благополучия для подростков из приемных семей являются удовлетворенность взаимоотношениями в школе, самопринятие и принятие других, что подтверждает важность внешней поддержки для них. Сотрудникам психологической службы школы и педагогам необходимо создавать условия для принятия коллективом этих детей, создания атмосферы уважения личности. При работе и обучении детей, проживающих в родных семьях, важно формирование направленности на личностный рост и жизненные цели.

Выводы

1. Половые различия проявились в более высоком уровне психологического благополучия, личностного роста, позитивных отношений, принятии других у девушек. Для них характерно стремление к доминированию, удовлетворенность взаимоотношениями с собой и с друзьями. Юношей отличают самопринятие, эмоциональный комфорт, интернальность. То есть можно говорить о большей направленности юношей на себя, а девушек – на социум.

2. При сравнении групп подростков из приемных и родных семей оказалось, что у подростков, проживающих в родных семьях, выше общий уровень психологического благополучия и

большинства его составляющих (компетентности, направленности на личностный рост и жизненные цели, самопринятия), выше общая удовлетворенность жизнью и ее аспектами (взаимоотношения в семье, с друзьями, с собой), а также более высокий уровень СПА, интернальности, самопринятия.

3. В сравнении с девушками из приемных семей у девушек, проживающих с родными родителями, выше уровень психологического благополучия, компетентности, направленности на личностный рост, общий уровень СПА, самопринятия, эмоционального комфорта и интернальности.

4. У юношей из родных семей выше компетентность и удовлетворенность взаимоотношениями в семье в сравнении с юношами из приемных семей, у которых данные показатели ниже.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФ, грант РФФ № 23-28-00999.

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00999.

Литература

- Белугина 2021 – *Белугина М.А.* Психологические особенности жизненных стратегий замещающих семей // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 6 (123). С. 153–159.
- Викторова 2016 – *Викторова Н.А.* Особенности содержательных характеристик суверенности подростков, воспитывающихся в приемных семьях // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 124. С. 1–12.
- Виноградова, Бобкова 2010 – *Виноградова Г.А., Бобкова Т.С.* Роль приемной семьи в процессе становления полового самосознания подростков // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 2. С. 228–244.
- Галашева, Головей 2023 – *Галашева О.С., Головей Л.А.* Психологическое благополучие и удовлетворенность жизнью в связи с социально-психологической адаптацией подростков // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 3. С. 1–14.

- Головей, Галашева 2023 – *Головей Л.А., Галашева О.С.* Роль социальной поддержки и жизнестойкости в социально-психологической адаптации юношей и девушек // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 4. С. 509–522.
- Гребенникова, Фирсова 2009 – *Гребенникова Е.В., Фирсова О.В.* Социально-психологическая адаптация детей-сирот в приемных семьях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 4 (82). С. 51–55.
- Жуковская, Трошихина 2011 – *Жуковская Л.В., Трошихина Е.Г.* Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал. 2011. Т. 32. № 2. С. 82–93.
- Карабанова 2017 – *Карабанова О.А.* Детско-родительские отношения и практики воспитания в семье: кросс-культурный аспект // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 15–26.
- Мазурова, Фролова 2020 – *Мазурова Н.В., Фролова А.А.* Особенности социализации подростков-сирот // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2020. № 4. С. 102–116.
- Махмутова, Кириллова 2020 – *Махмутова Р.К., Кириллова М.К.* Психологическое благополучие подростков, воспитывающихся в приемных семьях // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 4. С. 1–8.
- Осипова 2013 – *Осипова А.А.* Психологические проблемы приемной семьи // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 290–297.
- Ослон и др. 2023 – *Ослон В.Н., Одинцова М.А., Семья Г.В., Зайцев Г.О., Колесникова У.В.* Субъективное благополучие молодых людей из числа детей-сирот в условиях перехода в самостоятельную жизнь // Психология и право. 2023. Т. 13. № 4. С. 272–293.
- Плутов 2023 – *Плутов Л.Е.* Половая специфика обращения российских подростков за профессиональной психологической помощью // Социодинамика. 2023. № 10. С. 44–57.
- Раевская, Колупаева 2015 – *Раевская О.В., Колупаева О.Б.* Психологические особенности отношения к семье и браку у детей, воспитывающихся вне семьи // Вестник практической психологии образования. 2015. Т. 12. № 4. С. 53–58.
- Резник 2021 – *Резник Н.А.* Семья как фактор социализации личности ребенка // Педагогика: история, перспективы. 2021. Т. 4. № 6. С. 45–52.
- Сычев и др. 2018 – *Сычев О.А., Гордеева Т.О., Лункина М.В., Осин Е.Н., Сиднева А.Н.* Многомерная шкала удовлетворенности жизнью школьников // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23. № 6. С. 5–15.
- Телицына 2021 – *Телицына А.Ю.* Социальная адаптация детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в замещающих семьях // Социальные науки и детство. 2021. Т. 2. № 2. С. 84–95.
- Шульга, Татаренко 2013 – *Шульга Т.И., Татаренко Д.Д.* Психологические особенности подростков-сирот, не имеющих опыта социализации в семье // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 203–213.

- Bruskas, Tessin 2013 – *Bruskas D., Tessin D.H.* Adverse childhood experiences and psychosocial well-being of women who were in foster care as children // *The Permanente Journal*. 2013. Vol. 17. № 3. P. 131–141.
- Lavoie et al. 2019 – *Lavoie L., Dupéré V., Dion E., Crosnoe R., Lacourse É., Archambault I.* Gender Differences in Adolescents' Exposure to Stressful Life Events and Differential Links to Impaired School Functioning // *Journal of Abnormal Child Psychology*. 2019. Vol. 47. № 6. P. 1053–1064.
- Lisk et al. 2023 – *Lisk S., Sagar-Ouriaghli I., Carter B., Sclare I., Holly J., Brown J.S.L.* Engaging Older Adolescent Boys Into School-Based Mental Health Workshops: Testing Theory-Based Facilitators and Barriers in Focus Groups // *American Journal of Men's Health*. 2023. Vol. 17. № 5. P. 1–14.
- Marston et al. 2010 – *Marston E.G., Hare A., Allen J.P.* Rejection Sensitivity in Late Adolescence: Social and Emotional Sequelae // *Journal of Research on Adolescence*. 2010. Vol. 20. № 4. P. 959–982.
- Slopen et al. 2022 – *Slopen N., Cook B.L., Morgan J.W., Flores M.W., Mateo C., Garcia Coll C., Acevedo Garcia D., Priest N., Wethington E., Lee E., Moyer M., Tran N.M., Krumholz S., Williams D.R.* Family Stressors and Resources as Social Determinants of Health among Caregivers and Young Children // *Children*. 2022. Vol. 9. № 4. P. 1–20.
- Steenbakkens et al. 2018 – *Steenbakkens A., Ellingsen I.T., van der Steen S., Grietens H.* Psychosocial Needs of Children in Foster Care and the Impact of Sexual Abuse // *Journal of Child and Family Studies*. 2018. Vol. 27. № 4. P. 1324–1335.
- Vallejo-Slocker et al. 2024 – *Vallejo-Slocker L., Idoiaga-Mondragon N., Axpe I., Willi R., Guerra-Rodríguez M., Montserrat C., Del Valle J.F.* Systematic Review of the Evaluation of Foster Care Programs // *Psychosocial Intervention*. 2024. Vol. 33. № 1. P. 1–14.

References

- Belugina, M.A. (2021), “Psychological characteristics of substitute families' living strategies”, *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 6 (123), pp. 153–159.
- Bruskas, D. and Tessin, D.H. (2013), “Adverse childhood experiences and psychosocial well-being of women who were in foster care as children”, *The Permanente Journal*, vol. 17, no. 3, pp. 131–141.
- Galasheva, O.S. and Golovey, L.A. (2023), “Psychological well-being and life satisfaction in connection with the socio-psychological adaptation of adolescents”, *World of Science. Pedagogy and psychology*, vol. 11, no. 3, pp. 1–14.
- Golovey, L.A. and Galasheva, O.S. (2023), “The role of social support and resilience in the socio-psychological adaptation of adolescents”, *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, vol. 13, no. 4, pp. 509–522.
- Grebennikova, E.V. and Firsova, O.V. (2009), “Social-psychological adaptation of orphan children adopted families”, *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 4 (82), pp. 51–55.

- Karabanova, O.A. (2017), "Child-parent relationship and the practice of education in the family: cross-cultural aspect", *Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 6, no. 2, pp. 15–26.
- Lavoie, L., Dupéré, V., Dion, E., Crosnoe, R., Lacourse, É. and Archambault, I. (2019), "Gender Differences in Adolescents' Exposure to Stressful Life Events and Differential Links to Impaired School Functioning", *Journal of Abnormal Child Psychology*, vol. 47, no. 6, pp. 1053–1064.
- Lisk, S., Sagar-Ouriaghli, I., Carter, B., Sclare, I., Holly, J. and Brown, J.S.L. (2023), "Engaging Older Adolescent Boys Into School-Based Mental Health Workshops: Testing Theory-Based Facilitators and Barriers in Focus Groups", *American Journal of Men's Health*, vol. 17, no. 5, pp. 1–14.
- Mazurova, N.V. and Frolova, A.A. (2020), "Features of the socialization of teenage orphans", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 102–116.
- Makmutova, R.K. and Kirillova, M.K. (2020), "Psychological well-being of adolescents from foster families", *World of Science. Pedagogy and psychology*, vol. 8, no. 4, pp. 1–8.
- Marston, E.G., Hare, A. and Allen, J.P. (2010), "Rejection Sensitivity in Late Adolescence: Social and Emotional Sequelae", *Journal of Research on Adolescence*, vol. 20, no. 4, pp. 959–982.
- Osipova, A.A. (2013), "Psychological concerns of foster families", *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 161, pp. 290–297.
- Oslon, V.N., Odintsova, M.A., Sem'ya, G.V., Zaitsev, G.O. and Kolesnikova, U.V. (2023), "Subjective Well-Being of Young People from Among Orphans in the Conditions of Transition to Independent Life", *Psychology and Law*, vol. 13, no. 4, pp. 272–293.
- Plutov, L.E. (2023), "Gender specificity of psychological help-seeking among Russian adolescents", *Sociodynamics*, no. 10, pp. 44–57.
- Rayevskaya, O.V. and Kolupaeva, O.B. (2015), "Psychological features of attitudes towards family and marriage in children raised outside the family", *Bulletin of practical Psychology of Education*, vol. 12, no. 4, pp. 53–58.
- Reznik, N.A. (2021), "Family as a factor of socialization of a child's personality", *Pedagogy: History, Perspectives*, vol. 4, no. 6, pp. 45–52.
- Shulga, T.I. and Tatarenko, D.D. (2013), "Psychological characteristics of adolescent orphans with no experience of socialization in the family", *Psychological-Educational Studies*, no. 2, pp. 203–213.
- Sloven, N., Cook, B.L., Morgan, J.W., Flores, M.W., Mateo, C., Garcia Coll, C., Acevedo Garcia, D., Priest, N., Wethington, E., Lee, E., Moyer, M., Tran, N.M., Krumholz, S. and Williams, D.R. (2022), "Family Stressors and Resources as Social Determinants of Health among Caregivers and Young Children", *Children*, vol. 9, no. 4, pp. 1–20.
- Steenbakkens, A., Ellingsen, I.T., Van der Steen, S. and Grietens H. (2018), "Psychosocial Needs of Children in Foster Care and the Impact of Sexual Abuse", *Journal of Child and Family Studies*, vol. 27, no. 4, pp. 1324–1335.

- Sychev, O.A., Gordeeva, T.O., Lunkina, M.V., Osin, E.N. and Sidneva, A.N. (2018), "Multidimensional Students' Life Satisfaction Scale", *Psychological Science and Education*, vol. 23, no. 6, pp. 5–15.
- Telitsyna, A.Yu. (2021), "Social Adaptation of Orphans and Children left without Parental Care in Substitute Families", *Social Sciences and Childhood*, vol. 2, no. 2, pp. 84–95.
- Vallejo-Slocker, L., Idoiaga-Mondragon, N., Axpe, I., Willi, R., Guerra-Rodríguez, M., Montserrat, C. and Del Valle, J.F. (2024), "Systematic Review of the Evaluation of Foster Care Programs", *Psychosocial Intervention*, vol. 33, no. 1, pp. 1–14.
- Vikdorova, N.A. (2016), "Features of substantial characteristics of sovereignty of adolescents living in foster families", *Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University*, no. 124, pp. 1–12.
- Vinogradova, G.A. and Bobkova, T.S. (2010), "The meaning of the foster home for teenagers sexual identity development", *Siberian Pedagogical Journal*, no. 2, pp. 228–244.
- Zhukovskaya, L.V. and Troshikhina, E.G. (2011), "K. Ryff's scale of psychological well-being", *Psychological Journal*, vol. 32, no. 2, pp. 82–93.

Информация об авторах

Лариса А. Головей, доктор психологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; lgolovey@yandex.ru

Ольга С. Галашева, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; oly.g.996@gmail.com

Information about the authors

Larisa A. Golovey, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; lgolovey@yandex.ru

Olga S. Galasheva, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 7–9, Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, Russia, 199034; oly.g.996@gmail.com

Факторы формирования и поддержания неопределенности в болезни

Бронислав А. Фетисов

*Российский университет медицины
Москва, Россия, lortic@mail.ru*

Наталья А. Сирота

*Российский университет медицины
Москва, Россия, sirotan@mail.ru*

Аннотация. Неопределенность в болезни является распространенным психологическим феноменом, который сопровождает пациентов на всех этапах совладания с хроническими или острыми соматическими заболеваниями. При этом в исследованиях встречаются противоречивые данные о факторах, которые участвуют в формировании и поддержании того или иного уровня неопределенности в болезни. Цель исследования – определить значимые факторы, формирующие и поддерживающие неопределенность в болезни пациентов с онкологическими заболеваниями. В исследовании приняли участие 298 пациентов с различными видами злокачественных новообразований в возрасте от 18 до 85 лет. Среди них 51 онкологический пациент ожидал начало лечения противоопухолевой лекарственной терапией, а 247 пациентов его уже получали. В процессе исследования использовались социально-демографическая и клиническая анкеты, Шкала неопределенности в болезни М. Мишель (MUIS-A), форма для взрослых, Многомерная шкала восприятия социальной поддержки Г. Зимет (MSPSS). Результаты исследования показывают, что среди клинических параметров, формирующих и поддерживающих неопределенность в болезни онкологических пациентов, наиболее значимыми являются наличие или отсутствие IV стадии заболевания, рецидива в анамнезе, стаж лечения, проведение лечения амбулаторно или в условиях стационара. Воспринимаемая онкологическими пациентами социальная поддержка со стороны врачей также входит в состав детерминирующих неопределенность в болезни факторов. Социально-демографические характеристики онкологических пациентов не оказывают значительного влияния на показатели неопределенности в болезни.

Ключевые слова: неопределенность в болезни, восприятие социальной поддержки, клинические параметры, социально-демографические характеристики

Для цитирования: Фетисов Б.А., Сирота Н.А. Факторы формирования и поддержания неопределенности в болезни // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 4. С. 86–104. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-86-104

Determinants of the emergence and maintenance of uncertainty in illness

Bronislav A. Fetisov
*Russian University of Medicine
Moscow, Russia, lortic@mail.ru*

Natalya A. Sirota
*Russian University of Medicine
Moscow, Russia, sirotan@mail.ru*

Abstract. Uncertainty in illness is a prevalent psychological phenomenon that accompanies patients throughout at all stages of coping the chronic or acute somatic diseases. At the same time, research contains conflicting data on the factors involved in forming and maintaining varying levels of uncertainty in illness. The objective of the study was to identify key factors involved in the emergence and maintenance of uncertainty in illness among cancer patients. The study involved 298 patients with different types of cancer aged 18 to 85. Among them, 51 cancer patients were awaiting the start of anti-cancer drug therapy, while 247 were already undergoing treatment. During the research, the following were used: a socio-demographic and clinical questionnaires, the M. Mishel Uncertainty in Illness Scale, adult form (MUIS-A) and the Multidimensional Scale of Perceived Social Support (MSPSS) developed by G. Zimet. The results of the study indicate that among the clinical parameters, forming and maintaining uncertainty in illness among cancer patients, the most significant are the presence or absence of the stage IV disease and a history of recurrence, the duration of treatment, and the treatment setting (inpatient or outpatient care). The social support perceived by cancer patients from their doctors is also one of the factors that determine uncertainty in illness. At the same time, socio-demographic characteristics of cancer patients were not found to have a significant impact on levels of uncertainty in illness.

Keywords: uncertainty in illness, perceived social support, clinical parameters, socio-demographic characteristics

For citation: Fetisov, B.A. and Sirota, N.A. (2025), "Determinants of the emergence and maintenance of uncertainty in illness", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education."* Series, no. 4, pp. 86–104, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-86-104

Введение

Неопределенность воспринимается как естественный атрибут повседневной жизни, когда развитие событий и сопутствующие последствия не представляют угрозы благополучию человека и его здоровью, но все меняется в условиях острого или хронического заболевания, события которого имеют определенную степень вероятности, информация не всегда ясная, понятная и предсказуемая, ограниченная или избыточная по объему, наполненная новыми, ранее неизвестными аспектами, которые к тому же могут быть противоречивыми. Неопределенность вызывает чувство беспокойства, так как не позволяет определить вероятность развития исходов событий, при этом она является динамичным состоянием, которое можно регулировать активно с помощью когнитивных, эмоциональных или поведенческих стратегий или пассивно ожидать, что со временем оно изменится, когда поменяется восприятие обстоятельств ситуации [Penrod 2001]. Неопределенность нередко характеризуется как негативно окрашенное эмоциональное состояние, связанное с субъективным дискомфортом [Дехтяренко, Шлягина 2024].

По мнению М. Мишель, неопределенность в болезни препятствует формированию когнитивной схемы событий, которая, в свою очередь, представляет собой субъективную интерпретацию пациентами своего состояния, заболевания, процесса лечения и пребывания в медицинском учреждении, оказывая влияние на их психическое состояние и принимаемые решения [Mishel 1984]. Существуют противоречивые данные о связи между клиническими параметрами заболеваний, социально-демографическими характеристиками пациентов с соматическими заболеваниями, социальной поддержкой и неопределенностью в болезни. В ряде исследований более юный возраст, женский пол, невысокий уровень образования, ограниченные финансовые возможности, разновидность заболевания, отсутствие необходимой социальной поддержки положительно ассоциируются с более выраженной неопределенностью в болезни [Parker et al. 2013; Jeon et al. 2016; Guan et al. 2023; Wu et al. 2024]. В других работах отмечается отсутствие связи между социально-демографическими характеристиками, социальной поддержкой и неопределенностью в болезни или их противоречивый характер [Zhang 2015; Jabloo et al. 2017; Dong et al. 2022]. При этом неопределенность в болезни является признанным источником психосоциального стресса [Parker et al. 2013; Jabloo et al. 2017], а ее рост ведет к тому, что страх прогрессирования заболевания усиливается [Guo et al. 2022; Shen et al.

2024], психическое и социальное благополучие пациентов, наоборот, снижается [Guan et al. 2020]. Кроме того, она положительно связана с деморализацией [Hao et al. 2023], тревогой и депрессией [Cheng et al. 2022] и отрицательно – с качеством жизни [Parker et al. 2013; Rodriguez-Gonzalez et al. 2022; Guan et al. 2023; Kim, Yu 2024], приверженностью лечению [Sajjadi et al. 2015]. Учитывая тесную связь с индикаторами, отражающими психическое состояние и эффективность адаптационных механизмов в совладании с заболеванием, актуальным является анализ факторов, которые участвуют в формировании неопределенности в болезни и поддерживают ее на определенном уровне.

Программа исследования

Исследование проводилось с целью определения значимых факторов, которые участвуют в формировании и поддержании неопределенности в болезни у пациентов с разными онкологическими заболеваниями.

Задачи исследования:

- 1) анализ социально-демографических характеристик и клинических параметров пациентов с онкологическими заболеваниями;
- 2) анализ восприятия социальной поддержки и неопределенности в болезни пациентов с онкологическими заболеваниями;
- 3) оценка вклада социально-демографических и клинических факторов, восприятия социальной поддержки в формирование и поддержание неопределенности в болезни у пациентов с онкологическими заболеваниями.

Материалы и методы исследования

В исследовании приняли участие онкологические пациенты из клиники (центра) комплексных методов диагностики и лечения заболеваний молочной железы Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский научный центр рентгенорадиологии» Министерства здравоохранения Российской Федерации, отделения противоопухолевой лекарственной терапии Клинической больницы № 2 в Боткинском проезде АО «Группа Компаний «МЕДСИ», отделения химиотерапии Городской клинической больницы имени С.С. Юдина, отделения противоопухолевой лекарственной терапии Медицинского научно-образователь-

ного центра Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

После информирования об исследовании и получения добровольного согласия на участие в нем в процессе клинико-психологического интервью и ознакомления с медицинской документацией собиралась информация, связанная с социально-демографическими характеристиками и клиническими параметрами онкологических пациентов. Далее пациенты заполняли психометрические опросники:

1. Шкала неопределенности в болезни М. Мишель (MUIS-A), форма для взрослых [Mishel, Faan 1997].

2. Многомерная шкала восприятия социальной поддержки Г. Зимет (MSPSS), в адаптации Н.А. Сирота, В.М. Ялтонского [Сирота 1994, Ялтонский 1995], модифицированный вариант.

Статистическая обработка проводилась в программе Jamovi, версия 2.6.13. Дескриптивный анализ включал расчет среднего значения и стандартного отклонения, оценка факторов, участвующих в формировании и поддержании неопределенности в болезни, проводилась с помощью иерархической регрессии.

Характеристика выборки

В исследование были включены 298 пациентов с разными злокачественными новообразованиями (далее – ЗНО), среди них ЗНО молочной железы 64,43% от общей выборки (С50 по МКБ-10), легких – 6,38% (С34 по МКБ-10), различных отделов кишечника – 6,7% (С18.2, С18.4, С18.7, С20, С21 по МКБ-10), поджелудочной железы – 3,35% (С25 по МКБ-10), желудка – 2,35% (С16 по МКБ-10), щитовидной железы – 2,02% (С73 по МКБ-10), шейки и тела матки – 3,02% (С53, С54 по МКБ-10), предстательной железы – 2,69% (С61 по МКБ-10), яичников – 3,01% (С56 по МКБ-10), желчного протока – 0,34% (С22 по МКБ-10), почки – 1% (С64 по МКБ-10), гортани – 1% (С32 по МКБ-10), меланома кожи – 1,34% (С43 по МКБ-10), лимфома Ходжкина – 0,34% (С81 по МКБ-10), медиастинальная (тимусная) большая В-клеточная лимфома – 0,34% (С85.2 по МКБ-10), фолликулярная лимфома – 0,67% (С82 по МКБ-10), хронический миелоидный лейкоз – 0,34% (С92.1 по МКБ-10), леймиосаркома голени – 0,34% (С49.2 по МКБ-10), саркома Юинга – 0,34% (С41.9 по МКБ-10). Социально-демографические характеристики пациентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Социально-демографические характеристики пациентов со злокачественными новообразованиями

Параметры	M±SD
Возраст (лет)	51,62±11,64
Пол, n (%)	
мужчины	34 (11,4)
женщины	264 (88,6)
Образование, n (%)	
высшее	225 (75,5)
среднее специальное	57 (19,13)
среднее	16 (5,37)
Финансовое положение, n (%)	
стабильное	243 (81,54)
нестабильное	55 (18,46)

Примечания: M – среднее; SD – стандартное отклонение; n – количество человек, % – доля в процентах.

Среди исследуемой выборки 51 онкологический пациент ожидал начало лечения противоопухолевой лекарственной терапией, им были проведены все необходимые диагностические мероприятия и верифицировано заболевание, а 247 пациентов получали противоопухолевую лекарственную терапию, из них цитотоксическую химиотерапию – 43,9%, гормональную – 13,82%, таргетную – 3,69%, иммунную терапию – 2,35%, различные комбинации – 36,24%. Среди часто встречаемых побочных реакций слабость отмечали 70,32% онкологических больных, а выпадение волос – 57,31%. В табл. 2 приведены клинические параметры исследуемых пациентов.

Таблица 2

Клинические параметры онкологических пациентов

Параметры	M±SD
Стаж заболевания (месяцев)	25,8±40,03
Стаж лечения (месяцев)	16,5±22,9
Стадия заболевания по международной системе (TNM), n (%)	
I	48 (16,11)
II	111 (37,24)
III	72 (24,17)
IV	67 (22,48)
рецидив заболевания	48 (16,11)
Статус лечения, n (%)	
ожидают начало лечения	51 (17,12)
амбулаторно	95 (31,88)
в стационаре	152 (51)
Хирургическая операция, n (%)	
проводилась	181 (60,73)
не проводилась	64 (21,48)
предстоит	53 (17,79)
Лучевая терапия, n (%)	
проводилась	83 (27,85)
не проводилась	182 (61,08)
предстоит	33 (11,07)
ЗНО у ближайших родственников	148 (49,66)

Примечания: M – среднее; SD – стандартное отклонение; n – количество человек, % – доля в процентах.

Анализ результатов исследования

Неопределенность в болезни пациентов с онкологическими заболеваниями оценивалась при помощи Шкалы неопределенности в болезни М. Мишель (MUIS-A), форма для взрослых. Средние

показатели по фактору общей неопределенности онкологических пациентов, полученные по результатам исследования, превышают сводные данные, описанные в работе М. Мишель и Р.Н. Фаан [Mishel, Faan 1997], но ниже результатов, которые получили М. Саджади и коллеги [Sajjadi et al. 2015] (см. табл. 3).

Таблица 3

Результаты исследований факторов неопределенности
в болезни онкологических пациентов

Параметры	Результаты проведенного исследования, n = 298	Результаты исследований М. Мишель, Р. Фаан, n = 761	Результаты исследования М. Саджади и коллег, n = 420
	M ± SD		
Неоднозначность	38,4 ± 7,79	32,3 ± 9,3	41,8 ± 9,4
Непонятность	16,0 ± 3,51	16,5 ± 5	15,1 ± 3,2
Противоречивость	17,7 ± 4,4	14,9 ± 4,7	18,8 ± 4,2
Непредсказуемость	15,3 ± 2,83	15,8 ± 3,7	14,4 ± 3,5
Общая неопределенность	87,5 ± 14,4	79,5 ± 16,9	90,1 ± 16,8

Примечание: M – среднее; SD – стандартное отклонение.

В качестве зависимой переменной в моделях иерархической регрессии использовался фактор общей неопределенности в болезни, суммирующий показатели четырех факторов (неоднозначность, непонятность, противоречивость, непредсказуемость) Шкалы неопределенности в болезни М. Мишель (MUIS-A), форма для взрослых. Независимые переменные вводились последовательно (см. табл. 4). На первом шаге социально-демографические характеристики: пол, возраст, уровень образования, финансовое положение. Затем регрессионная модель была дополнена клиническими параметрами: стадия, статус заболевания (первичное или рецидив), статус лечения (ожидают начало лечения, амбулаторное, стационарное), стаж заболевания (период с момента появления первых симптомов) и лечения (период с момента установления диагноза). На последнем шаге вводился фактор восприятия социальной поддержки. Для оценки данного фактора использовалась

Многомерная шкала восприятия социальной поддержки Г. Зимета (MSPSS), в адаптации Н.А. Сирота, В.М. Ялтонского, дополненная 4 утверждениями о социальной поддержке со стороны врачей.

Таблица 4

Иерархический регрессионный анализ моделей I, II, III

Предикторы	b	SE	t	p	β
Модель I					
Пол					
женский – мужской	0,253	2,688	0,094	0,925	0,017
Возраст	0,052	0,074	0,71	0,478	0,042
Образование					
среднее специальное – среднее	-3,006	4,047	-0,742	0,458	-0,209
высшее – среднее	-6,07	3,728	-1,628	0,105	-0,422
Финансовое положение					
стабильное – нестабильное	-4,461	2,202	-2,025	0,044	-0,31
Модель II					
Пол					
женский – мужской	-2,111	2,675	-0,789	0,431	-0,146
Возраст	0,057	0,073	0,782	0,434	0,046
Образование					
среднее специальное – среднее	-2,132	3,981	-0,535	0,593	-0,148
высшее – среднее	-5,567	3,67	-1,517	0,13	-0,387
Финансовое положение					
стабильное – нестабильное	-3,567	2,156	-1,654	0,099	-0,248
Стадия					
II – I	0,109	2,432	0,044	0,964	0,007
III – I	2,484	2,698	0,92	0,358	0,172
IV – I	5,984	2,865	2,088	0,038	0,416
Статус заболевания					
рецидив – первично	6,383	2,783	2,293	0,023	0,443
Статус лечения					
стационарно – амбулаторно	-5,678	1,808	-3,139	0,002	-0,394
ожидают – амбулаторно	-0,592	2,59	-0,228	0,819	-0,041

Окончание табл. 4

Предикторы	b	SE	t	p	β
Стаж заболевания	-0,007	0,027	-0,272	0,786	-0,02
Стаж лечения	-0,13	0,048	-2,667	0,008	-0,207
Модель III					
Пол					
женский – мужской	-1,409	2,705	-0,521	0,603	-0,098
Возраст	0,081	0,073	1,116	0,265	0,066
Образование					
среднее специальное – среднее	-1,251	4,033	-0,31	0,757	-0,087
высшее – среднее	-4,388	3,776	-1,162	0,246	-0,305
Финансовое положение					
стабильное – нестабильное	-2,712	2,175	-1,247	0,213	-0,188
Стадия					
II – I	0,519	2,425	0,214	0,831	0,036
III – I	3,216	2,714	1,152	0,25	0,217
IV – I	6,387	2,88	2,218	0,027	0,444
Статус заболевания					
рецидив – первично	5,939	2,775	2,14	0,033	0,413
Статус лечения					
стационарно – амбулаторно	-4,352	1,87	-2,327	0,021	-0,302
ожидают – амбулаторно	-0,926	2,592	-0,357	0,721	-0,064
Стаж заболевания	-0,008	0,027	-0,309	0,758	-0,23
Стаж лечения	-0,121	0,049	-2,482	0,014	-0,193
Восприятие социальной поддержки					
семья	-0,224	0,853	-0,264	0,792	-0,018
друзья	-0,318	0,594	-0,537	0,592	-0,035
значимые другие	0,861	0,971	0,886	0,376	0,063
врачи	-1,546	0,611	-2,529	0,012	-0,17

Примечания: «b» – не стандартизированный коэффициент регрессии; «SE» – стандартная ошибка; «t» – t-критерий Пирсона; «p» – уровень статистической значимости; « β » – стандартизированный коэффициент регрессии.

Таблица 5

Оценка моделей I, II, III

Модель	R ²	AdjR ²	F	p	DW
I	0,035	0,018	2,13	0,061	1,89
II	0,12	0,08	2,99	0,001	1,88
III	0,146	0,094	2,83	0,001	1,88

Примечания: «R²» – коэффициент детерминации; «AdjR²» – скорректированный коэффициент детерминации; «SE» – стандартная ошибка; «F» – критерий Фишера; «p» – уровень статистической значимости; «DW» – тест Дарбина–Уотсона.

На первом шаге были получены результаты, что социально-демографические предикторы Модели I описывают 3,5% дисперсии неопределенности в болезни (см. табл. 5). Однако Модель I не обладает достоверным уровнем значимости ($p = 0,061$). Среди социально-демографических характеристик только финансовое положение имеет достоверную связь с неопределенностью в болезни.

При учете социально-демографических характеристик введение клинических факторов в Модель II увеличивает описание дисперсии до 12%. Кроме того, Модель II имеет необходимый уровень значимости ($p < 0,001$). Клинические параметры имеют разнонаправленную связь с неопределенностью в болезни: IV стадия и рецидив онкологического заболевания имеют положительную связь с зависимой переменной, в то время как более длительный стаж лечения и проведение лечения в стационаре, а не амбулаторно – отрицательную. Таким образом, онкологические пациенты на поздней стадии заболевания, с рецидивом в анамнезе и менее продолжительным стажем амбулаторного, а не стационарного лечения, имеют более выраженную неопределенность в болезни. Социально-демографические характеристики в Модели II не достигают необходимого уровня значимости, как и стаж болезни.

Введение предиктора (восприятие социальной поддержки) в Модель III, при учете социально-демографических характеристик и клинических параметров, увеличивает описание дисперсии зависимой переменной до 14,6%. Модель III также имеет необходимый уровень значимости ($p < 0,001$). Между восприятием социальной поддержки со стороны врачей и неопределенностью в болезни имеется значимая отрицательная связь. То есть, когда онкологические

пациенты ощущают поддержку со стороны врачей, в том числе информационную, это помогает им справиться с неопределенностью в болезни. Факторы, которые описаны в Модели II, сохраняют разнонаправленную связь с неопределенностью в болезни.

Обсуждение результатов

Непонимание пациентами с онкологическими заболеваниями информации, связанной с болезнью и проводимым лечением, ее неоднозначный, противоречивый и непредсказуемый характер приводят к возникновению неопределенности в болезни. По результатам исследования обнаружены предикторы, определяющие и поддерживающие уровень неопределенности в болезни у пациентов с онкологическими заболеваниями. Наиболее значимыми предикторами являются: наличие или отсутствие IV стадии заболевания и рецидива в анамнезе, стаж лечения, проведение амбулаторного лечения или в условиях стационара, воспринимаемая социальная поддержка со стороны врачей.

Выраженная неопределенность в болезни среди онкологических пациентов на поздней стадии заболевания и с опытом рецидива может быть связана с объемом и тяжестью имеющихся симптомов, их неоднозначностью, учитывая сопутствующие и побочные эффекты проводимого лечения, отрицательной динамикой болезни и ее непредсказуемым прогнозом. В западных исследованиях подчеркивается, что неопределенность в болезни возрастает при усилении тяжести симптомов и снижении у пациентов способности прогнозировать течение заболевания [Nissen et al. 2022; Broadbridge et al. 2023].

Фактор проведения лечения в условиях стационара, а не амбулаторно, также играет значимую роль в формировании и поддержании неопределенности в болезни, препятствуя ее росту. Пребывание в стационаре поддерживает в онкологических пациентах чувство уверенности в том, что у них сохраняется доступ к профессиональной и социальной поддержке медицинского персонала, который в случае необходимости предоставит нужную информацию и окажет помощь в решении возникающих проблем, связанных с болезнью, их состоянием и лечением, в том числе после его окончания и при возникновении сопутствующих и побочных эффектов. Когда во время пандемии COVID-19 доступ к медицинской помощи был ограничен или коммуникация с медицинскими специалистами проводилась в дистанционном формате, онкологические пациенты отмечали, что уровень персонифицированной поддержки сни-

жался, не было полноценной возможности задать интересующие вопросы и получить необходимую информацию [Drury et al. 2021].

Интенсивный рост неопределенности в болезни происходит, когда применяемые человеком меры для устранения симптомов, в том числе по назначению врачей, не работают, или возникают острые симптомы, например сильная и непроходящая боль, обильное кровотечение, появление уплотнений или резкое снижение чувствительности в теле, которые не укладываются в привычную картину мира. Неопределенность развивается, когда люди пытаются найти способы объяснения, прогнозирования, структурирования и придания смысла событиям, связанным с болезнью, таким как диагностика, прогноз, лечение и выздоровление¹. Онкологические пациенты с менее длительным стажем лечения, по данным нашего исследования, имеют более выраженную неопределенность в болезни. Схожая тенденция описана в более ранних работах [Wallace 2005; Parker et al. 2013; Parker et al. 2015; Jabloo et al. 2017]. Со временем неоднократное появление новых, ранее незнакомых симптомов, возникновение текущих и побочных реакций в период лечения, понимание механизмов медицинской помощи и особенностей коммуникации с медицинским персоналом, оценка динамики состояния по результатам анализов и диагностических мероприятий приводят к перестроению когнитивной схемы и активации механизмов психической адаптации у пациентов с онкологическими заболеваниями, помогая им функционировать в условиях перманентной неопределенности. Опираясь на ресурс социальной поддержки со стороны врачей, онкологические пациенты интерпретируют паттерны возникающих симптомов и придают значения событиям, которые связаны с заболеванием, тем самым происходит прямое или косвенное воздействие социальной поддержки при формировании неопределенности в болезни и внутренней картины болезни (ВКБ). Содержание и стиль взаимоотношений больного с медицинскими работниками является важным ситуационным фактором, который формирует ВКБ [Николаева 1987]. На этапе постановки диагноза врач оказывает непосредственное влияние на восприятие пациентом информации, связанной с заболеванием, предоставляя информацию о болезни и ресурсах, доступных для ее преодоления. До начала и во время лечения врач помогает интерпретировать события, чтобы снизить ощущение отсутствия контроля или привлечь внимание пациента к положительным аспектам ситуации [Mishel, Braden 1987].

¹ *Kuang K.* Uncertainty in illness // *The International Encyclopedia of Health Communication* / Ed. by E.Y. Ho, C.L. Bylund, J.C.M. van Weert. N.Y.: John Wiley & Sons Inc., 2022.

Поддержка онкологических больных в период стабилизации заболевания или ремиссии помогает им справиться с беспомощностью и страхом рецидива, что положительно отражается на ощущении их контроля в управлении событиями окружающей среды.

Заключение

Результаты полученного исследования показывают, что социально-демографические характеристики пациентов с онкологическими заболеваниями не являются значимыми предикторами, участвующими в формировании неопределенности в болезни. Среди клинических параметров наиболее значимыми, которые определяют и поддерживают уровень неопределенности в болезни онкологических пациентов, являются: наличие или отсутствие IV стадии заболевания и рецидива в анамнезе, стаж лечения, проведение амбулаторного лечения или в условиях стационара. Воспринимаемая социальная поддержка со стороны врачей также является значимым фактором, детерминирующим уровень неопределенности в болезни пациентов с онкологическими заболеваниями.

Полученные данные позволяют выделить параметры в многообразии факторов, которые формируют неопределенность в болезни и учитывать их в процессе оказания психологической и медицинской помощи, принимая во внимание, что схожие стимулы могут иметь различное значение для онкологических пациентов. Учитывая динамический характер неопределенности в болезни, с целью определения эффективных мер ее регулирования, перспективными направлениями последующих исследований могут быть – идентификации внешних и внутренних стимулов, которые в большей мере определяют уровень неопределенности в болезни на каждом этапе оказания медицинской помощи, начиная с диагностического и заканчивая паллиативным.

Литература

- Дехтяренко, Шлягина 2024 – Дехтяренко А.А., Шлягина Е.И. Возрастная специфика понимания субъективного благополучия и ситуации неопределенности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 39–59.
- Николаева 1987 – Николаева В.В. Влияние хронической болезни на психику. М.: Изд-во Московского университета, 1987. 168 с.
- Сирота 1994 – Сирота Н.А. Копинг-поведение в подростковом возрасте: Дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1994. 283 с.

- Ялтонский 1995 – *Ялтонский В.М.* Копинг-поведение здоровых и больных наркоманией: Дис. ... д-ра мед. наук. СПб., 1995. 396 с.
- Broadbridge et al. 2023 – *Broadbridge E., Greene K., Venetis M.K., Lee L.E., Banerjee S.C., Saraiya B., Devine K.A.* Facilitating psychological adjustment for breast cancer patients through empathic communication and uncertainty reduction // *Patient Education and Counseling*. 2023. Vol. 114. Article 107791. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11046425> (дата обращения 13 мая 2025).
- Cheng et al. 2022 – *Cheng J., Yang D., Zuo Q., Peng W., Zhu L., Jiang X.* Correlations between uncertainty in illness and anxiety, depression and quality of life in patients receiving maintenance hemodialysis: a cross-sectional study // *Nursing Open*. 2022. Vol. 9. № 2. P. 1322–1331.
- Dong et al. 2022 – *Dong M., Nie A., Liu C., Zheng J.* Psychological resilience of patients with bladder cancer after radical cystectomy and urinary diversion: A cross-sectional study // *Psychooncology*. 2022. Vol. 31. № 1. P. 21–29.
- Drury et al. 2021 – *Drury A., Eicher M., Dowling M.* Experiences of cancer care during COVID-19: phase 1 results of a longitudinal qualitative study // *International Journal of Nursing Studies Advances*. 2021. Vol. 3. Article 100030. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8158401> (дата обращения 13 мая 2025).
- Guan et al. 2020 – *Guan T., Santacroce S.J., Chen D.G., Song L.* Illness uncertainty, coping, and quality of life among patients with prostate cancer // *Psycho-Oncology*. 2020. Vol. 29. № 6. P. 1019–1025.
- Guan et al. 2023 – *Guan T., Chapman M.V., de Saxe Zerden L., Sharma A., Chen D.-G., Song L.* Correlates of illness uncertainty in cancer survivors and family caregivers: a systematic review and meta-analysis // *Supportive Care in Cancer*. 2023. Vol. 31. № 4. Article 242. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00520-023-07705-7> (дата обращения 14 мая 2025).
- Guo et al. 2022 – *Guo H.-T., Wang S.-S., Zhang C.-F., Zhang H.-J., Wei M.-X., Wu Y., Su C.-X.* Investigation of factors influencing the fear of cancer recurrence in breast cancer patients using structural equation modeling: a cross-sectional study // *International Journal of Clinical Practice*. 2022. Article 2794408. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9747310> (дата обращения 14 мая 2025).
- Hao et al. 2023 – *Hao R., Zhang M., Zuo J., Qi Y., Hu J.* Contribution of coping style to the association between illness uncertainty and demoralisation in patients with breast cancer: a cross-sectional mediation analysis // *BMJ Open*. 2023. Vol. 13. Article e065796. URL: <https://bmjopen.bmj.com/content/13/3/e065796.long> (дата обращения 14 мая 2025).
- Jabloo et al. 2017 – *Jabloo V.G., Alibhai S.M.H., Fitch M., Tourangeau A.E., Ayala A.P., Puts M.T.E.* Antecedents and outcomes of uncertainty in older adults with cancer: a scoping review of the literature // *Oncology Nursing Forum*. 2017. Vol. 44. № 4. P. 152–167.
- Jeon et al. 2016 – *Jeon B.H., Choi M., Lee J., Noh S.H.* Relationships between gastrointestinal symptoms, uncertainty, and perceived recovery in patients with gastric cancer after gastrectomy // *Nursing and Health Sciences*. 2016. Vol. 18. № 1. P. 23–29.

- Kim, Yu 2024 – *Kim J.A., Yu J.* The influence of uncertainty in illness and coping on quality of life in colorectal cancer patients receiving chemotherapy // *Asian Oncology Nursing*. 2024. Vol. 24. № 2. P. 63–72.
- Mishel 1984 – *Mishel M.H.* Perceived uncertainty and stress in illness // *Research in Nursing & Health*. 1984. Vol. 7. № 3. P. 163–171.
- Mishel, Braden 1987 – *Mishel M.H., Braden C.J.* Uncertainty: a mediator between support and adjustment // *Western Journal of Nursing Research*. 1987. Vol. 9. № 1. P. 43–57.
- Mishel, Faan 1997 – *Mishel M.H., Faan R.N.* Uncertainty in Illness Scales Manual. Chapel Hill: University of North Carolina, 1997. 52 p.
- Nissen et al. 2022 – *Nissen N., Lemche J., Reestorff C.M., Schmidt M., Skjerbak A.G., Skovgaard L., Stenager E., Sogaard I.G., la Cour K.* The lived experience of uncertainty in everyday life with MS // *Disability and Rehabilitation*. 2022. Vol. 44. № 20. P. 5957–5963.
- Parker et al. 2013 – *Parker P.A., Alba F., Fellman B., Urbauer D.L., Li Y., Karam J.A., Tannir N., Jonadch E., Wood C.G., Matin S.F.* Illness uncertainty and quality of life of patients with small renal tumors undergoing watchful waiting: a 2-year prospective study // *European Urology*. 2013. Vol. 63. № 6. P. 1122–1127.
- Parker et al. 2015 – *Parker P.A., Davis J.W., Latini D.M., Baum G., Wang X., Ward J.F., Kuban D., Frank S.J., Lee A.K., Logothetis C.J., Kim J.* The relationship between illness uncertainty, anxiety, fear of progression and quality of life in men with favourable-risk prostate cancer undergoing active surveillance // *BJU International*. 2015. Vol. 117. № 3. P. 469–477.
- Rodriguez-Gonzalez et al. 2022 – *Rodriguez-Gonzalez A., Velasco-Durantez V., Martin-Abreu C., Cruz-Castellanos P., Hernandez R., Gil-Raga M., Garcia-Torralba E., Garcia-Garcia T., Jimenez-Fonseca P., Calderon C.* Fatigue, emotional distress, and illness uncertainty in patients with metastatic cancer: results from the prospective NEOETIC_SEOM study // *Current Oncology*. 2022. Vol. 29. № 12. P. 9722–9732.
- Penrod 2001 – *Penrod J.* Refinement of the concept of uncertainty // *Journal of Advanced Nursing*. 2001. Vol. 34. № 2. P. 238–245.
- Sajjadi et al. 2015 – *Sajjadi M., Rassouli M., Bahri N., Mohammadipoor F.* The correlation between perceived social support and illness uncertainty in people with human immunodeficiency virus/acquired immune deficiency syndrome in Iran // *Indian Journal of Palliative Care*. 2015. Vol. 21. № 2. P. 231–235.
- Shen et al. 2024 – *Shen Z., Zhang L., Shi S., Raun C., Dan L., Li C.* The relationship between uncertainty and fear of disease progression among newly diagnosed cancer patients: the mediating role of intolerance of uncertainty // *BMC Psychiatry*. 2024. Vol. 24. Article 756. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11526518> (дата обращения 14 мая 2025).
- Wallace 2005 – *Wallace M.* Finding more meaning: the antecedents of uncertainty revisited // *Journal of Clinical Nursing*. 2005. Vol. 14. № 7. P. 863–868.
- Wu et al. 2024 – *Wu S., Guo X., Tang H., Li Y., Dong W., Lu G., Hou C., Chen C.* The relationship between illness uncertainty and social support among cancer patients:

a meta-analysis // *Cancer Nursing*. 2024. URL: https://journals.lww.com/cancer nursingonline/fulltext/9900/the_relationship_between_illness_uncertainty_and.223.aspx (дата обращения 13 мая 2025).

Zhang et al. 2015 – Zhang Y., Кæekkeboom K., Petrini M. Uncertainty, self-efficacy, and self-care behavior in patients with breast cancer undergoing chemotherapy in China // *Cancer Nursing*. 2015. Vol. 38. № 3. P. 19–26.

References

- Broadbridge, E., Greene, K., Venetis, M.K., Lee, L.E., Banerjee, S.C., Saraiya, B. and Devine, K.A. (2023), “Facilitating psychological adjustment for breast cancer patients through empathic communication and uncertainty reduction”, *Patient Education and Counseling*, vol. 114, article 107791, available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11046425> (Accessed 13 May 2025).
- Cheng, J., Yang, D., Zuo, Q., Peng, W., Zhu, L. and Jiang, X. (2022), “Correlations between uncertainty in illness and anxiety, depression and quality of life in patients receiving maintenance hemodialysis: a cross-sectional study”, *Nursing Open*, vol. 9, no. 2, pp. 1322–1331.
- Dong, M., Nie, A., Liu, C. and Zheng, J. (2022), “Psychological resilience of patients with bladder cancer after radical cystectomy and urinary diversion: A cross-sectional study”, *Psychooncology*, vol. 31, no. 1, pp. 21–29.
- Dekhtiarenko, A.A. and Shliagina, E.I. (2024), “Age specifics of implicit understanding of subjective well-being and uncertainty situation”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 4, pp. 39–59.
- Drury, A., Eicher, M. and Dowling, M. (2021), “Experiences of cancer care during COVID-19: phase 1 results of a longitudinal qualitative study”, *International Journal of Nursing Studies Advances*, vol. 3, article 100030, available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8158401> (Accessed 13 May 2025).
- Guan, T., Santacroce, S.J., Chen, D.G. and Song, L. (2020), “Illness uncertainty, coping, and quality of life among patients with prostate cancer”, *Psycho-Oncology*, vol. 29, no. 6, pp. 1019–1025.
- Guan, T., Chapman, M.V., de Saxe Zerden, L., Sharma, A., Chen, D.-G. and Song, L. (2023), “Correlates of illness uncertainty in cancer survivors and family caregivers: a systematic review and meta-analysis”, *Supportive Care in Cancer*, vol. 31, no. 4, article 242, available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s00520-023-07705-7> (Accessed 14 May 2025).
- Guo, H.-T., Wang, S.-S., Zhang, C.-F., Zhang, H.-J., Wei, M.-X., Wu, Y. and Su, C.-X. (2022), “Investigation of factors influencing the fear of cancer recurrence in breast cancer patients using structural equation modeling: a cross-sectional study”, *International Journal of Clinical Practice*. 2022. Article 2794408, available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9747310> (Accessed 14 May 2025).
- Hao, R., Zhang, M., Zuo, J., Qi, Y. and Hu, J. (2023), “Contribution of coping style to the association between illness uncertainty and demoralisation in patients with breast

- cancer: a cross-sectional mediation analysis”, *BMJ Open*, vol. 13, article e065796, available at: <https://bmjopen.bmj.com/content/13/3/e065796.long> (Accessed 14 May 2025).
- Jabloo, V.G., Alibhai, S.M.H., Fitch, M., Tourangeau, A.E., Ayala, A.P. and Puts, M.T.E. (2017), “Antecedents and outcomes of uncertainty in older adults with cancer: a scoping review of the literature”, *Oncology Nursing Forum*, vol. 44, no. 4, pp. 152–167.
- Jeon, B.H., Choi, M., Lee, J. and Noh, S.H. (2016), “Relationships between gastrointestinal symptoms, uncertainty, and perceived recovery in patients with gastric cancer after gastrectomy”, *Nursing and Health Sciences*, vol. 18, no. 1, pp. 23–29.
- Kim, J.A. and Yu, J. (2024), “The influence of uncertainty in illness and coping on quality of life in colorectal cancer patients receiving chemotherapy”, *Asian Oncology Nursing*, vol. 24, no. 2, pp. 63–72.
- Mishel, M.H. (1984), “Perceived uncertainty and stress in illness”, *Research in Nursing & Health*, 1984, vol. 7, no. 3, pp. 163–171.
- Mishel, M.H. and Braden, C.J. (1987), “Uncertainty: a mediator between support and adjustment”, *Western Journal of Nursing Research*, vol. 9, no. 1, pp. 43–57.
- Mishel, M.H. and Faan, R.N. (1997), *Uncertainty in Illness Scales Manual*, University of North Carolina, Chapel Hill, USA.
- Nikolaeva, V.V. (1987), *Vliyanie khronicheskoi bolezni na psikhiku* [The impact of chronic illness on the psyche], Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia, 168 p.
- Nissen, N., Lemche, J., Reestorff, C.M., Schmidt, M., Skjerbak, A.G., Skovgaard, L., Stenager, E., Søgaard, I.G. and la Cour, K. (2022), “The lived experience of uncertainty in everyday life with MS”, *Disability and Rehabilitation*, vol. 44, no. 20, pp. 5957–5963.
- Parker, P.A., Alba, F., Fellman, B., Urbauer, D.L., Li, Y., Karam, J.A., Tannir, N., Jonadch, E., Wood, C.G. and Matin, S.F. (2013), “Illness uncertainty and quality of life of patients with small renal tumors undergoing watchful waiting: a 2-year prospective study”, *European Urology*, vol. 63, no. 6, pp. 1122–1127.
- Parker, P.A., Davis, J.W., Latini, D.M., Baum, G., Wang, X., Ward, J.F., Kuban, D., Frank, S.J., Lee, A.K., Logothetis, C.J. and Kim, J. (2015), “The relationship between illness uncertainty, anxiety, fear of progression and quality of life in men with favourable-risk prostate cancer undergoing active surveillance”, *BJU International*, vol. 117, no. 3, pp. 469–477.
- Penrod, J. (2001), “Refinement of the concept of uncertainty”, *Journal of Advanced Nursing*, vol. 34, no. 2, pp. 238–245.
- Rodriguez-Gonzalez, A., Velasco-Durantez, V., Martin-Abreu, C., Cruz-Castellanos, P., Hernandez, R., Gil-Raga, M., Garcia-Torralla, E., Garcia-Garcia, T., Jimenez-Fonseca, P. and Calderon, C. (2022), “Fatigue, emotional distress, and illness uncertainty in patients with metastatic cancer: results from the prospective NEOETIC_SEOM study”, *Current Oncology*, vol. 29, no. 12, pp. 9722–9732.
- Sajjadi, M., Rassouli, M., Bahri, N. and Mohammadipoor, F. (2015), “The correlation between perceived social support and illness uncertainty in people with human

- immunodeficiency virus/acquired immune deficiency syndrome in Iran”, *Indian Journal of Palliative Care*, vol. 21, no. 2. pp. 231–235.
- Shen, Z., Zhang, L., Shi, S., Raun, C., Dan, L. and Li, C. (2024), “The relationship between uncertainty and fear of disease progression among newly diagnosed cancer patients: the mediating role of intolerance of uncertainty”, *BMC Psychiatry*, vol. 24, article 756, available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11526518> (Accessed 14 May 2025).
- Sirota, N.A. (1994), *Coping behavior in adolescence*, D.Sc. Thesis, St. Peterburg, Russia.
- Wallace, M. (2005), “Finding more meaning: the antecedents of uncertainty revisited”, *Journal of Clinical Nursing*, vol. 14, no. 7, pp. 863–868.
- Wu, S., Guo, X., Tang, H., Li, Y., Dong, W., Lu, G., Hou, C. and Chen, C. (2024), “The relationship between illness uncertainty and social support among cancer patients: a meta-analysis”, *Cancer Nursing*, available at: https://journals.lww.com/cancernursingonline/fulltext/9900/the_relationship_between_illness_uncertainty_and.223.aspx (Accessed 13 May 2025).
- Yaltonskii, V.M. (1995), *Coping is the behavior of healthy and drug-addicted people*, D.Sc. Thesis, St. Peterburg, Russia.
- Zhang, Y., Kwekkeboom, K. and Petrini, M. (2015), “Uncertainty, self-efficacy, and self-care behavior in patients with breast cancer undergoing chemotherapy in China”, *Cancer Nursing*, vol. 38, no. 3, pp. 19–26.

Информация об авторах

Бронислав А. Фетисов, аспирант, Российский университет медицины, Москва, Россия; 127006, Россия, Москва, Долгоруковская ул., д. 4; lortic@mail.ru

Наталья А. Сирота, доктор медицинских наук, профессор, Российский университет медицины, Москва, Россия; 127006, Россия, Москва, Долгоруковская ул., д. 4; sirotan@mail.ru

Information about the authors

Bronislav A. Fetisov, postgraduate student, Russian University of Medicine, Moscow, Russia; bld. 4, Dolgorukovskaya Street, Moscow, Russia, 127006; lortic@mail.ru

Natalya A. Sirota, Dr. of Sci. (Medicine), professor, Russian University of Medicine, Moscow, Russia; bld. 4, Dolgorukovskaya St., Moscow, Russia, 127006; sirotan@mail.ru

Механизмы формирования сексуального влечения к детям у женщин и мужчин (по материалам судебно-психиатрических экспертиз)

Виктор В. Гульдан

*Психиатрическая клиническая больница №13
Москва, Россия, Guldانvictor@gmail.com*

Татьяна А. Шахбази

*Московский научно-практический центр наркологии
Москва, Россия, tatshah@mail.ru*

Аннотация. Проанализированы механизмы формирования сексуального влечения к детям у женщин и мужчин по данным судебных комплексных психолого-сексолого-психиатрических экспертиз. Выявленные механизмы формирования педофилии имеют определенное сходство, а различия проявляются в характере реализации патологического влечения. Обнаружены специфические особенности личности женщин, способствующие формированию патологического влечения. Приведены клинические случаи, иллюстрирующие патологические формы сексуального поведения, а также их связь с личностной дисгармонией и неблагоприятным жизненным опытом. Дополнительно рассмотрены психосоциальные и мотивационные аспекты поведения, включая стремление к доминированию и компенсации неудовлетворенных потребностей. Подчеркивается значимость гендерного подхода в психиатрической диагностике и судебной экспертизе. Полученные данные могут быть использованы при построении типологии сексуальных девиаций. Работа дополняет существующую научную типологию сексуальных девиаций, вносит вклад в развитие судебной сексологии и стимулирует дальнейшие исследования в области женских форм девиантного поведения, ранее остававшихся в тени мужских моделей. Особое внимание уделяется роли когнитивных искажений и эмоциональной незрелости, влияющих на восприятие подростков как сексуально зрелых партнеров. Отмечена практическая значимость полученных выводов для экспертной, клинической и профилактической работы.

Ключевые слова: педофилия, сексуальное влечение к детям у женщин и мужчин, сравнительная характеристика, психологические механизмы

Для цитирования: Гульдман В.В., Шахбази Т.А. Механизмы формирования сексуального влечения к детям у женщин и мужчин (по материалам судебно-психиатрических экспертиз) // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 4. С. 105–119. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-105-119

Mechanisms
of sexual attraction to children in women and men
(based on the materials of forensic psychiatric examinations)

Victor V. Guldan

*Psychiatric Clinical Hospital № 13
Moscow, Russia, Guldanviktor@gmail.com*

Tatyana A. Shakhbazi

*Moscow Scientific and Practical Center of Narcology
Moscow, Russia, tatsshah@mail.ru*

Abstract. The mechanisms of the formation of sexual attraction to children in women and men are analyzed according to the data of forensic complex psychological, sexological, and psychiatric examinations. The identified mechanisms of the formation of pedophilia have certain similarities, and the differences manifest themselves in the nature of the implementation of pathological attraction. Specific personality traits of women are identified that contribute to the formation of pathological attraction. Clinical cases are presented that illustrate pathological forms of sexual behavior, as well as their connection with personal disharmony and adverse life experiences. Moreover the article considers the psychosocial and motivational aspects of behavior, including the desire for dominance and the compensation of unmet needs. It also emphasizes the importance of a gender-based approach in psychiatric diagnosis and forensic expertise. The findings can be used to develop a typology of sexual deviations. The work complements the existing scientific typology of sexual deviations. Special attention is given to the role of cognitive distortions and emotional immaturity affecting adolescents' perception as sexually mature partners. The practical significance of the findings for expert, clinical, and preventive work is noted. The work contributes to the development of forensic sexology and stimulates further research into female forms of deviant behaviour, which had previously remained in the shadow of male models.

Keywords: pedophilia, sexual attraction to children in women and men, comparative characteristics, psychological mechanisms

For citation: Guldan, V.V. and Shakhbazi, T.A. (2024), "Mechanisms of sexual attraction to children in women and men (based on the materials of forensic psychiatric examinations)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 105–119, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-105-119

Статьи и руководства, посвященные проблеме педофилии у мужчин, малочисленны, не покрывают запроса практикующих специалистов в сфере ментального здоровья на понимание причин, клинических проявлений и форм этого заболевания, методов диагностики и ведения таких пациентов, вариантов лечения. Педофилия у женщин и вовсе остается в тени вышеуказанных исследований, зачастую даже не упоминается и не рассматривается как отдельная форма патологии. Между тем количество случаев женской педофилии в судебно-психиатрической практике с каждым годом только растет.

Введение

Сексуальное влечение к детям и подросткам определяется терминами педо-, гебе-, эфебофилии. Публикаций, посвященных педо-, эфебо-, гебефилии у женщин крайне мало, еще меньше научных исследований этой проблемы. Все исследования о женской педофилии и женской гебефилии датированы 2014–2023 гг. При сравнении распространенности сексуального влечения к детям у мужчин и женщин было выявлено меньшая частота встречаемости такой патологии у женщин – 1–3% случаев против 4–9% случаев у мужчин [Wurtele et al. 2014].

При этом отмечена интересная закономерность – по мере взросления педофильного объекта (старше 12 лет) частота сексуального влечения к таким детям возрастает у мужчин, но остается неизменной и увеличивается незначительно у женщин. Это наблюдение подтверждается в масштабной работе, посвященной сравнению распространенности парафилий у мужчин ($n = 5023$) и женщин ($n = 5021$), где педофильские интересы выразили 1,7% мужчин и 0,4% женщин. Однако при изучении гебефильных интересов показатели распространенности составили 13,7% у мужчин и 1,3% у женщин, что отражает гораздо более значительную разницу между полами. Эти различия также наблюдались в отношении ожидаемого возбуждения от этих парафильных тем, участия в сексуальных фантазиях и использования порнографии [Bártová et al. 2021].

В 2020 г. был проведен анонимный опрос 1808 женщин на нескольких веб-сайтах, который включал вопросы о насилии в отношении детей и подростков, о сексуальных фантазиях с участием детей препубертатного и пубертатного возрастов. От 0,4 до 16,7% опрошенных на разных сайтах женщин сообщили о просмотре видеоматериалов сексуального насилия в отношении детей и подростков и сексуальных фантазиях с ними [Tozdan et al. 2020]. В 2022 г. было опубликовано первое официальное изучение жизненного опыта 6 женщин, испытывающих сексуальное влечение к детям [Lievesley, Lapworth 2022]. Авторы отметили, что женщины демонстрируют более высокий уровень сексуальной подвижности (вариативности предпочтений), чем мужчины; у мужчин с педофилией обнаружен определенный стереотип выбора сексуального объекта [Diamond 2016]. Женщины, испытывающие сексуальное влечение к несовершеннолетним (minor-attracted persons – MAPs), нередко имеют сексуальные отношения со взрослыми ровесниками, маскирующими и скрывающими их перверсивные сексуальные предпочтения не только от близкого окружения, но и от них самих. Так, одна респондентка сообщила, что искала и не находила информацию о педофилии у женщин, в связи с чем в какой-то момент решила, что это «все в (ее) голове». Все опрошенные женщины указали, что интенсивно ощущали свою «инаковость», социальную изоляцию из-за необходимости сохранить «свою самую мрачную тайну», были как бы «двойными уродами», опасались большей стигматизации от общества и даже от мужчин с таким же педофильным влечением в случае, если бы аномальное влечение этих женщин стало явным [Lievesley, Lapworth 2022].

Вместе с тем, очевидным является факт меньшей стигматизации женщин с гебефильным влечением по сравнению с мужчинами. Общество намного терпимее относится к случаям сексуального предпочтения подростков в качестве сексуального партнера у взрослых женщин [Lievesley et al. 2020].

Разграничение педофилии и эфебофилии представляется нечетким. Согласно современным представлениям, педофилия – это сексуальное влечение к детям препубертатного или раннего пубертатного возраста (МКБ-10). В руководстве Н. Kaplan и В. Sadock (1996) под педофилией понимается половое влечение к детям, не достигшим 13 лет. Университет Кларка предлагает градацию сексуального влечения к детям в виде педофилии (влечение к допубертатным детям), гебефилии (сексуальное влечение к пубертатным подросткам 11–14 лет) и эфебофилии (влечение к постпубертатным подросткам) [Blanchard et al. 2009]. Причем термин «гебефилия» широко используется зарубежными сексологами в своих

исследованиях, хотя и не включен в системы диагностической классификации [Tozdan et al. 2020]. В принятой в отечественной психологии градации возрастных периодов детства допубертатным является возраст от 6 до 12–13 лет, пубертатным – от 12–13 до 15–16 лет.

Таким образом, возраст 12–14 лет оказывается переходным между препубертатным и ранним пубертатным периодами. В этой связи необходимо указать, что важным критерием определения аномального сексуального влечения взрослого человека к ребенку является понятие «педофильный объект» – объективная физическая, психологическая и сексуальная незрелость ребенка (стадии развития вторичных половых признаков определяются по шкале Таннера, в котором 1-я стадия соответствует препубертатному состоянию ребенка, 2-я и 3-я стадии, по Таннеру, соответствуют состоянию полового созревания с началом роста волос на лобке у девочек и мальчиков и развитием грудных желез у девочек). Дети 12–14 лет, которые подверглись сексуальным домогательствам со стороны взрослых, как правило, лишь частично соответствуют критериям аномального педофильного объекта.

Среди причин развития педофилии у мужчин рассматриваются:

- 1) задержка психоэмоционального развития;
- 2) преждевременное психосексуальное развитие, в том числе в результате пережитых насильственных сексуальных действий в детском возрасте (несвоевременно пробуждающееся либидо сплавляется с педофильным объектом и фиксируется);
- 3) невозможность коммуникации с ровесниками, как частный случай заблокированности коммуникативного мотива полового акта;
- 4) сексуальные расстройства, мешающие нормативной половой активности, с переживанием собственной несостоятельности.

В процессе изучения нескольких случаев из судебнопсихиатрической практики были сформулированы гипотезы возникновения педогебефильного влечения у женщин:

- 1) травматический или неопределенный/незавершенный ранний (детский или раннепубертатный) сексуальный опыт;
- 2) общая психическая и психологическая незрелость (инфантильность) субъекта аномального влечения;
- 3) особенности личности женщин – носителей перверсивного влечения в виде акцентуированных либо психопатических черт с эгоистичностью, эгоцентризмом, снижением эмпатии, неполным усвоением и пренебрежением к социальным нор-

мам и правилам, стремлением к сверхконтролю и доминированию над сексуальным объектом;

- 4) неудача, фиаско, неудовлетворенность в романтико-сексуальных отношениях со взрослым партнером.

Как видно, выявленные механизмы формирования педофилии у мужчин и женщин имеют определенное сходство.

Различия педофилии у мужчин и женщин значимо проявляются в характере реализации патологического влечения. Если мужчины в большей степени склонны к негенитальным формам эротической активности (разговоры с ребенком на сексуальные темы, разглядывание, фотографирование, ощупывание), то среди женщин преобладающим является сценарий нормативных половых актов.

У женщин с педофилией отмечается стремление создать с объектом влечения устойчивую пару по типу нормативных отношений с ровесником. Женщины с педофилией, совратив подростка, редко утрачивают к нему интерес по достижении им половой зрелости. Напротив, они склонны удерживать такого партнера при себе длительное время, позже выходя за него замуж и рождая детей.

Анализ случая

Возникновение аномального сексуального влечения у женщин трудно объяснить какими-либо гедонистическими мотивами, поскольку ненормативный неподходящий по возрасту раннепубертатный сексуальный объект не обладает соответствующими навыками и опытом для разнообразного сексуального взаимодействия и удовлетворения взрослой партнерши. Отмеченные особенности гебефильного влечения иллюстрируют два случая аномального гебефильного сексуального влечения у женщин 28 и 39 лет из практики судебно-психиатрической экспертизы.

В первом из них 39-летняя женщина А., обвиняемая по ст. 132 УК РФ, в насильственных действиях сексуального характера с 13-летней девочкой: массировала ее обнаженные половые органы и совершала орально-генитальные контакты. Познакомились они в хореографическом кружке, где обвиняемая работала помощником руководителя. В уголовном деле представлена переписка А. с потерпевшей на сексуальные темы, где А. называет ее то «своей девочкой», то «сучкой», признается ей в любви, говорит про «бу-тончик», который она хочет поцеловать. В ходе допросов А. пояснила, что «вскоре» между ней и подростком «завязалось дружеское общение», «девочка сама просила о встречах, пришла к ней домой,

сама прошла в спальню, полностью без принуждения разделась», и «по обоюдному согласию» А. осуществила с ней орально-генитальный контакт. При психолого-сексолого-психиатрическом обследовании у А. была установлена незначительная задержка психосексуального развития с запоздалой осведомленностью о сексуальных отношениях только 7 лет и возникновении сексуального влечения в 18-летнем возрасте. Замужем никогда не была, проживала с сожителем старше ее на 10 лет, холодно отзывалась о нем. Сообщала о пережитом в 30 лет «глубоком разочаровании», когда была оставлена сожителем после 8 лет отношений. В последующем интимная жизнь носила характер аномального сексуального влечения к объектам, недифференцированным по полу и возрасту в виде групповых контактов, поддержания переписки на сексуальные темы со взрослыми и девочкой 13 лет с обменом фотографиями порнографического и фетишистского содержания. Ответственность за отношения с потерпевшей А. полностью перекладывала на ребенка – «она сама ко мне полезла», «подходила и обнимала меня». Переписывалась с потерпевшей на сексуальные темы, потому что «девочка стала об этом расспрашивать, лишь помогала ей, отвечала на запрос». Не считала, что ее действия могли причинить какой-то вред развитию ребенка. По данным психологического исследования были обнаружены дисгармоничные особенности личности А. в виде эгоцентризма, развитых честолюбия и самолюбия, с повышенным уровнем тревожности, внутренней уязвимостью, ранимостью, низкой способностью к сопереживанию, эмпатии, эмоциональной холодности, низким уровнем фрустрационной толерантности со стремлением к компенсаторному гиперконтролю в процессе общения с окружающими, выраженной экстрапунитивностью.

Во втором случае 30-летняя учительница совершила действия сексуального характера со своим 14-летним учеником. После задержания в беседе с экспертом при проведении психолого-сексолого-психиатрического обследования рассказывала об «эмоционально отсутствующем», «холодном» отце, строгости матери и ее крайне отрицательном отношении к вопросам сексуальности, запрете на обсуждение тем, связанных с сексуальной сферой, в семье [Миргород и др. 2024]. Говорила, что родители воспитывали ее «в жесткости», «делали безэмоциональным роботом», «когда начинала плакать, мама просила сдерживать слезы, быть сильной, не поддерживала ни в чем, часто ругала». Первый половой контакт реализовала в возрасте 16 лет с парнем, который был на 4 года старше ее. Половую инициацию и последующие сексуальные отношения оценивала негативно, «приятных ощущений не было, только боль, оргазма не испытывала ни с партнером, ни при мастурбации», так

как «это казалось чем-то противным, плохим, поскольку мать всегда говорила о сексе страшные вещи». При этом отмечала у себя эротические фантазии о знакомых мужчинах, которые «ласкали ее и вступали в половые контакты в разных позах». На 3-м курсе вышла замуж, родила дочь, описывала мужа как «инфантильного, не желающего работать, ничего не делал по дому... как будто его и не было». Развелась с ним через 2 года, «пережила разочарование в отношениях с мужчинами». Стала встречаться с мужчиной старше ее на 9 лет, интимные отношения с ним не устраивали, происходили редко, легко возникали ссоры, на фоне которых снижалось сексуальное влечение. Сообщала, что в последнее время в эротических фантазиях представляла, как вступает в ролевые игры с подростком в ролях «мой господин и госпожа», было желание доминировать над партнером, потому что быть «в пассивной роли (для нее) не привлекательно». Во время занятий в школе обратила внимание на ученика, который «красовался» перед ней, «был смазливый, нравился всем девочкам». Ей льстило, что он «старался выпендриваться перед ней, хотел ей понравиться». Поделилась с ним своими эротическими фантазиями, «разрешила себе все, вступила с ним в полноценные сексуальные отношения, от которых испытывала неведомое ранее удовлетворение». Беспечно, пожимая плечами говорила, что, хотя и знала о наказуемости своих действий, но «ничего с собой поделать не могла». При психологическом исследовании отмечалась личностная дисгармония с неустойчивой самооценкой, фрустрированной потребностью в любви и защищенности, стремление к беспрекословному доминированию, сверхконтролю в межличностных отношениях.

Выводы

Во время судебно-психиатрической экспертизы обе обвиняемые демонстрировали непонимание наказуемости инкриминируемых им сексуальных действий с 13–14-летними детьми, неверно оценивали возраст потерпевших, прибавляя им 1–3 года, приписывали потерпевшим проявления взрослой сексуальности, признаки половой «зрелости» («да она уже была созревшая», «у него/нее был сексуальный опыт до меня», «он/она рано начал/начала интересоваться сексом», «Вы его видели? Он выглядит и ведет себя как взрослый мужчина, сам кого хочешь соблазнит», «он/она совсем не ребенок» и т. д.).

Эта особенность восприятия аномального объекта влечения связана с искажением реальной ситуации под влиянием аномаль-

ного патологического и часто очень интенсивного влечения, а именно, с множественными когнитивными искажениями, свойственными лицам с личностно-мотивационными расстройствами и перверсивной сексуальностью.

Из всего многообразия когнитивных искажений у лиц с аномальным сексуальным влечением к раннепубертатным подросткам имеются такие когнитивные искажения как «персонализация» – отнесение к себе событий, не имеющих к ним прямого отношения (убежденность, что улыбающийся подросток улыбается именно им или что эротико-сексуальные проявления подростков адресованы именно им, а не сверстникам); «выборочное абстрагирование» и «психологический фильтр» – склонность к игнорированию любой альтернативной информации, не подтверждающей доминирующее в голове перверта представление о реальности и взаимоотношениях, в связи с чем выводы о происходящем делаются на недостаточных основаниях (по мнению женщин с гебефилией, подросток не просто проявляет дружелюбие и интерес к их взрослой личности, стремится получить поддержку или научиться чему-либо, но желает именно сексуального контакта с ними); «произвольные умозаключения» и «эмоциональные доводы» – склонность к бездоказательным, совершаемым под искажающим влиянием патологического влечения и соответствующего эмоционального фона суждениям, часто противоречащим реальным фактам («подросток уже готов к сексуальной жизни, потому что я так чувствую»); «сверхгенерализация» – склонность к неоправданному обобщению, и «эффект ложного консенсуса» (бессознательное убеждение, что другие мыслят точно так же как и мы, разделяют наши убеждения), что проявляется у лиц с перверсиями в виде убежденности в широком распространении и «нормальности» перверсивного влечения в обществе («во многих культурах замуж выдают и женятся уже в 12 лет», «почти все 13-летние сейчас уже все знают о сексе, имеют сексуальный опыт» и т. д.); проекция на подростка элементов своей взрослой сексуальности («да она/он тоже хотела/хотел секса, это вообще она/он все начала/начал, я не знала, куда от нее/него деться, преследовала/преследовал меня») [Tversky, Kahneman 1996; Covin et al. 2011]. При проведении судебно-психиатрической экспертизы часто выявляется когнитивное искажение «эффект 3-го лица», когда вся совокупность информации о патологическом перверсивном влечении влияет только на суждения подэкспертного относительно других лиц, но не себя (так, подэкспертный спокойно заявляет, что «педофилов и эфебофилов однозначно надо сажать в тюрьму, им не место в обществе», при этом никогда не относя себя к ука-

занным категориям). Последнее когнитивное искажение в свою очередь связано с фундаментальной ошибкой атрибуции, когда свои личные ошибки человек объясняет внешними причинами, а ошибки других людей связывает с проявлением негативных черт их характера.

Заключение

Характер отношения субъекта аномального влечения к педофильному объекту описан Н.Г. Васильевым и А.А. Ткаченко. Отмечено, что объект притязаний исключается из разряда «детей», с ребенком устанавливаются доверительные отношения за счет частой коммуникации, которые в последующем облегчают достижение сексуальной близости [Васильев, Ткаченко 2022].

Сексуальный контакт с гебефильным объектом протекает у женщин по сценарию нормативных половых актов. Часто субъект (носитель аномального сексуального влечения) имеет опыт длительных нормативных сексуальных отношений с постоянным партнером, сопровождаемых конфликтами, неудовлетворенностью, дисфункциональными явлениями. Дезадаптация в партнерских отношениях обусловлена характерологическими особенностями их участников, часто имеет место сохраняющийся межличностный конфликт за счет обострения акцентуированных либо психопатических черт субъекта. Частота нормативных контактов под влиянием споров и ссор снижается, хотя сексуальная потребность остается на прежнем уровне, что обостряет сексуальную расторможенность и приводит к поиску замещающего объекта. Неудачи в партнерских отношениях с нормативным объектом сопровождаются снижением самооценки. Фактором, компенсирующим эти переживания, становится создание отношений, в которых объект находился бы в полном подчинении субъекту, без ощутимых затрат материальных и энергетических ресурсов для субъекта. Таким объектом становится ребенок или раннепубертатный подросток.

Среди причин формирования патологического сексуального влечения к подросткам и детям выделяют также эмоциональную конгруэнтность (соответствие) детям (ЭКД) [Fraser et al. 2024].

Эмоциональная конгруэнтность детям определяется как преувеличенная когнитивная и эмоциональная связь с детством и детьми, является психологически значимым фактором риска сексуальных правонарушений в отношении детей [Mann et al. 2010; Finkelhor 1984]. Человек с высоким уровнем ЭКД легче удовлетворяет свои потребности в эмоциональной привязанности,

взаимодействуя с детьми, а не со взрослыми. Такие люди могут искать работу, ориентированную на детей, сообщать, что «дружат с детьми», что «влюблены в детей».

Было предложено три модели ЭКД: модель блокировки, модель сексуальной сферы и модель психологической незрелости. Модель блокировки указывает, что ЭКД связано с чувством одиночества и/или социального отвержения, отсутствием стабильных интимных отношений со взрослыми партнерами и неприятием взрослых партнеров (даже враждебности к ним), относительно низким уровнем сексуальных отклонений, подчинением авторитетам, низкой импульсивностью. В модели сексуальной сферы ЭКД связан с сексуальной расторможенностью, озабоченностью, откровенно сексуальным интересом к детям, когнитивными установками, оправдывающими и поддерживающими секс между взрослым и ребенком, более высокими уровнями педофильных интересов и сексуальными правонарушениями в отношении детей, которые начались в раннем возрасте, сохранялись с течением времени, вовлекали жертв своего пола. Модель психологической незрелости описывает эмоциональную конгруэнтность детям у лиц с психофизическим инфантилизмом, психопатическими чертами характера [McPhail et al. 2018]. Обнаружены устойчивые ассоциации между ЭКД и нетипичными сексуальными интересами, сексуальной озабоченностью и искаженными представлениями о сексе взрослых и детей [McPhail et al. 2013; Hermann et al. 2017].

Одним из очевидных факторов, оказывающим влияние на формирование у женщин патологического сексуального влечения к подросткам, является отмеченное выше стремление к доминированию, сверхконтролю как гиперкомпенсации подчиненной роли в предыдущих неудовлетворительных отношениях. В приведенных выше судебных случаях обе женщины находились в отношениях с доминирующими партнерами, где были вынуждены не только подчинять свою волю потребностям и требованиям партнера, но и подспудно испытывали чувство беспомощности, неполноценности, накапливали недовольство своим ущербным положением, обиду за игнорирование своих потребностей, и, как следствие, неудовлетворенность в сексуальных отношениях. А. Адлер отмечает, что стремление к доминированию связано с компенсацией чувства неполноценности и зависимости, свойственных детскому возрасту. Вытесненные болезненные переживания, связанные с неудовлетворенной сексуальной потребностью, находят свое разрешение в реализации влечения к объекту, уже находящемуся в психологической зависимости.

Литература

- Васильев, Ткаченко 2022 – *Васильев Н.Г., Ткаченко А.А.* Особенности восприятия аномального сексуального объекта как основа типологии педофильного расстройства // Социальная и клиническая психиатрия. 2022. Т. 32. № 2. С. 33–42.
- Миргород и др. 2024 – *Миргород Н.В., Бриль М.С., Чернецкая Л.А.* Значение фигуры отца для сферы межличностных отношений женщины // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 64–80.
- Bártová et al. 2021 – *Bártová K, Androvičová R, Krejčová L, Weiss P, Klapilová K.* The prevalence of paraphilic interests in the Czech population: Preference, arousal, the use of pornography, fantasy, and behavior // The Journal of Sex Research. 2021. № 58 (1) P. 86–96.
- Blanchard et al. 2009 – *Blanchard R., Lykins A., Wherrett D., Kuban M., Cantor J., Blak T., Dickey R., Klassen P.* Pedophilia, hebephilia, and the DSM-V // Archives of Sexual Behavior. 2009. № 38 (3). P. 33–50.
- Covin et al. 2011 – *Covin R., Dozois D.J.A., Ogniewiez A., Seeds P.M.* Measuring cognitive errors: initial development of the cognitive distortions scale (CDS) // International Journal of Cognitive Therapy. 2011. № 4 (3). P. 297–322.
- Diamond 2016 – *Diamond L.M.* Sexual fluidity in males and females // Current Sexual Health Reports. 2016. № 8. P. 249–256.
- Finkelhor 1984 – *Finkelhor D.* Child sexual abuse: New theory and research. N.Y.: Free Press, 1984.
- Fraser et al. 2024 – *Fraser J., Babchishin K., Maaik Helmus L.* Emotional congruence with children: an empirical examination of different models in men with a history of sexually offending against children // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2024. № 36 (5). P. 546–571.
- Hermann et al. 2017 – *Hermann C.A., McPhail I.V., Helmus L.M., Hanson R.K.* Emotional congruence with children is associated with sexual deviancy in sexual offenders against children // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 2017. № 61 (12). P. 1311–1334.
- Mann et al. 2010 – *Mann R.E., Hanson R.K., Thornton D.* Assessing risk for sexual recidivism: Some proposals on the nature of psychologically meaningful risk factors // Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment. 2010. № 22 (2). P. 191–217.
- McPhail et al. 2013 – *McPhail I.V., Hermann C.A., Nunes K.L.* Emotional congruence with children and sexual offending against children: A meta-analytic review // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2013. № 81 (4). P. 737–749.
- McPhail et al. 2018 – *McPhail I., Nunes K.L., Hermann C.A., Sewell R., Peacock E.J., Looman J., Fernandez Y.M.* Emotional congruence with children: are implicit and explicit child-like self-concept and attitude toward children associated with sexual offending against children? // Archives of Sexual Behavior. 2018. № 47 (8). P. 2241–2254.

- Lievesley et al. 2020 – *Lievesley R., Harper C.A., Elliott H.* The internalization of social stigma among minor-attracted persons: Implications for treatment // *Archives of Sexual Behavior*. 2020. № 49 (4). P. 1291–1304.
- Lievesley, Lapworth 2022 – *Lievesley R., Lapworth R.* We do exist: the experiences of women living with a sexual interest in minors // *Archives of Sexual Behavior*. 2022. № 51 (2). P. 879–896.
- Tozdan et al. 2020 – *Tozdan S., Dekker A., Neutze J.* Sexual interest in children among women in two nonclinical and nonrepresentative online samples // *The Journal of Sexual Medicine*. 2020. № 8 (2) P. 251–264.
- Tversky, Kahneman 1996 – *Tversky A., Kahneman D.* On the reality of cognitive illusions // *Psychological Review*. 1996. Vol. 103. P. 582–591.
- Wurtele et al. 2014 – *Wurtele S.K., Simons D.A., Moreno T.* Sexual interest in children among an online sample of men and women: Prevalence and correlates // *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*. 2014. № 26 (6). P. 546–568.

References

- Bártová, K., Androvičová, R., Krejčová, L., Weiss, P. and Klapilová, K. (2021), “The prevalence of paraphilic interests in the Czech population: Preference, arousal, the use of pornography, fantasy, and behavior”, *The Journal of Sex Research*, no. 58 (1), pp. 86–96.
- Blanchard, R., Lykins, A., Wherrett, D., Kuban, M., Cantor, J., Blak, T., Dickey, R. and Klassen, P. (2009), “Pedophilia, hebephilia, and the DSM-V”, *Archives of Sexual Behavior*, no. 38 (3), pp. 33–50.
- Covin, R., Dozois, D.J.A., Ogniewiez, A. and Seeds, P.M. (2011), “Measuring cognitive errors: initial development of the cognitive distortions scale (CDS)”, *International Journal of Cognitive Therapy*, no. 4 (3), pp. 297–322.
- Diamond, L.M. (2016), “Sexual fluidity in males and females”, *Current Sexual Health Reports*, no. 8, pp. 249–256.
- Finkelhor, D. (1984), *Child sexual abuse: New theory and research*, Free Press, New York, USA.
- Fraser, J., Babchishin, K. and Helmus, L.M. (2024), “Emotional congruence with children: an empirical examination of different models in men with a history of sexually offending against children”, *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, no. 36 (5), pp. 546–571.
- Hermann, C.A., McPhail, I.V., Helmus, L.M. and Hanson, R.K. (2017), “Emotional congruence with children is associated with sexual deviancy in sexual offenders against children”, *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*, no. 61 (12), pp. 1311–1334.
- Lievesley, R., Harper, C.A. and Elliott, H. (2020), “The internalization of social stigma among minor-attracted persons: Implications for treatment”, *Archives of Sexual Behavior*, no. 49 (4), pp. 1291–1304.

- Lievesley, R. and Lapworth, R. (2022), "We do exist: the experiences of women living with a sexual interest in minors", *Archives of Sexual Behavior*, no. 51 (2), pp. 879–896.
- Mann, R.E., Hanson, R.K. and Thornton, D. (2010), "Assessing risk for sexual recidivism: Some proposals on the nature of psychologically meaningful risk factors", *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, no. 22 (2), pp. 191–217.
- McPhail, I.V., Hermann, C.A. and Nunes, K.L. (2013), "Emotional congruence with children and sexual offending against children: A meta-analytic review", *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, no. 81 (4), pp. 737–749.
- McPhail, I., Hermann, C.A., Nunes, K.L., Sewell, R., Peacock, E.J., Looman, J. and Fernandez, Y.M. (2018), "Emotional congruence with children: are implicit and explicit child-like self-concept and attitude toward children associated with sexual offending against children?", *Archives of Sexual Behavior*, no. 47 (8), pp. 2241–2254.
- Mirgorod, N.V., Bril', M.S. and Chernetskaya, L.A. (2024), "The meaning of the father figure for the sphere of women's interpersonal relationships", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 64–80.
- Tozdan, S., Dekker, A. and Neutze, J. (2020), "Sexual interest in children among women in two nonclinical and nonrepresentative online samples", *The Journal of Sexual Medicine*, no. 8 (2), pp. 251–264.
- Tversky, A. and Kahneman, D. (1996), "On the reality of cognitive illusions", *Psychological Review*, vol. 103, pp. 582–591.
- Vasiliev, N.G. and Tkachenko, A.A. (2022), "Features of perception of an abnormal sexual object as the basis for the typology of pedophilic disorder", *Social and clinical psychiatry*, vol. 32, no. 2, pp. 33–42.
- Wurtele, S.K., Simons, D.A. and Moreno, T. (2014), "Sexual interest in children among an online sample of men and women: Prevalence and correlates", *Sexual Abuse: A Journal of Research and Treatment*, no. 26 (6), pp. 546–568.

Информация об авторах

Виктор В. Гульдман, доктор психологических наук, профессор, Психиатрическая клиническая больница № 13, Москва, Россия; 109559, Москва, ул. Ставропольская, д. 27; Guldanvictor@gmail.com

Татьяна А. Шахбази, кандидат медицинских наук, Московский научно-практический центр наркологии, Москва, Россия; 117638, Москва, Симферопольский б-р, д. 6/1; tatshah@mail.ru

Information about the authors

Viktor V. Guldan, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Psychiatric Clinical Hospital № 13, Moscow, Russia; bld. 27, Stavropol'skaya Street, Moscow, Russia, 109559; Guldanviktor@gmail.com

Tatyana A. Shahbazi, Cand. of Sci. (Medicine), Moscow Scientific and Practical Center of Narcology, Moscow, Russia; bld. 6/1, Simferopol'skii Boulevard, Moscow, Russia, 117638; tatshah@mail.ru

Индивидуально-личностные аспекты прокрастинации у следователей Следственного комитета Российской Федерации

Оксана В. Гавриченко

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, Oksana-danshina@rambler.ru*

Владимир В. Ромицын

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, romizin@mail.ru*

Аннотация. В статье представлено исследование связи личностных особенностей по моделям Большой пятерки и Темной тетрады с прокрастинацией в выборке, представленной следователями Следственного комитета Российской Федерации. В исследовании приняли участие группа следователей в количестве 183 человека ($n = 183$). Для сравнения полученных данных, во вторую группу выборки вошли врачи различных специальностей в количестве 106 человек ($n = 106$), мужчины и женщины в возрасте от 21 до 50 лет и со стажем работы от 1 года до 26 лет. В качестве методов исследования были использованы адаптированные опросники. Полученные результаты позволяют сделать выводы о том, что выраженность прокрастинации у следователей положительно связана с выраженностью макиавеллизма и бытового садизма, а также отрицательно коррелирует с выраженностью сознательности у отдельных подгрупп следователей. В исследованной группе у следователей старше 35 лет уровень сознательности выше, а уровень макиавеллизма ниже, чем у следователей младше 35 лет. В исследованной группе респондентов-врачей корреляции параметров прокрастинации, макиавеллизма, бытового садизма и сознательности не выявлено, при этом показатели прокрастинации у следователей значимо ниже, чем в группе респондентов-врачей.

Ключевые слова: прокрастинация, сознательность, макиавеллизм, бытовой садизм, следователь, врач

Для цитирования: Гавриченко О.В., Ромицын В.В. Индивидуально-личностные аспекты прокрастинации у следователей Следственного комитета Российской Федерации // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 4. С. 120–140. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-120-140

© Гавриченко О.В., Ромицын В.В., 2025

Individual and personal aspects of procrastination among investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation

Oksana V. Gavrichenko

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, Oksana-danshina@rambler.ru*

Vladimir V. Romitsyn

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, romizin@mail.ru*

Abstract. This article presents a study on the relationship between personality traits based on the Big Five model and the Dark Tetrad with procrastination in a sample consisting of investigators from the Investigative Committee of the Russian Federation. The study involved a group of 183 investigators ($n = 183$) and a group of 106 medical professionals from various specialties ($n2 = 106$), including both men and women aged 21 to 50 years with work experience ranging from 1 to 26 years. Adapted questionnaires were used as research methods. The findings indicate that the level of procrastination among investigators is positively correlated with the level of Machiavellianism and everyday sadism, while it negatively correlates with that of conscientiousness in certain subgroups of investigators. In the studied group, investigators over 35 years old exhibited higher levels of conscientiousness and lower levels of Machiavellianism compared to those under 35. In the group of medical respondents, no correlations were found between parameters of procrastination, Machiavellianism, everyday sadism, and conscientiousness; moreover, procrastination levels among investigators were significantly lower than those in the group of medical respondents.

Keywords: procrastination, conscientiousness, Machiavellianism, everyday sadism, investigator, doctor

For citation: Gavrichenko, O.V. and Romitsyn, V.V. (2025), "Individual and personal aspects of procrastination among investigators of the Investigative Committee of the Russian Federation", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 120–140, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-120-140

Теоретический анализ подходов к проблеме прокрастинации

Термин «прокрастинация» в психологии по настоящее время не имеет однозначной трактовки, весьма размыт и даже не имеет однозначной коннотации с точки зрения положительного или

отрицательного влияния на человека, однако степень внимания к этой области исследования высока.

Прокрастинацию чаще всего рассматривают как иррациональную задержку поведения, в числе основных аспектов приводятся осознанность откладывания, переживание субъективной значимости задачи и негативных эмоций при откладывании [Коновалова 2020].

На бытовом субъективном уровне к прокрастинации можно отнести симптомы промедления или откладывания задач, лени, отсутствие рабочей мотивации и прочее.

Ряд ученых (например, Д. Феррари, Д. Джонсон и В.П. Мак-Каун) выделяют исторический момент закрепления прокрастинации как социально осуждаемого явления – промышленная революция (около 1750 г.), когда труд стал проявляться в виде экономической характеристики ресурсов государства. Вместе с тем, по сей день существуют позитивные оценки прокрастинации. Так, П. Бернштейн выделяет позитивный эффект прокрастинации при принятии решений в условиях неопределенности, так как с течением времени объем информации увеличивается и появляется больше информации для принятия наиболее верного решения [Ferrari 1993; Ferrari et al. 1995; Kaplan 1998].

Интересный исторический вывод о прокрастинации был сделан Н. Милграмом, который обнаружил, что технически развитые общества требуют от своих представителей многочисленных обязательств и сроков, тогда как не столь развитые аграрные общества не страдают от данного феномена [Steel 2007].

В отечественной школе психологии личности особое внимание уделялось воле как способности человека настойчиво достигать сознательно поставленной цели, в том числе несмотря на наличие как внешних, так и внутренних препятствий [Божович 2001]. Волевой человек преодолевает свои привлекательные потребности, стремления и желания в интересах целей, которые он определил как наиболее значимые. Вместе с тем в реальной жизни человек, является носителем собственных уникальных характеристик личности, опыта и переживаний, сталкивается с борьбой мотивов, в ходе которых может происходить постоянная переоценка поведенческих актов – от движения к цели до избегания ее. Нередко доводов разума оказывается недостаточно, особенно в современном мире с интенсивно развивающимся цифровым сообществом, которое предлагает человеку модели поведения, не связанные с достижением долгосрочных целей как притягательных. Сильное неудовлетворенное желание лишает многих людей способности рассуждать и обдумывать.

Так, Л.И. Божович был приведен психологический эксперимент, когда испытуемым детям предлагали игрушку за выполнение задания, причем более желаемую игрушку – за трудное задание, и менее желаемую игрушку – за легкое задание. Было установлено, что дети чаще всего, желая получить более ценную игрушку, не задумывались о сложности выполняемого задания и сразу выбирали более сложный вариант. Когда экспериментатор спросил у одного из детей, о чем он думал, когда выбрал сложную задачу, зная, что не умеет решать такие задачи, ребенок в ответ сообщил, что «знал об этом, но не думал», так как очень хотел получить желаемый результат [Божович 2001].

Полученные в ходе этого эксперимента данные раскрывают еще одну сторону исследуемого нами феномена прокрастинации – избрание более сложных, неисполнимых задач само по себе может стать одним из факторов откладывания дел.

Сама же Л.И. Божович относит к причинам прокрастинации необходимость преодоления непредвиденных трудностей, например, накопившейся усталости, потерю интереса [Божович 2001].

В качестве причин прокрастинации учеными были предложены ряд теорий. С точки зрения временных теорий, к которым можно отнести теорию временного дисконтирования А. Левенштейна и теорию временной перспективы Ф. Зимбардо, отношение к поставленным жизненным решениям и задачам изменяется в зависимости от временной близости поощрения или наказания, утрированно по формуле – чем дальше событие по времени – тем меньше оно оказывает влияние на людей [Story et al. 2014; Зимбардо, Бойд 2010].

Следует отметить, что западные исследования связи прокрастинации и индивидуальных особенностей 1970–1980-х гг. наибольшее внимание уделяли связи прокрастинации и эмоциональной неустойчивости – невротизма, поскольку подразумевалось, что люди часто откладывают выполнение задач, так как испытывают стресс, а невротики испытывают его чаще [Steel 2007].

Существенным вопросом, исследованным психологами в данной области в 1990-е и 2000-е гг., явилась проверка гипотезы о признании прокрастинации устойчивой личностной чертой. Для решения этой проблемы было проведено достаточно исследований, и это свидетельствует о том, что это действительно так. По мнению некоторых исследователей, в прокрастинации может присутствовать биологический или генетический компонент. Так, в проведенном в 2003 г. исследовании 118 монозиготных и 93 дизиготных близнецов-мужчин на основе самоотчета по признаку причисления себя к прокрастинаторам, была выявлена корреляция 0,24 и 0,13 соответственно. В 10-летнем лонгитюдном исследовании устойчи-

ности прокрастинации через модель поведенческого торможения А.Дж. Эллиота, завершившегося в 2002 г. на 281 участнике, корреляция составила 0,77, что было оценено учеными как безусловно значимая связь [Коновалова 2020; Steel 2007; Elliot, Thrash 2002].

По мнению канадского ученого П. Стила, прокрастинация связана с широким рядом психологических факторов. Некоторые зарубежные ученые, например, А. Флетт, Т. Питчел, М. Ребетец и др., рассматривают феномен прокрастинации как результат взаимодействия эмоциональной, мотивационной и когнитивной сфер личности, однако по настоящее время полного представления о взаимодействии данных систем нет, а число релевантных моделей прокрастинации также незначительно, то есть отсутствует достаточно ясное представление об особенностях связей психологических детерминант феномена прокрастинации [Королева, Клейменова 2017].

Предикаторами прокрастинации в настоящее время также часто указывают лень, тревожность, склонность к доминированию эмоционального интеллекта, демографические характеристики личности (возраст, пол, национальность), уровень личностной саморегуляции и самоорганизации времени, степень ее осознанности, выраженность общего, нормального и патологического перфекционизма, уровень мотиваций в достижении успеха и избегании неудач, уровень самооценки, уровень временной компетентности и сформированность временной перспективы, выраженность невротизма, навыки контроля над ситуацией, а также связь образовательной и профессиональной сфер [Ветрова, Обозная 2021]. Заслуживает внимания мнение отечественного ученого В.В. Барбанщиковой, согласно которому прокрастинация может быть отнесена к разновидностям профессиональных деформаций, что подчеркивает тем самым возможность профессиогенной природы данного феномена [Барбанщикова 2019].

В классическом психоанализе прокрастинационные проявления воспринимаются в рамках последствий детско-родительских отношений, когда высокие или заниженные ожидания родителей по отношению к успешности ребенка вызывают иррациональные последствия для индивидуума в будущем. В психодинамическом подходе прокрастинация выступает как механизм психологической защиты, когда люди избегают выполнения дел, воспринимаемых как угрозу для Эго.

В парадигме бихевиоризма избегание дел рассматривается через призму поощрений и наказаний, так как прокрастинирующий человек стремится избежать неприятных стимулов (в том числе недостаточное поощрение). По мнению американского теоретика

поведения Д. Эйнсли, прокрастинирующие люди стремятся к получению краткосрочного вознаграждения и в процессе выбора будут опираться на анализ наиболее близкого подкрепления, то есть при получении подкрепления различными частотами (например, краткосрочные или долгосрочные цели), выберут краткосрочные.

С точки зрения гуманистического подхода прокрастинация является противоположностью эффективности личностного роста, и, строго говоря, не может представлять собой опору какой-либо экзистенции. В концепциях А. Маслоу, К. Юнга, К. Роджерса прокрастинация – противовес позитивного генезиса личности, мешающий построению самости или самоактуализации [Маслоу 2019; Юнг 2024; Роджерс 2001].

Основные стратегии совладания с прокрастинацией можно разделить на 4 группы:

- 1) планирование, то есть перспективное распределение времени и задач;
- 2) социальный контроль, то есть наличие прямых (руководитель, педагог) или косвенных (образец для подражания, устой в коллективе) внешних стимулов, влияющих на выполнение поставленных задач;
- 3) поощрение и наказание, то есть определение для себя положительных или отрицательных последствий в случае неисполнения поставленной задачи;
- 4) волевой контроль, то есть создание дополнительных внутренних мотивационных приоритетов и установок, в том числе с помощью устранения помех или управления задачей (например, разбить большую задачу на маленькие) [Шафеев 2022].

Прокрастинация в деятельности следователя может выражаться в необоснованной волоките по делам, затягивании сроков принятия процессуальных решений, неисполнении запланированных следственных и иных процессуальных действий. Вторичными последствиями к данным проявлениям могут выступать снижение удовлетворенности профессиональной деятельностью со стороны следователей, усиление их стрессовой нагрузки в виде критики недостаточной деятельности, снижение показателей или нарушения в деятельности следователя.

В действующей научной парадигме, наиболее применимой для характеристики личностных особенностей, выделяется теория черт как базовых составляющих основного конструкта личности, среди которых выделены условно положительные (экстраверсия, доброжелательность, сознательность, открытость опыту) и условно негативные (макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, бытовой садизм и невротизм).

Интересно, что наиболее значимые исследования связи прокрастинации и индивидуальных различий проводились в 1970–1980-х гг., то есть более 40 лет назад. В этих исследованиях невротизм показал высокий уровень связи с прокрастинацией, поскольку, как указывалось выше, подверженность острому переживанию стресса, иррациональным убеждениям, страх неудачи, низкая самооценка и прочие факторы способствуют откладыванию выполнения задач. Открытость опыту и доброжелательность не обнаружили выраженных связей с прокрастинацией, а выделенный из экстраверсии фактор импульсивности, по мнению исследователей, мог приводить к большей выраженности прокрастинации. Связь прокрастинации и сознательности, согласно исследованиям Э. Вессмана в 1973 г., составила $r = -0,62$, при этом также были исследованы структурные части сознательности – факторы отвлекаемости, организации, мотивации достижения, разрыва между намерением и действием для изучения прокрастинации. В исследованиях Л. Голдберга в 1990 г. и Т. Видигера в 1997 г. обратная корреляция между прокрастинацией и сознательностью составляла $r = -0,75$, иногда превосходя по силе связи даже показатели добросовестности [Steel 2007].

Представляет интерес связь факторов Большой Пятерки с иными личностными качествами. По мнению Е.Б. Петрушихиной, данные личностные особенности могут предсказывать, например, харизматическое лидерство. Идеализированное влияние наиболее тесно связано с доброжелательностью и сознательностью, а экстраверсия существенно влияет на проявление вдохновляющей мотивации. Несколько слабее воздействует на харизматическое лидерство открытость опыту; невротизм препятствует лидерству на основе харизмы. Иными словами, более успешны в символическом и эмоциональном донесении ценностей честные, стремящиеся к согласию и сотрудничеству, открытые и эмоционально стабильные лидеры, ориентированные к тому же на творчество и поиск новых стратегий поведения [Петрушихина 2024]. Безусловно, проявление позитивного харизматического лидерства положительно сказывается на служебной деятельности следователя.

Следует отметить, что подход к выявлению личностных особенностей не ограничивается опросниками. Представляется интересным выявление личностных особенностей методами нарративной психологии, обсуждения конкретных событий. Так, проведенные отечественными учеными исследования на примере макиавеллистов подтверждают, что у макиавеллистов существуют общие особенности применения косвенных вербальных техник самопрезентации по заданным стимулам [Федотова, Белоглазов 2022].

Переходя к вопросу психологической характеристики профессионального портрета следователя, необходимо выделить высокий уровень стрессовых факторов: сжатость сроков исполнения задач, их четко не дифференцированная приоритетность, большое количество контролирующих лиц (иерархия непосредственного руководства, надзорные органы, суд), значимые требования к нравственному поведению в трудовой и обыденной жизни, необходимость проявления интеллектуальных качеств для разрешения сложных задач профессиональной компетенции.

Качественная профессиональная идентификация следователей остается одной из насущных проблем не только в организационном, но и в психологическом плане.

Согласно акмеологической концепции, изложенной в работе В.Р. Орестовой, личностно-профессиональное развитие является важным критерием идентичности государственного служащего, а сам феномен идентификации государственных служащих имеет волевой, перцептивный, коммуникативный, креативный, прогностический, организаторский и конструктивный компонент. Автором выделены три типа идентификации: опережающая идентификация, адекватная идентификация и запаздывающая идентификация. С точки зрения рассматриваемой в настоящей статье темы, «прокрастинация» – термин акмеологического процесса идентификации [Орестова 2010].

Применяя указанные положения, процесс идентификации государственных следователей должен включать развитие «Я»-концепции специалиста, а также его личностно-профессиональное развитие, обусловленное следующим рядом функций:

- смыслообразующая функция, которая связуется с обеспечением возможности для осознания и субъективного принятия цели предстоящей конструктивной профессиональной деятельности на государственной службе;
- ориентирующая функция, призванная помочь специалисту правильно ориентироваться в системе знаний о потенциальных целях человеческой деятельности и методах осуществления процесса целеполагания, позволяя более эффективно формировать стратегии работы;
- проективная функция, которая определяет характер, последовательность, способы и средства действий, направленных на достижение поставленных целей, включает в себя планирование действий и принятие стратегий для эффективного выполнения задач;
- рефлексивно-оценочная функция, обусловленная необходимостью формирования собственного отношения личности

к цели и процессу ее достижения, значимостью анализа собственных действий, оценки результатов и текущей корректировки подходов;

- регулятивная функция, которая обеспечивает влияние процесса целеполагания на способы регуляции деятельности и поведения, направленные на достижение управленческой цели. Это связано с адаптацией к изменяющимся условиям и требованиям профессиональной деятельности.

Данные функции определяют такие структурные компоненты целеполагания, как содержательный компонент (включает в себя содержание целей и задач, которые ставит перед собой следователь), мотивационный компонент (определяет внутренние и внешние мотивы, побуждающие следователя к достижению целей), деятельностно-операционный компонент (конкретные действия и операции, которые следователь выполняет для достижения целей), эмоционально-волевой компонент (управление эмоциональным состоянием, волевой регуляцией в процессе профессиональной деятельности), рефлексивно-оценочный компонент (процессы саморефлексии и оценки достижения поставленных целей) [Орестова 2010].

Психологическая специфика профессиональной деятельности в системе «человек–человек» отличается дополнительной социальной нагрузкой на личность, которая может заключаться в дополнительном контроле поведения, обусловленном особенностями принятой на себя профессиональной роли, необходимостью усиления или контроля реализации черт личности, требуемых для профессии.

Труд таких специалистов, как следователь и врач, относится к категории социально значимых, компетентно сложных и психологически напряженных профессий, одним из факторов надлежащего исполнения которой является постоянно осуществляемая целенаправленная деятельность. К профессиональной деятельности врача, так же как и к работе следователя, предъявляются ряд необходимых требований, связанных с эмоциональными перегрузками и частыми стрессовыми ситуациями. Обе профессии подразумевают достаточно четко структурированную поведенческую этику, необходимость срочного принятия решений, от которых зачастую зависит жизнь конкретного человека.

Данные профессиональные особенности деятельности врачей стали основным фактором в выборе второй группы респондентов, принявших участие в нашем исследовании.

Выборка и методы исследования

В исследовании с использованием метода простой случайной выборки приняли участие 183 человека из числа следователей Следственного комитета Российской Федерации, в возрасте от 21 до 50 лет, из них 83 женщины и 100 мужчин, с диапазоном стажа работы от 1 года до 26 лет, имеющие высшее специальное образование.

В исследовании с использованием метода простой случайной выборки также приняла участие группа из числа врачей различных специальностей в количестве 106 человек, из них 92 женщины и 14 мужчин, в возрасте от 21 до 50 лет со стажем работы от 1 до свыше 26 лет, имеющие специальное медицинское образование.

В качестве психометрических методов исследования были использованы опросники, валидность и репрезентативность которых проверена отечественными учеными: шкала прокрастинации по методике П. Стила (Procrastination Scale Items, PSI); короткий портретный опросник Большой пятерки М.С. Егоровой и О.В. Паршиковой (Б5–10); короткий опросник темной тетрады (SD-4) в модификации Д.С. Корниенко, В.К. Вязовкиной и И.С. Горностаева.

Гипотезы исследования

Общая гипотеза: существует связь между прокрастинацией и личностными особенностями у следователей Следственного комитета Российской Федерации.

В качестве *частных гипотез*, мы рассматривали следующие предположения:

1. Существует положительная связь между прокрастинацией и выраженностью макиавеллизма у следователей.
2. Существует положительная связь между прокрастинацией и обыденным садизмом у следователей.
3. Существует отрицательная связь между прокрастинацией и сознательностью у следователей.
4. Существуют различия в проявлении прокрастинации у следователей Следственного комитета Российской Федерации и представителей медицинских профессий: у сотрудников Следственного комитета Российской Федерации показатели выраженности прокрастинации ниже, чем у представителей медицинских профессий.
5. Представители профессии «следователь Следственного комитета Российской Федерации» разных возрастных групп значимо различаются по степени выраженности макиавеллизма и сознательности.

Анализ и обсуждение результатов

В ходе анализа различий методом критерия U Манна–Уитни между исследованными группами следователей и врачей были проверены и выявлены статистически значимые различия в параметрах по шкалам прокрастинации, невротизма и сознательности (см. рис. 1). Из полученных данных следует, что изучаемый параметр – выраженность прокрастинации статистически различается в группах, при этом уровень выраженности сознательности в группе следователей также значимо выше.

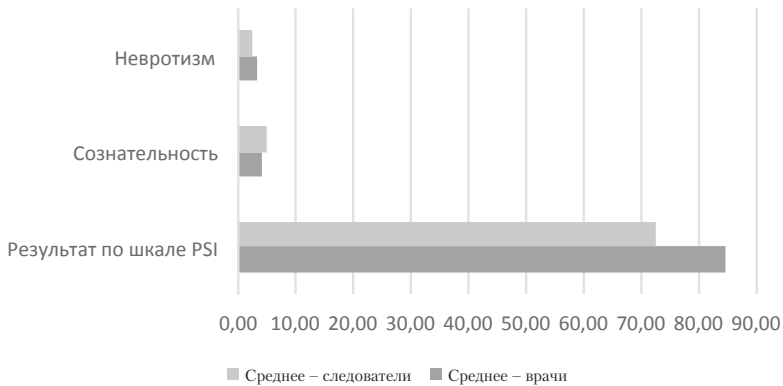

Рис. 1. Статистически значимые различия между выборками следователей и врачей

При анализе расхождений для независимых непараметрических выборок методом критерия U Манна–Уитни по признаку пола в исследуемой группе следователей выявлены статистически значимые расхождения по параметрам невротизм, психопатия и садизм, при этом у опрошенных женщин выявленные показатели различия оказались существенно выше (см. рис. 2).

Различий по шкале прокрастинации в выборке по признаку пола не выявлено, в связи с чем зависимости показателя прокрастинации от пола следователя не выявлено.

В группе врачей каких-либо различий личностных черт и уровня прокрастинации в разрезе фактора пола не установлено.

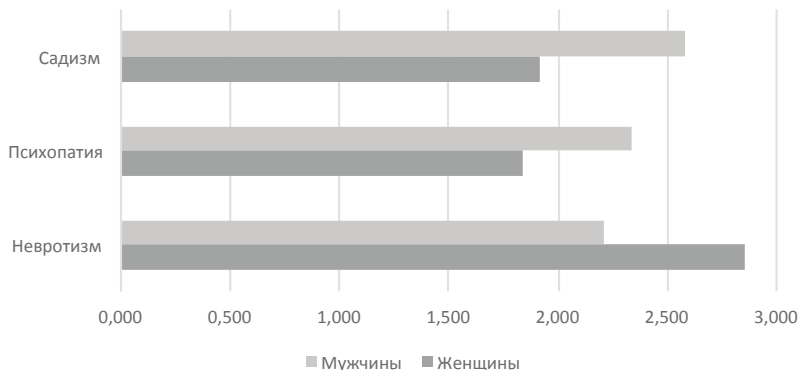

Рис. 2. Соотношение различий изучаемых личностных особенностей следователей в разрезе фактора пола

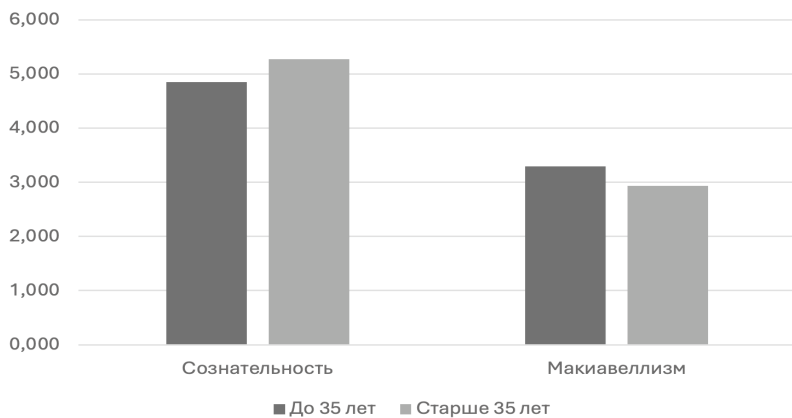

Рис. 3. Различие уровней сознательности и макиавеллизма у следователей в зависимости от возраста

В ходе проверки расхождений групп, разбитых по возрастной периодизации Б.Г. Ананьева, методом U-теста Манна–Уитни были выявлены математически значимые расхождения в параметрах сознательности и макиавеллизма, при этом уровень сознательности в группе респондентов старше 35 лет выше на 0,42 балла в средних значениях, чем в более младшей, а уровень макиавеллизма – ниже на 0,36 баллов в средних значениях (см. рис. 3). Различий среди респондентов-следователей в группах в возрасте до 35 лет и в воз-

расте старше 35 лет по шкале прокрастинации не выявлено. В группе респондентов-врачей каких-либо различий личностных черт и уровня прокрастинации в разрезе фактора возрастной периодизации не выявлено.

В ходе изучения связи личностных особенностей и прокрастинации у следователей получены следующие результаты.

Таблица 1

Корреляции макиавеллизма и психопатии с прокрастинацией у женщин-следователей

Параметр	Значение	Результат по шкале PSI
Макиавеллизм	Коэффициент корреляции, г	,448*
	знач. (двухсторонняя)	0,017
Психопатия	Коэффициент корреляции, г	,382*
	знач. (двухсторонняя)	0,045

Таблица 2

Корреляции личностных черт и прокрастинации у следователей-мужчин

Параметр	Значение	Результат по шкале PSI
Сознательность	Коэффициент корреляции, г	-,581**
	знач. (двухсторонняя)	0,000
Невротизм	Коэффициент корреляции, г	,417*
	знач. (двухсторонняя)	0,016
Открытость опыту	Коэффициент корреляции, г	-,578**
	знач. (двухсторонняя)	0,006
Макиавеллизм	Коэффициент корреляции, г	,398*
	знач. (двухсторонняя)	0,022
Садизм	Коэффициент корреляции, г	,513**
	знач. (двухсторонняя)	0,002

При отдельной проверке результатов у мужчин-следователей и у женщин-следователей методом ранговой корреляции Спирмена установлено, что уровень прокрастинации по шкале Стила умеренно связан с выраженностью «негативных» черт – макиавеллизма и психопатии у женщин (см. табл. 1), при этом у следователей-мужчин наблюдается обратная связь (r свыше 0,5) с показателями «позитивных» черт – сознательностью и открытостью опыту (мотивация интереса к новому опыту и знаниям), а показатели невротизма, макиавеллизма и садизма положительно коррелируют с выраженностью прокрастинации (см. табл. 2).

Учитывая, что работа следователей связана с соблюдением процессуальных сроков, затрагивающих права граждан, можно предположить не лишённой обоснованности связь прокрастинации с затягиванием расследования уголовных дел в случае выраженности показателя неклинического садизма (корреляция данного параметра наиболее значима среди коррелирующих «негативных» черт).

Выраженность корреляции прокрастинации с показателем макиавеллизма (ниже среднего) может быть связано с желанием лица оказать манипулятивное воздействие на участников производства по уголовным делам.

У респондентов в возрасте до 35 лет выявлена положительная корреляция уровня прокрастинации с макиавеллизмом и садизмом, однако в группе у респондентов в возрасте свыше 35 лет связь с данными личностными чертами не обнаружена, при этом проявляется связь с выраженностью невротизма. Таким образом, обнаружена разность корреляций данных черт у следователей-мужчин, выраженность активных «негативных» черт у респондентов в возрасте от 35 до 50 лет ниже, однако наблюдается эмоциональная неустойчивость, тревожность. Данное наблюдение может быть информативно с точки зрения построения гипотез для лонгитюдного анализа воздействия профессии следователя на личностные черты.

Из проведенного анализа также следует, что у респондентов в возрасте старше 35 лет уровень обратной связи сознательности с прокрастинацией у следователей выше (почти вдвое). Сведения представлены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляции личностных черт и прокрастинации
у следователей в зависимости от возраста

Параметр	Значение	Результат по шкале PSI
<i>Возраст до 35 лет</i>		
Сознательность	Коэффициент корреляции, г	-,313*
	знач. (двухсторонняя)	0,047
Макиавеллизм	Коэффициент корреляции, г	,403**
	знач. (двухсторонняя)	0,009
Садизм	Коэффициент корреляции, г	,402**
	знач. (двухсторонняя)	0,009
<i>Возраст старше 35 лет</i>		
Сознательность	Коэффициент корреляции, г	-,615**
	знач. (двухсторонняя)	0,004
Невротизм	Коэффициент корреляции, г	,470*
	знач. (двухсторонняя)	0,036

В зависимости от стажа следственной работы выявлены обратные связи прокрастинации с «позитивными» чертами – добросовестностью и сознательностью в первый профессиональный период, связанный с адаптацией к труду, из которых лишь сознательность возникает в отрицательной корреляции с прокрастинацией у респондентов в периоде стажа работы свыше 10 лет, который можно охарактеризовать большей профессиональной определенностью.

Корреляция показателей таких личностных черт как макиавеллизм и психопатия с прокрастинацией умеренно выражена лишь у респондентов в периоде адаптации к профессии, при этом показатель связи садизма и прокрастинации у респондентов со стажем работы до 5 лет и свыше 10 лет также выражен умеренно и практически одинаков (см. табл. 4).

Таблица 4

Корреляции личностных черт следователей
и прокрастинации в зависимости от стажа работы

Параметр	Значение	Результат по шкале PSI
<i>Стаж следственной работы 1–5 лет</i>		
Доброжелательность	Коэффициент корреляции	–,383*
	знач. (двухсторонняя)	0,028
Сознательность	Коэффициент корреляции	–,410*
	знач. (двухсторонняя)	0,018
Макиавеллизм	Коэффициент корреляции	,414*
	знач. (двухсторонняя)	0,017
Психопатия	Коэффициент корреляции	,491**
	знач. (двухсторонняя)	0,004
Садизм	Коэффициент корреляции	,442*
	знач. (двухсторонняя)	0,010
<i>Стаж следственной работы свыше 10 лет</i>		
Сознательность	Коэффициент корреляции	–,662**
	знач. (двухсторонняя)	0,001
Невротизм	Коэффициент корреляции	,458*
	знач. (двухсторонняя)	0,032
Садизм	Коэффициент корреляции	,451*
	знач. (двухсторонняя)	0,035

Корреляция личностных черт с прокрастинацией в диапазоне стажа 5–10 лет у следователей не выявлена.

Корреляций личностных черт и прокрастинации в группе респондентов-врачей не выявлено.

Из изложенного следует, что у следователей наблюдается профессионально окрашенная связь (в сравнении с группой врачей) выраженности прокрастинации с личностными чертами в разрезе фактора стажа профессиональной деятельности, при этом личностные черты сознательности и садизма положительно коррелируют с выраженностью прокрастинации у следователей.

Заключение

Выраженность прокрастинации положительно связана с выраженностью макиавеллизма у респондентов-следователей обоих полов в возрасте до 27 лет, при этом аналогичной корреляции у респондентов-врачей не выявлено. Учитывая, что связь прокрастинации и макиавеллизма обнаружена в подгруппе респондентов на этапе вхождения в профессию и начала ранней взрослости.

Выраженность прокрастинации в выборке следователей положительно связана с выраженностью бытового садизма у мужчин в возрасте до 27 лет. В исследованной группе врачей корреляции параметров прокрастинации и садизма не выявлено. В качестве возможной версии качественной связи прокрастинации с данным параметром можно предложить направление изучения соблюдения процессуальных сроков как способа выраженности садизма (затягивание процессуальных сроков может повлечь нарушение прав участников процесса).

Выраженность прокрастинации в исследованной группе следователей отрицательно коррелирует с выраженностью сознательности у следователей-мужчин, при этом в группе респондентов-врачей корреляция полученных данных по параметрам прокрастинации и сознательности не установлена. Таким образом, можно сделать вывод о частичной специфичности данной связи для выборки следователей.

Показатели выраженности прокрастинации у следователей в исследованной группе значимо ниже, чем в группе представителей медицинских профессий. Стоит отметить, что следователи занимаются трудовой деятельностью в иерархично выстроенной централизованной системе, как и наличие в Следственном комитете Российской Федерации четко установленных временных норм исполнения служебных обязанностей.

Существуют различия в выраженности показателей макиавеллизма и сознательности в исследованной группе следователей: уровень сознательности в группе следователей в возрасте от 35 до 50 лет выше, чем у следователей в возрасте до 35 лет, а уровень макиавеллизма в группе следователей в возрасте 35–50 лет ниже, чем в группе следователей до 35 лет. Различий в выраженности показателей макиавеллизма и сознательности в группе респондентов-врачей в зависимости от фактора возраста не установлено.

На основании полученных результатов исследования возможно сформулировать следующие теоретические и практические предложения:

1. Провести дополнительные научно-практические исследования связи личностных особенностей и уровня прокрастинации у следователей, получить количественные и качественные данные.

2. Рассмотреть возможность включения в программу психологического исследования при приеме на работу следователей методики для выявления выраженности личностных особенностей и прокрастинации в целях составления более полной картины профессиональной пригодности кандидата с учетом полученных данных научного исследования.

3. Разработать батарею методик для психологического исследования следователей перед прохождением регулярных аттестаций, включающую в себя методики по установлению выраженности прокрастинации и личностных черт, на основании которых возможно получать дополнительные психологические характеристики о сотруднике, а также использовать данные сведения для лонгитюдных исследований.

4. Разработать программу психолого-образовательных мероприятий с целью развития черт сознательности и добросовестного отношения к профессиональной деятельности у действующих следователей, а также для снижения (приведения в нормативное состояние) выраженности макиавеллизма и бытового садизма у следователей.

Литература

- Барабанщикова 2019 – *Барабанщикова В.В.* Профессиональные деформации специалистов в динамичной организационной среде // Вестник Московского университета. Серия 14 «Психология». 2019. № 1. С. 91–107.
- Божович 2001 – *Божович Л.И.* Избранные психологические труды: проблемы формирования личности. М.: МПСИ, 2001. 349 с.
- Ветрова, Обозная 2021 – *Ветрова О.А., Обозная М.В.* Теоретические предпосылки возникновения феномена прокрастинации: сущность и классификация // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия «Экономика. Социология. Менеджмент». 2021. Т. 11. № 6. С. 212–222.
- Зимбардо, Бойд 2010 – *Зимбардо Ф., Бойд Д.* Парадокс времени. Новая психология, которая улучшит вашу жизнь. СПб.: Речь, 2010. 352 с.
- Коновалова 2020 – *Коновалова А.В.* Историческое развитие понятия «прокрастинация» и актуальность исследования откладывания // Национальное здоровье. 2020. № 3. С. 84–89.
- Королева, Клейменова 2017 – *Королева А.С., Клейменова А.Ю.* Феномен прокрастинации в отечественной и зарубежной литературе // Вестник магистратуры. 2017. № 10 (73). С. 50–53.

- Маслоу 2019 – *Маслоу А.* Мотивация и личность. 3-е изд. СПб.: Питер, 2019. 400 с.
- Орестова 2010 – *Орестова В.Р.* Акмеологическая концепция идентификации государственных служащих: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 70 с.
- Петрушихина 2024 – *Петрушихина Е.Б.* Концепция харизматического лидерства: современное состояние и перспективы развития // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 10–25.
- Роджерс 2001 – *Роджерс К.Р.* Становление личности. Взгляд на психотерапию. М.: ЭКСМО-пресс, 2001. 345 с.
- Федотова, Белоглазов 2022 – *Федотова С.В., Белоглазов И.Д.* Косвенная самопрезентация людей с высоким уровнем макиавеллизма в ситуации успеха и неудачи // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. № 2. С. 85–93.
- Шафеев 2022 – *Шафеев Д.И.* Стратегии совладания с прокрастинацией у студенческой молодежи // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2022. № 2. С. 34–40.
- Юнг 2024 – *Юнг К.Г.* Феномен самости. М.: АСТ, 2024. 224 с.
- Elliot, Thrash 2002 – *Elliot A.J., Thrash T.M.* Approach-avoidance motivation in personality: Approach and avoidance temperaments and goals // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002. № 82 (5). P. 804–818.
- Ferrari 1993 – *Ferrari J.R.* Christmas and procrastination: Explaining lack of diligence at a “real-world” task deadline // *Personality and Individual Differences*. 1993. Vol. 14. P. 25–33.
- Ferrari et al. 1995 – *Ferrari J.R., Johnson J.L., McCown W.G.* Procrastination and task avoidance: Theory, research, and treatment. N.Y.: Plenum Press, 1995. 268 p.
- Kaplan 1998 – *Kaplan J.C.* Molecular basis of procrastination: Cloning of a gene for help in decision making // *Medicine Sciences*. 1998. № 14. P. 525–528.
- Steel 2007 – *Steel P.* The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure // *Psychological Bulletin*. 2007. Vol. 133. № 1. P. 65–94.
- Story et al. 2014 – *Story G., Vlaev I., Semour B., Darzi A., Dolan R.* Does temporal discounting explain unhealthy behavior? A systematic review and reinforcement learning perspective // *Frontiers in Behavioral Neuroscience*. 2014. Vol. 8. P. 67–78.

References

- Barabanshchikova, V.V. (2019), “Employees’ professional deformations in dynamic organizational environment”, *Moscow University Psychology Bulletin*, no. 1, pp. 91–107.
- Bozhovich, L.I. (2001), *Izbrannyye psikhologicheskie trudy: problemy formirovaniya lichnosti* [Selected psychological works. Issues of personality formation], MPSI, Moscow, Russia.

- Elliot, A.J. and Thrash, T.M. (2002), "Approach-avoidance motivation in personality: Approach and avoidance temperaments and goals", *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 82 (5), pp. 804–818.
- Ferrari, J.R. (1993), "Christmas and procrastination: Explaining lack of diligence at a 'real-world' task deadline", *Personality and Individual Differences*, vol. 14, pp. 25–33.
- Ferrari, J.R., Johnson, J.L. and McCown, W.G. (1995), *Procrastination and task avoidance: Theory, research, and treatment*, Plenum Press, New York, USA.
- Fedotova, S.V. and Beloglazov, I.D. (2022), "Indirect self-presentation of people with a high level of Machiavellianism in a situation of success and failure", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 85–93.
- Jung, K.G. (2024), *Fenomen samosti* [The Phenomenon of the Selfhood], AST, Moscow, Russia.
- Kaplan, J.C. (1998), "Molecular basis of procrastination: Cloning of a gene for help in decision making", *Medicine Sciences*, vol. 14, pp. 525–528.
- Konovalova, A.V. (2020), "Historical development of the concept of 'procrastination' and the relevance of delaying research", *National Health*, no. 3, pp. 84–89.
- Koroleva, A.S. and Kleymenova, A.Yu. (2017), "The phenomenon of procrastination in Russian and foreign literature", *Vestnik Magistratury*, no. 10 (73), pp. 50–53.
- Maslow, A. (2019), *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and personality], 3rd ed., Piter, St. Petersburg, Russia.
- Orestova, V.R. (2010), *Acmeological concept of Identifying public servants*, Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.
- Petrushikhina, E.B. (2024), "Charismatic leadership. Current state and future research agenda", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 10–25.
- Rogers, K.R. (2001), *Stanovlenie lichnosti. Vzglyad na psikhoterapiyu* [Formation of personality. A look at psychotherapy], Eksmo-press, Moscow, Russia.
- Shafeev, D.I. (2022), "The problem of procrastination in student youth", *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, no. 2, pp. 34–40.
- Steel, P. (2007), "The Nature of Procrastination: A Meta-Analytic and Theoretical Review of Quintessential Self-Regulatory Failure", *Psychological Bulletin*, vol. 133, no. 1, pp. 65–94.
- Story, G., Vlaev, I., Semour, B., Darzi, A. and Dolan, R. (2014), "Does temporal discounting explain unhealthy behavior? A systematic review and reinforcement learning perspective", *Frontiers in Behaviors Neurosciences*, vol. 8, pp. 67–78.
- Vetrova, O.A. and Oboznaya, M.V. (2021), "Theoretical prerequisites for the emergence of the phenomenon of procrastination: the essence and classification", *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*, vol. 11, no. 6, pp. 212–222.
- Zimbardo, F. and Boyd, D. (2010), *Paradoks vremeni. Novaya psikhologiya, kotoraya uluchshit vashu zhizn'* [The time paradox. New psychology that will improve your life], Rech', St. Petersburg, Russia.

Информация об авторах

Оксана В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Oksana-danshina@rambler.ru

Владимир В. Ромицын, магистр, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; romizin@mail.ru

Information about the authors

Oksana V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Oksana-danshina@rambler.ru

Vladimir V. Romitsyn, Master's degree (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; romizin@mail.ru

Работы молодых ученых

УДК 159.942:004.94

DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-141-160

Влияние видеоигр на развитие эмоциональной сферы в подростковом и юношеском возрасте: обзор зарубежных исследований

Никита Я. Агеев

*Московский государственный психолого-педагогический университет
Москва, Россия, nikitoageev@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена обзору современных зарубежных исследований, изучающих влияние видеоигр на развитие эмоциональной сферы в подростковом и юношеском возрасте. В ней рассматривается влияние видеоигр на эмоциональную саморегуляцию, способность воспринимать свои и чужие эмоции, а также на эмпатию. Особое внимание уделено результатам эмпирических исследований, указывающих как на положительные, так и на негативные последствия видеоигр. Проведенный обзор современных исследований показывает, что влияние видеоигр носит многогранный характер и определяется рядом факторов, таких как индивидуальные особенности игроков, особенности семейной обстановки, социальные условия и продолжительность времени, проведенного за игрой. Умеренное использование видеоигр не оказывает значимого воздействия на эмоциональную саморегуляцию, хотя существует связь между нарушениями саморегуляции и видеоигровой зависимостью. Многие исследования указывают на потенциал видеоигр для развития эмоциональной саморегуляции и эмпатии, но результаты различаются в зависимости от типа игр и исследовательского подхода. В статье подчеркивается необходимость дальнейших исследований в этой области. В частности, необходимо исследовать, как различные личностные и внешние факторы, такие как семейные отношения, уровень социальной адаптации и индивидуальные особенности личности, могут взаимодействовать с игровыми практиками и влиять на эмоциональное состояние.

Ключевые слова: киберпсихология, видеоигры, агрессивный контент, эмоциональная саморегуляция, эмпатия, восприятие эмоций

Для цитирования: Агеев Н.Я. Влияние видеоигр на развитие эмоциональной сферы в подростковом и юношеском возрасте: обзор зарубежных исследований // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2025. № 4. С. 141–160. DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-141-160

© Агеев Н.Я., 2025

The impact of video games on the development of emotional sphere in adolescence and young adult. Review of foreign studies

Nikita Ya. Ageev

*Moscow State University of Psychology and Education
Moscow, Russia, nikitoageev@gmail.com*

Abstract. The article presents a review of current foreign research examining the impact of video games on the development of the emotional sphere in adolescence and youth. It considers how video games influence emotional self-regulation, the ability to perceive one's own and others' emotions, and empathy. Special attention is paid to empirical studies that highlight both the positive and negative consequences of video game use. The review shows that the influence of video games is multifaceted and determined by various factors, such as individual player characteristics, family environment, social context, and the amount of time spent gaming. Moderate use of video games does not significantly affect emotional self-regulation, although a connection exists between self-regulation difficulties and video game addiction. Many studies point to the potential of video games to support the development of emotional self-regulation and empathy, though findings vary depending on game type and research approach. The article emphasizes the need for further research in that field. Particularly, it is necessary to investigate how different personal and external factors such as family relationships, level of social adaptation, and individual personality traits interact with gaming practices and influence emotional well-being.

Keywords: cyberpsychology, video games, aggressive content, emotional self-regulation, empathy, perception of emotions

For citation: Ageev, N.Ya. (2025), "The impact of video games on the development of emotional sphere in adolescence and young adult. Review of foreign studies", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 4, pp. 141–160, DOI: 10.28995/2073-6398-2025-4-141-160

Введение

Видеоигры становятся все более популярным видом досуга у детей, подростков и взрослых. Только за последние 9 лет количество геймеров по всему миру увеличилось на 1,32 млрд и теперь составляет 3,32 млрд¹. Последние годы видеоигры все чаще при-

¹ Newzoo's Global Games Market Report 2023. May 2024 Update. URL: <https://newzoo.com/games-market-reports-and-forecasts> (дата обращения 29 апреля 2025).

влекают внимание исследователей: их интересует влияние, которое оказывают видеоигры на когнитивное и эмоциональное развитие. В плане оценки влияния видеоигр на показатели когнитивного развития исследователи отмечают, что, с одной стороны, видеоигры способствуют развитию зрительно-пространственного мышления, памяти, сенсомоторной координации, а, с другой стороны, видеоигры могут становиться причиной развития клипового мышления и трудностей с произвольной концентрацией внимания [Агеев и др. 2023].

Другое, возможно более актуальное, направление исследований заключается в оценке влияния видеоигр, в том числе содержащих агрессивный контент, на эмоциональное развитие подрастающего поколения. Исследователи пытаются понять, может ли видеоигровое насилие стать причиной агрессии в реальной жизни. Часть исследователей считает, что наблюдаемое видеоигровое насилие напрямую приводит к агрессивным действиям в реальной жизни [Anderson 2004], другие же исследователи подчеркивают, что видеоигровое насилие может стать причиной агрессии в реальной жизни, но вклад социальных факторов значительно выше [Devilley et al. 2023; Garsia et al. 2022]. Также стоит отметить, что, несмотря на появление лонгитюдных исследований [Garsia et al. 2022; Krause et al. 2020; Lacko et al. 2024], резолюция Американской психологической ассоциации², утверждающая, что агрессивные видеоигры увеличивают вероятность агрессивных действий, все еще не пересмотрена.

Важно подчеркнуть, что возникновение положительных и отрицательных эмоций, в том числе агрессии – это лишь одна из характеристик эмоциональной сферы. При этом вопросы о влиянии видеоигр на эмпатию, способность определять свои и чужие эмоции, а также на эмоциональную саморегуляцию остаются недостаточно изученными. Таким образом, главной целью нашей работы является анализ современных зарубежных исследований, посвященных влиянию видеоигр на развитие эмоциональной сферы в подростковом и юношеском возрасте. Данная статья продолжает обзор исследований связи видеоигр с эмоциональным развитием подростков и юношей [Агеев, Дубовик 2024], поэтому акцентируется на других характеристиках эмоциональной сферы и не рассматривает влияние видеоигр на агрессию.

² APA reaffirms position on violent video games and violent behavior // American Psychological Association. Washington, 2020. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/2020/03/violent-video-games-behavior> (дата обращения 29 апреля 2025).

В данной работе рассмотрено 23 научные публикации, вышедшие в период с 2015 по 2025 г. Поиск проводился в ведущих научных базах данных: Scopus, PsycINFO, Web of Science и Google Scholar. В обзор были включены как эмпирические исследования, так и теоретические обзоры и метаанализы, посвященные тематике влияния видеоигр на эмоциональное развитие. В обзор включили статьи по следующим критериям: наличие данных о влиянии видеоигр на эмоциональную регуляцию, эмпатию и восприятие эмоций; в исследовании принимали участие подростки и юноши (в возрасте от 12 до 25 лет); исследование имеет репрезентативную выборку; исследование опубликовано в рецензируемых журналах; текст исследования написан на английском языке.

Связь видеоигр и эмоциональной саморегуляции

Некоторые исследования указывают на наличие связи между эмоциональной саморегуляцией, психическим здоровьем, субъективным благополучием и качеством межличностных отношений. Например, в работе Балзаротти [Balzarotti et al. 2016] выявили, что определенные стратегии когнитивной регуляции эмоций положительно коррелируют с субъективным благополучием. При этом сами авторы подчеркивают, что их исследование не позволяет делать выводы о причинно-следственных связях между рассматриваемыми переменными. В то же время исследований, посвященных взаимосвязи между эмоциональной саморегуляцией и использованием видеоигр, пока недостаточно, а имеющиеся данные остаются противоречивыми.

Стоит отметить, что по мнению Д. Виланни и коллег [Villani et al. 2018], видеоигры в контексте эмоциональной саморегуляции представляют особый интерес в связи с тремя аспектами: во-первых, возникновение негативных эмоций в контролируемых условиях позволяет создать эффект тренировки эмоциональной саморегуляции; во-вторых, видеоигры через свои особенности повествования и возможность самоидентификации с игровым персонажем позволяют знакомиться с различным эмоциональным опытом и способами совладания с ним; в-третьих, наличие системы вознаграждения в видеоиграх позволяет более эффективно учиться определенным моделям эмоциональной саморегуляции. Также авторы в своем исследовании приходят к выводу, что видеоигры могут быть признаны средством для развития эмоциональной саморегуляции, исключая случаи чрезмерной увлеченности ими и видеоигровой зависимости. Исследовательская группа Миланского универси-

тета провела систематический обзор применения видеоигр для когнитивной и эмоциональной тренировки взрослого населения [Pallavicini et al. 2018]. В нем они также подтверждают, что не только серьезные (специально разработанные видеоигры для развития навыков), но и коммерческие видеоигры способствуют развитию навыков эмоциональной саморегуляции у взрослых. Далее опишем эффект, который могут оказать видеоигры на показатели эмоциональной саморегуляции.

Несмотря на то, что сейчас существуют программы развития эмоциональной саморегуляции, основанные на научно-доказательном подходе, наблюдаются сложности с реализацией данных программ [Farrell 2022]. Среди одних из причин этого называют трудности с получением психологической помощи, стигматизацию психических расстройств, высокие экономические затраты на получение помощи [Piao et al. 2022]. В связи с этим серьезные видеоигры представляют особый интерес, так как могут способствовать развитию необходимых способностей к саморегуляции без обращения к специалисту.

В своем метаанализе, посвященном исследованию серьезных видеоигр в качестве поддержки стратегий эмоциональной саморегуляции, М.И. Гомес-Леон [Gomez 2025] приходит к выводу, что используемые в видеоиграх виртуальные среды, имитирующие реальные жизненные ситуации, создают иммерсивный опыт, который позволяет в безопасных условиях практиковать стратегии эмоциональной саморегуляции. Однако отмечаются и трудности, с которыми сталкиваются разработчики серьезных видеоигр: с одной стороны, видеоигра является предпочтительным видом досуга, что затрудняет создание фрустрирующих ситуаций, в которых дети и подростки могли бы практиковать навыки саморегуляции, так как видеоигра сама по себе вызывает положительные эмоции, а, с другой стороны, все большая необходимость адаптации подобных видеоигр для смартфонов для полноценной их интеграции в повседневную жизнь, что приводит к существенным техническим сложностям.

В исследовании П. Дучарма показано [Ducharme et al. 2021], что видеоигры могут быть использованы в терапии гнева. В исследовании сравнивается два способа терапии гнева: в одном использовалась тренировка контроля гнева, дополненная специально разработанной игрой Rage-control, а во втором тренировка контроля гнева с фиктивной видеоигрой. Выборку составили 40 подростков в возрасте 10–17 лет с клинически значимым нарушением контроля гнева. Оба способа терапии снизили субъективную оценку гнева у пациентов, однако терапия, дополненная Rage-control, способ-

ствовала снижению уровня агрессии, оппозиционного поведения и общей тяжести нарушения контроля гнева, чем фиктивная видеоигра.

В исследовании С. Гаэтан [Gaetan et al. 2016] сравнивались играющие и не играющие подростки по параметрам эмоциональной саморегуляции, интенсивности и выражения эмоций. Было установлено, что регулярные геймеры чаще регулировали свои эмоции и испытывали их с большей интенсивностью, но выражали их реже, чем нерегулярные игроки. Это позволило авторам предположить, что видеоигры могут опосредовать эмоциональные переживания подростков и способствовать их осмыслению. В то же время данные другого исследования [Bonnaire, Conan 2024], полученные на более широкой выборке французской молодежи, показали, что игроки в агрессивные видеоигры хуже контролируют эмоции и сильнее стремятся к острым ощущениям. Противоречивые результаты объясняются сложностью изучения данной темы, поскольку влияние видеоигр опосредуется множеством факторов: содержание видеоигры, регулярность использования видеоигр, индивидуальные и средовые особенности игроков.

О значимом влиянии средовых факторов на тот эффект, который оказывают видеоигры, пишет Е. Коммодари [Commodari et al. 2024]. В своей статье она исследует влияние родительского посредничества, в том числе на эмоциональную саморегуляцию в контексте использования подростками онлайн-видеоигр для отвлечения от реальности. В соответствии с одной из гипотез было обнаружено, что поддерживающее автономию родительское посредничество снижает склонность подростков использовать стратегию избегания в качестве способа эмоциональной саморегуляции. Также было обнаружено, что высокая степень родительского контроля значительно связана с использованием видеоигр для избегания негативных эмоций и проблем в реальной жизни. Данные результаты также подтверждают факт опосредованного влияния видеоигр на эмоциональную саморегуляцию.

Отдельным направлением исследований являются особенности эмоциональной саморегуляции при видеоигровой зависимости. Отмечается, что зависимое поведение опосредовано стратегиями эмоциональной саморегуляции, построенными на избегании негативных эмоций, а также в целом с трудностями эмоциональной саморегуляции [Ucur, Donmez 2021]. Это особенно важно учитывать в контексте видеоигр, так как их проблемное использование часто связывается именно с проблемами эмоциональной саморегуляции. В своем недавнем метаанализе Ф. Эступинья с коллегами приходят к схожим результатам [Estupina et al. 2024]. Они отме-

чают, что люди с видеоигровой зависимостью хуже понимают свои эмоции и не уверены, что могут контролировать свои агрессивные состояния, а улучшение навыков эмоциональной саморегуляции приводит к снижению тяжести видеоигровой зависимости.

Исследования, посвященные связи эмоциональной саморегуляции и видеоигр, немногочисленны и противоречивы. Однако на основании анализа научной литературы можно сделать несколько выводов. Во-первых, умеренное использование видеоигр не приводит к нарушениям в эмоциональной саморегуляции. Во-вторых, существует теоретическая предпосылка, что нарушения эмоциональной саморегуляции могут выступать предикторами видеоигровой зависимости, однако этот вопрос требует дальнейшего эмпирического исследования. В-третьих, отмечается недостаток исследований, посвященных не только влиянию видеоигр на эмоциональную саморегуляцию, но и их потенциалу в ее развитии.

Связь эмпатии, восприятия эмоций и видеоигр

Как уже упоминалось, важнейший контекст использования видеоигр связан с их влиянием на агрессивное поведение. В исследовании [Euler et al. 2017] показано, что развитая эмпатия имеет значимую отрицательную связь с различными компонентами агрессии и выступает буферным фактором агрессивного поведения. В связи с противоречивостью данных относительно влияния видеоигр на агрессивное поведения для большего количества исследователей становится актуальной тема исследования эмпатии. Таким образом, исследователи действуют в логике, что, если мы не можем доказать, что видеоигры однозначно повышают агрессию, то появляется необходимость исследовать влияние видеоигр на факторы, предотвращающие агрессивное поведение, в том числе эмпатию. Сначала будет рассмотрено отдельно влияние видеоигр на способность воспринимать эмоции, а затем описано влияние видеоигр на эмпатию в целом.

Исследования, изучающие влияние видеоигр на способность воспринимать эмоции, немногочисленны и они преимущественно исследуют влияние видеоигр с агрессивным контентом. Существуют две альтернативные позиции касательно влияния видеоигр с агрессивным контентом на способность воспринимать эмоции. Первая позиция предполагает, что опыт игры препятствует развитию эмоциональных навыков, в том числе восприятию чужих эмоций. Данная позиция строится на том, что регулярный гейминг связан с низкой самооценкой, стрессом и дезадап-

тивными стратегиями совладания с ним, тревожностью, низким психологическим благополучием и отсутствием реальных друзей, что в свою очередь приводит к сокращению времени реального взаимодействия и приводит к снижению вероятности эмоциональных навыков, в том числе связанных с восприятием эмоций [Yan et al. 2021]. При этом стоит отметить, что часть исследований проведена на выборке, имеющей видеоигровую зависимость, что не позволяет оценить: недостаточность эмоциональных навыков связана именно с влиянием видеоигр или в целом является следствием зависимости.

Другая же позиция предполагает, что видеоигры могут способствовать развитию эмоциональных навыков, в том числе навыков восприятия чужих эмоций. Данная позиция строится на том, что видеоигры могут вызвать у пользователя положительные эмоции и улучшить настроение [Granic et al. 2014], а также улучшить навыки эмоциональной саморегуляции, о чем писалось выше. Отдельное внимание в этой позиции уделяется командным видеоиграм, так как они создают специальную видеоигровую среду, которая может способствовать общению, взаимодействию и безопасному экспериментированию со своими эмоциональными навыками [Greitemeyer, Cox 2013], что в свою очередь значительно увеличивает время социального взаимодействия и человек больше практикует свои эмоциональные навыки.

Влиянию видеоигр с агрессивным контентом на способность распознавать эмоции посвящено исследование Э. Медзобродзкой [Miedzobrodzka et al. 2021]. В нем она с коллегами акцентирует внимание на способности воспринимать именно негативные эмоции. Данное исследование было проведено на подростках ($N = 67$) и на взрослых ($N = 151$). В обоих исследованиях было показано, что опыт игры в агрессивные видеоигры отрицательно связан с точностью восприятия негативных эмоций. Однако причинно-следственная связь в исследовании не была обнаружена. Таким образом, исследование не дает четкого понимания, являются ли видеоигры причиной низкой точности восприятия эмоций или наоборот. При этом стоит отметить, что в исследовании, проведенном годом ранее С. Пишон [Pichon et al. 2021], подобной связи обнаружено не было. С. Пишон приходит к выводу, что никаких значимых различий в восприятии эмоций между регулярными игроками в видеоигры и теми, кто в них не играет, не обнаружено.

Однако в данных исследованиях рассматривалась способность к восприятию негативных эмоций. Р.Л. Диас с коллегами [Diaz et al. 2016] рассматривал влияние видеоигр с агрессивным контентом на точность и скорость распознавания конкретных эмоциональных

выражений. В исследовании показано, что регулярные геймеры в агрессивные видеоигры менее точно распознавали лица с отвращением. При этом они лучше и быстрее распознавали лица с эмоцией страха. Интересно, что значимых различий между регулярными игроками и не-геймерами в восприятии злых, грустных и счастливых лиц обнаружено не было.

Влияние агрессивных видеоигр на восприятие эмоций рассматривается в статье Я. Юэнин [Yan et al. 2021]. В исследовании изучалась связь между опытом игры в стратегию в реальном времени и эффективностью эмоционального восприятия после одночасового сеанса игры. Было обнаружено, что один час игры негативно влияет на восприятие эмоций, увеличивая его сложность. Однако сами авторы подвергают сомнению предположение о том, что этот эффект может иметь долговременный характер. Они считают, что большее влияние оказывают индивидуальные психологические различия, чем опыт игры.

Таким образом, на данный момент влияние видеоигр на восприятие эмоций еще недостаточно изучено, а те исследования, которые опубликованы, носят крайне противоречивый характер. Важно отметить, что данный противоречивый характер может быть связан с исследовательскими дизайнами: часть исследований акцентирует свое внимание на агрессивных видеоиграх; часть на конкретных жанрах видеоигр; в части исследований выводы, полученные на клинической группе, экстраполируются на нормотипическую. Разумеется, это указывает на существенную сложность в оценке конкретного влияния видеоигр, так как их вклад опосредован множеством психологических и социальных факторов, из-за чего утверждать, что полученный результат является именно следствием видеоигры, а не других факторов, не представляется возможным. Немногочисленность же подобных исследований может быть объяснена тем, что некоторые исследователи рассматривают восприятие эмоций как структурную часть эмпатии. Далее рассмотрим влияние видеоигр на развитие эмпатии.

Ряд современных исследований опровергает предположение о негативном влиянии видеоигр на эмпатию. Так, в лонгитюдных работах с подростками [Lacko et al. 2024; Garsia et al. 2022] не выявлено значимого влияния агрессивного игрового контента на когнитивную и аффективную эмпатию. Более того, в исследовании Д. Лацко установлена положительная связь между высокой аффективной эмпатией и интересом к агрессивным видеоиграм, которую авторы объясняют погружением в персонажа и интересом к сюжетной составляющей. С. Гарсия делает вывод, что содержание видеоигр не оказывает существенного влияния на эмоциональное

развитие. Эти выводы подтверждаются и в эксперименте с нейровизуализацией [Lengersdorff et al. 2023], где двухнедельный опыт игры в агрессивные видеоигры не повлиял на поведение и нейронные реакции, связанные с эмпатией.

Однако, несмотря на мнение, что видеоигры не могут оказать существенного влияния на эмоциональное развитие, в констатирующих исследованиях наблюдаются определенные результаты. Так, например, в исследовании А. Шошани [Shoshani et al. 2020] изучалась связь просоциальных (видеоигры без агрессивного контента) и агрессивных видеоигр с социальным функционированием и субъективным благополучием детей и подростков через призму теории эмпатии и привязанности. В исследовании описывается несколько важных выводов: во-первых, агрессивное поведение в видеоиграх имело связь с низким уровнем социальной удовлетворенности, однако причинно-следственная связь не была установлена; во-вторых, общий опыт социальных видеоигр открывает игрокам возможность взаимодействовать с другими пользователями, подобно реальным социальным отношениям. Видеоигры могут предоставлять возможности для практики эмпатии, сострадания, солидарности и других форм заботы и поддержки других. В другом исследовании, также посвященном просоциальным видеоиграм [Li et al. 2023], приходят к схожим выводам, но уточняют, что аффективная эмпатия опосредует положительное влияние просоциальных видеоигр на поведение, связанное с обменом информацией. Это свидетельствует о том, что программы, направленные на развитие эмпатии, особенно тех ее форм, которые затрагивают эмоциональную составляющую, могут быть эффективным инструментом для стимулирования поведения обмена у детей. Посреднический эффект был наиболее выражен среди девочек и детей старшего возраста. Следовательно, девочки и старшие дети могут быть основными целевыми группами для программ, обучающих поведению обмена с акцентом на эмпатию в контексте просоциальных видеоигр. В то же время стимулирование совместного обмена среди младших детей и мальчиков остается важной задачей и требует дальнейшего исследования.

Важно отметить, что не только исследователи просоциальных видеоигр приходят к подобным результатам. Некоторые исследования указывают на то, что видеоигры способствуют развитию эмпатии к определенным социальным группам. Данные результаты представляют особый интерес, так как получены на материале видеоигр разных жанров.

Например, в исследовании [Casillas 2023] продемонстрирован потенциал использования видеоигр для повышения эмпатии,

сочувствия и осведомленности к миграции. Для этого была разработана специальная видеоигра “Vida Migrante” о венесуэльских мигрантах. В данном исследовании показано, что испытуемые после прохождения видеоигры демонстрируют более высокий уровень эмпатии к проблеме миграции, даже если их изначальный уровень эмпатии был достаточно высок. В еще одном исследовании [Sweeney, van Berlo 2025] изучалась связь между принятием перспективы и эмпатией в контексте восприятия гендерного насилия в контексте видеоигры. В данном исследовании использовалась видеоигра “Detroit: Become Human” (жанр – интерактивное кино. В видеоигре содержится агрессивный контент). Исследователи приходят к выводу, что принятие точки зрения жертвы гендерного насилия в видеоигре усиливает идентификацию игрока с персонажем, что в свою очередь повышает когнитивную эмпатию. Третье исследование [Tuker, Catak 2021] показывает эффективность видеоигры “This War of Mine” (жанр – стратегия. В видеоигре содержится агрессивный контент) для развития эмпатии к людям с ограниченными возможностями здоровья. В четвертом исследовании [Gerhardsen 2022] проводится анализ видеоигры “Frostpunk” (жанр – стратегия. В видеоигре отсутствует агрессивный контент). Автор также приходит к выводу о том, что видеоигра имеет потенциал для развития эмпатии.

В связи с вышеизложенным очевидно, что исследования влияния видеоигр на развитие эмпатии также показывают достаточно противоречивые результаты. В крупных лонгитюдных исследованиях показано, что видеоигры не оказывают никакого значимого влияния на развитие эмпатии, но в краткосрочных исследованиях наблюдается положительное влияние видеоигр на развитие эмпатии. Данный факт может быть объяснен различным пониманием эмпатии у исследователей: с одной стороны, исследователи понимают эмпатию как совокупность эмоциональных навыков, а с другой стороны, как осведомленность и сочувствие к другим людям.

Однако противоречивость результатов связана не только с разным пониманием эмпатии, но и с разным пониманием содержания видеоигр. Как видно из статей, рассмотренных в данном анализе, исследователи используют преимущественно три подхода: изучение влияния конкретной видеоигры, определенных характеристик группы видеоигр (например, наличие или отсутствие агрессивного контента) и жанровой принадлежности видеоигр. Каждый из этих подходов имеет свои методологические ограничения: данные о влиянии отдельной игры нельзя автоматически переносить на схожие игры; оценка наличия или отсутствия конкретных характеристик требует скрупулезного экспертного анализа; нако-

нец, жанровая классификация постепенно утрачивает свою однозначность из-за размывания границ между жанрами. Как отмечают В.В. Козин и М.Е. Осипов:

...отсутствие системы описания компьютерных игр, опирающейся на анализ объективной структуры игровой ситуации либо на анализ характера переживаний игроком игрового процесса, значительно усложняет интерпретацию связей между характеристиками игры (жанром) и особенностями личности игрока.

Это подтверждает, что отсутствие единой методологии анализа видеоигр затрудняет сопоставление результатов разных исследований [Козин, Осипов 2024].

А. Джерретт в своей работе [Jerrett et al. 2020] также приходит к выводу, что выявление видеоигр, способных повысить эмпатию, представляется крайне сложной и запутанной задачей. Цель его исследования – определить спектр эмпатии от жалости до сострадания, который можно использовать для классификации видеоигр. Исследователь анализирует видеоигры, где эмпатия является важным повествовательным компонентом, инструментом для усиления идентификации игрока с персонажем. В данной статье нам представляется интересным описать исследовательский дизайн автора. Приведем его далее.

1. *Отбор игр*: автор выбрал одиночные игры с сюжетным фокусом из существующих библиотек игр. Каждая игра должна была охватывать узкий диапазон эмоций, чтобы помочь в классификации на спектре эмпатии.

2. *Классификация игр*: каждая игра была субъективно классифицирована как «влияющая» или «не влияющая» на эмоции. Эта классификация основывалась на фиксируемых эмоциональных переживаниях в исследовательском дневнике во время игры. Для этого использовался этнографический подход с адаптацией к игровым процессам.

3. *Критерии отбора*: игры, влияющие на эмоции, дополнительно отбирались по агрегированным оценкам на сайте Metacritic (не менее 75 баллов) и наличию упоминаний в академических работах. Игры, не подходившие под эти критерии, исключались.

4. *Исключение игр*: игры, такие как “Papers, Please” и “This War of Mine”, были исключены из дальнейшего анализа, так как их игровые механики не стимулировали эмпатичное поведение.

5. *Выбор финалистов*: Оставшиеся игры, такие как “The Beginner’s Guide”, “Firewatch”, “The Walking Dead: Season One” и “That Dragon, Cancer”, были выбраны для дальнейшего анализа.

6. *Сбор данных*: Данные собирались с использованием гибридного подхода, включая исследовательский дневник и игровой журнал. Для каждой игры был составлен список ключевых игровых событий и эмоциональных реакций.

7. *Анализ и интерпретация*: Все игры анализировались только одним автором, чтобы избежать противоречий в интерпретации данных. Игры были проанализированы как кейс-исследования с нарративной рамкой, показывая, как различные игры могут воздействовать на эмоции и использовать спектр эмпатии для создания специфических пользовательских опытов.

Сами авторы указывают на ограничения подобного дизайна исследования: результаты не подлежат обобщению, так как методы сбора данных и интерпретации имеют субъективный характер. Однако, данное исследование представляется интересным, так как предлагает аналитический инструмент, который позволяет оценивать видеоигры и определять то, какие эффекты от нее предсказывают сами исследователи, что делает процесс выбора видеоигры для исследований более последовательным, а полученные результаты более предсказуемыми. По нашему мнению, грамотно организованный процесс подбора видеоигр для исследований может значимо снизить противоречивость получаемых результатов, так как позволяет понимать, на какой конкретно элемент спектра эмпатии оказывает влияние видеоигра.

Заключение

Исследование влияния видеоигр на развитие эмоциональной сферы в подростковом и юношеском возрасте продолжает оставаться актуальной темой, вызывающей крайне противоречивые мнения не только в обществе, но и в научной среде. Проведенный обзор современных исследований показывает, что влияние видеоигр носит многогранный характер и определяется рядом факторов, таких как индивидуальные особенности игроков, особенности семейной обстановки, социальные условия и продолжительность времени, проведенного за игрой. Умеренное использование видеоигр не оказывает значимого воздействия на эмоциональную саморегуляцию, хотя существует связь между нарушениями саморегуляции и видеоигровой зависимостью. Многие исследования указывают на потенциал видеоигр для развития эмоциональной саморегуляции и эмпатии, но результаты различаются в зависимости от типа игр и исследовательского подхода. Разнообразие выводов может быть связано с различиями в определении эмпатии и сложности иссле-

дования влияния видеоигр, которое опосредовано множеством социальных и психологических факторов.

В заключение хотелось бы отметить, что несмотря на уже проведенные исследования влияние видеоигр на эмоциональное развитие подростков и молодежи требует дальнейшего углубленного анализа. В частности, необходимо исследовать, как различные личностные и внешние факторы, такие как семейные отношения, уровень социальной адаптации и индивидуальные особенности личности, могут взаимодействовать с игровыми практиками и влиять на эмоциональное состояние. Одним из актуальных направлений будущих научных работ может стать создание междисциплинарных подходов, сочетающих психологические, социальные и педагогические методы для разработки программ, способствующих гармоничному взаимодействию подростков с видеоиграми. Это может помочь не только уменьшить риски, связанные с возможным негативным воздействием, но и выявить способы использования видеоигр в качестве ресурса для позитивного эмоционального роста.

Литература

- Агеев, Дубовик 2024 – *Агеев Н.Я., Дубовик И.А.* Влияние видеоигр с агрессивным контентом на эмоциональное состояние и поведение игроков: обзор современных исследований // Современная зарубежная психология. 2024. Т. 13. № 4. С. 108–119.
- Агеев и др. 2023 – *Агеев Н.Я., Токарчук Ю.А., Токарчук А.М., Гаврилова Е.В.* Связь цифровых технологий с развитием когнитивных и коммуникативных процессов подростков и юношей: обзор эмпирических исследований // Психолого-педагогические исследования. 2023. Т. 15. № 1. С. 37–55.
- Козин, Осипов 2024 – *Козин В.В., Осипов М.Е.* Агрессивность и конфликтность как личностные черты геймеров // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2024. № 2. С. 102–116.
- Anderson 2004 – *Anderson C.A.* An update on the effects of playing violent video games // Journal of Adolescence. 2004. Vol. 27. P. 113–122.
- Balzarotti et al. 2016 – *Balzarotti S., Biassoni F., Villani D., Prunas A., Velotti P.* Individual differences in cognitive emotion regulation: implications for subjective and psychological well-being // Journal of Happiness Studies. 2016. Vol. 17. P. 125–143.
- Bonnaire, Conan 2024 – *Bonnaire C., Conan V.* Preference for violent video games: The role of emotion regulation, alexithymia, affect intensity, and sensation seeking in a population of French video gamers // Psychology of Popular Media. 2024. Vol. 13. № 1. P. 79–91.
- Casillas 2023 – *Casillas E.* Video Games for Empathy and Understanding Towards Human Migration // Computer Science and Engineering, Massachusetts Institute

- of Technology. 2023. URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/156814> (дата обращения 15 апреля 2025).
- Commodari et al. 2024 – *Commodari E., Consiglio A., Cannat M., La Rosa V.L.* Influence of parental mediation and social skills on adolescents' use of online video games for escapism: A cross-sectional study // *Journal of Research on Adolescence*. 2024. Vol. 34. № 4. P. 1668–1678.
- Diaz et al. 2016 – *Diaz R.L., Wong U., Hodgins D.C., Chiu C.G., Goghari V.M.* Violent video game players and non-players differ on facial emotion recognition // *Aggressive behavior*. 2016. Vol. 42. № 1. P. 16–28.
- Devilly et al. 2023 – *Devilly G.J., Drummond A., Sauer J.D., Copenhagen A., Kneer J., Ferguson C.J.* Directional is the new null? A comment on Bushman and Anderson // *Psychology of Popular Media*. 2023. Vol. 12. № 3. P. 364–372.
- Ducharme et al. 2021 – *Ducharme P., Kahn J., Vaudreuil C., Gusman M., Waber D., Ross A., Rotenberg A., Rober A., Kimball K., Peechatka A.L., Gonzalez-Heydrich J.* A “Proof of Concept” Randomized Controlled Trial of a Video Game Requiring Emotional Regulation to Augment Anger Control Training // *Frontiers in psychiatry*. 2021. Vol. 12. Article 591906. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2021.591906/pdf> (дата обращения 15 апреля 2025).
- Estupina et al. 2024 – *Estupina F.J., Bernaldo-de-Quiros M., Vallejo-Achon M., Fernandez-Arias I., Labrador F.* Emotional regulation in gaming disorder: a systematic review // *American Journal of Addictions*. 2024. Vol. 33. № 6. P. 605–620.
- Euler et al. 2017 – *Euler F., Steinlin C., Stadler Ch.* Distinct profiles of reactive and proactive aggression in adolescents: associations with cognitive and affective empathy // *Child and adolescent psychiatry mental health*. 2017. Vol. 11. № 1. P. 1–7.
- Farrell 2022 – *Farrell M.L.* Transitioning adolescent mental health care services: The steps to care model // *Journal of child and adolescent psychiatric nursing: official publication of the Association of Child and Adolescent Psychiatric Nurses*. 2022. Vol. 35. № 4. P. 301–306.
- Garcia et al. 2022 – *Garcia S., Ferguson C., Wang J.* Prosocial Video Game Content, Empathy and Cognitive Ability in a Large Sample of Youth // *Journal of Youth and Adolescence*. 2022. Vol. 51. P. 62–73.
- Gaetan et al. 2016 – *Gaetan S., Brejard V., Bonnet A.* Video games in adolescence and emotional functioning: Emotion regulation, emotion intensity, emotion expression, and alexithymia // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 61. P. 344–349.
- Gerhardsen 2022 – *Gerhardsen A.* The Potential for Empathy Learning through Video Games // *Munin*. 2022. URL: <https://hdl.handle.net/10037/26066> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Gomez 2025 – *Gomez L.M.* Serious games to support emotional regulation strategies in educational intervention programs with children and adolescents. Systematic review and meta-analysis // *Heliyon*. 2025. Vol. 11. Iss. 4. P. 1–17. URL: <https://www.cell.com/action/showPdf?pii=S2405-8440%2825%2901093-X> (дата обращения 20 апреля 2025).

- Granic et al. 2014 – *Granic I., Lobel A., Engels R.C.M.E.* The benefits of playing video games // *American Psychologist*. 2014. Vol. 69. № 1. P. 66–78.
- Greitemeyer, Cox 2013 – *Greitemeyer T., Cox C.* There's no "I" in team: effects of cooperative video games on cooperative behavior // *European Journal of Social Psychology*. 2013. Vol. 43. № 3. P. 224–228.
- Jerrett et al. 2020 – *Jerrett A., Howell P., Dansey N.* Developing an Empathy Spectrum for Games // *Games and Culture*. 2020. Vol. 16. № 6. P. 635–659.
- Krause et al. 2020 – *Krause K., Smyth C., Jansen K.* Exploring the Effects of Violent Video Games on Healthcare Trainees // *Simulation and Gaming*. 2020. Vol. 51. № 5. P. 653–665.
- Lacko et al. 2024 – *Lacko D., Machackova H., Smahel D.* Does violence in video games impact aggression and empathy? A longitudinal study of Czech adolescents to differentiate within-and between-person effects // *Computers in Human Behavior*. 2024. Vol. 159. Article 108341. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563224002097?via%3Dihub> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Lengersdorff et al. 2023 – *Lengersdorff L.L., Wagner I.C., Mittmann G., Sastre-Yagüe D., Lüttig A., Olsson A., Petrovic P., Lamm C.* Neuroimaging and behavioral evidence that violent video games exert no negative effect on human empathy for pain and emotional reactivity to violence // *eLife*. 2023. № 12. URL: <https://elifesciences.org/articles/84951> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Li et al. 2023 – *Li Y., Deng T., Kanske P.* Affective empathy mediates the positive effect of prosocial video games on young children's sharing behavior // *Cognitive Development*. 2023. Vol. 67. Article 101343. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0885201423000485?via%3Dihub> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Miedzobrodzka et al. 2021 – *Miedzobrodzka E., Buczny J., Konijn E.A., Krabbendam L.C.* Insensitive Players? A Relationship Between Violent Video Game Exposure and Recognition of Negative Emotions // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.651759/full> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Pallavicini et al. 2018 – *Pallavicini F., Ferrari A., Mantovani F.* Video Games for Well-Being: A Systematic Review on the Application of Computer Games for Cognitive and Emotional Training in the Adult Population // *Frontiers in psychology*. 2018. Vol. 9. Article 2127. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2018.02127/full> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Piao et al. 2022 – *Piao J., Huang Y., Han C., Li Y., Xu Y., Liu Y., He X.* Alarming changes in the global burden of mental disorders in children and adolescents from 1990 to 2019: a systematic analysis for the Global Burden of Disease study // *European child and adolescent psychiatry*. 2022. Vol. 31. № 11. P. 1827–1845.
- Pichon et al. 2021 – *Pichon S., Bediou B., Antico L., Jack R., Garrod O., Sims C., Green C.S., Schyns P., Bavelier D.* Emotion perception in habitual players of action video games // *Emotion (Washington, D.C.)*. 2021. Vol. 21. № 6. P. 1324–1339.

- Shoshani et al. 2020 – *Shoshani A., Braverman S., Meirou G.* Video games and close relations: Attachment and empathy as predictors of children's and adolescents' video game social play and socio-emotional functioning // *Computers in Human Behavior*. 2020. Vol. 114. Article 106578. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563220303265> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Sweeney, van Berlo 2025 – *Sweeney J.L., van Berlo Z.M.C.* Video games for good: Active perspective-taking fosters empathy and reduces implicit bias toward gendered violence victims // *Entertainment Computing*. 2025. Vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1875952125000084?via%3Dihub> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Tuker, Catak 2021 – *Tuker C., Catak G.* Improving Awareness and Empathy with Video Games: A Qualitative Analysis Study of PUDCAD Game // *Game + Design Education: Proceedings of PUDCAD 2020* / Ed. by Cordan O., Dincay D.A., Yurdakul Toker C., Oksuz E.B., Semizoglu S. Cham: Springer Nature, 2021. P. 121–132.
- Ucur, Donmez 2021 – *Ucur O., Donmez Y.E.* Problematic internet gaming in adolescents, and its relationship with emotional regulation and perceived social support // *Psychiatry research*. 2021. Vol. 296. Article 113678. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0165178120333394> (дата обращения 20 апреля 2025).
- Villani et al. 2018 – *Villani D., Carissoli C., Triberti S., Marchetti A., Gilli G., Riva G.* Videogames for emotion regulation: A systematic review // *Games for Health Journal*. 2018. Vol. 7. № 2. P. 85–99.
- Yan et al. 2021 – *Yan Y., Li Y., Lou X., Li S., Yao Y., Gong D., Ma W., Yan G.* The influence of action video gaming experience on the perception of emotional faces and emotional word meaning // *Neural Plasticity*. 2021. Article 8841156. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1155/2021/8841156> (дата обращения 20 апреля 2025).

References

- Ageev, N.Ya. and Dubovik, I.A. (2024), “The Impact of Video Games with Aggressive Content on Emotional State: Review of Current Research”, *Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 13, no. 4, pp. 108–119.
- Ageev, N.Ya., Tokarchuk, Yu.A., Tokarchuk, A.M. and Gavrilova, E.V. (2023), “The Interaction of Digital Technologies with the Development of Cognitive and Communication Processes of Adolescents and Young Adults. A Review of Empirical Research”, *Psychological-Educational Studies*, vol. 15, no. 1, pp. 37–55.
- Anderson, C.A. (2004), “An update on the effects of playing violent video games”, *Journal of Adolescence*, vol. 27, pp. 113–122.
- Balzarotti, S., Biassoni, F., Villani, D., Prunas, A. and Velotti, P. (2016), “Individual differences in cognitive emotion regulation: implications for subjective and psychological well-being”, *Journal of Happiness Studies*, vol. 17, pp. 125–143.

- Bonnaire, C. and Conan, V. (2024), "Preference for violent video games: The role of emotion regulation, alexithymia, affect intensity, and sensation seeking in a population of French video gamers", *Psychology of Popular Media*, vol. 13, no. 1, pp. 79–91.
- Casillas, E. (2023), "Video Games for Empathy and Understanding Towards Human Migration", *Computer Science and Engineering, Massachusetts Institute of Technology*, available at: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/156814> (Accessed 15 April 2025).
- Commodari, E., Consiglio, A., Cannat, M. and La Rosa, V.L. (2024), "Influence of parental mediation and social skills on adolescents' use of online video games for escapism: A cross-sectional study", *Journal of Research on Adolescence*, vol. 34, no. 4, pp. 1668–1678.
- Diaz, R.L., Wong, U., Hodgins, D.C., Chiu, C.G. and Goghari, V.M. (2016), "Violent video game players and non-players differ on facial emotion recognition", *Aggressive Behavior*, vol. 42, no. 1, pp. 16–28.
- Deville, G.J., Drummond, A., Sauer, J.D., Copenhaver, A., Kneer, J. and Ferguson, C.J. (2023), "Directional is the new null? A comment on Bushman and Anderson", *Psychology of Popular Media*, vol. 12, no. 3, pp. 364–372.
- Ducharme, P., Kahn, J., Vaudreuil, C., Gusman, M., Waber, D., Ross, A., Rotenberg, A., Rober, A., Kimball, K., Peechatka, A.L. and Gonzalez-Heydrich, J.A. (2021), "'Proof of Concept' Randomized Controlled Trial of a Video Game Requiring Emotional Regulation to Augment Anger Control Training", *Frontiers in Psychiatry*, vol. 12, article 591906, available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychiatry/articles/10.3389/fpsy.2021.591906/pdf> (Accessed 15 April 2025).
- Estupina, F.J., Bernaldo-de-Quiros, M., Vallejo-Achon, M., Fernandez-Arias, I. and Labrador, F. (2024), "Emotional regulation in gaming disorder: a systematic review", *American Journal of Addictions*, vol. 33, no. 6, pp. 605–620.
- Euler, F., Steinlin, C. and Stadler, Ch. (2017), "Distinct profiles of reactive and proactive aggression in adolescents: associations with cognitive and affective empathy", *Child and Adolescent Psychiatry Mental Health*, vol. 11, no. 1, pp. 1–7.
- Farrell, M.L. (2022), "Transitioning adolescent mental health care services: The steps to care model", *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing: Official Publication of the Association of Child and Adolescent Psychiatric Nurses*, vol. 35, no. 4, pp. 301–306.
- Garcia, S., Ferguson, C. and Wang, J. (2022), "Prosocial Video Game Content, Empathy and Cognitive Ability in a Large Sample of Youth", *Journal of Youth and Adolescence*, vol. 51, pp. 62–73.
- Gaetan, S., Brejard, V. and Bonnet, A. (2016), "Video games in adolescence and emotional functioning: Emotion regulation, emotion intensity, emotion expression, and alexithymia", *Computers in Human Behavior*, vol. 61, pp. 344–349.
- Gerhardsen, A. (2022), "The Potential for Empathy Learning through Video Games", *Munin*, available at: <https://hdl.handle.net/10037/26066> (Accessed 20 April 2025).
- Gomez, L.M. (2025), "Serious games to support emotional regulation strategies in educational intervention programs with children and adolescents. Systematic review

- and meta-analysis”, *Heliyon*, vol. 11, available at: <https://www.cell.com/action/showPdf?pii=S2405-8440%2825%2901093-X> (Accessed 20 April 2025).
- Granic, I., Lobel, A. and Engels, R.C.M.E. (2014), “The benefits of playing video games”, *American Psychologist*, vol. 69, no. 1, pp. 66–78.
- Greitemeyer, T. and Cox, C. (2013), “There’s no ‘I’ in team: effects of cooperative video games on cooperative behavior”, *European Journal of Social Psychology*, vol. 43, no. 3, pp. 224–228.
- Jerrett, A., Howell, P. and Dansey, N. (2020), “Developing an Empathy Spectrum for Games”, *Games and Culture*, vol. 16, no. 6, pp. 635–659.
- Kozin, V.V. and Osipov, M.E. (2024), “Aggression and conflict as personality traits of gamers”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Psychology. Pedagogics. Education” Series*, no. 2, pp. 102–116.
- Krause, K., Smyth, C. and Jansen, K. (2020), “Exploring the Effects of Violent Video Games on Healthcare Trainees”, *Simulation and Gaming*, vol. 51, no. 5, pp. 653–665.
- Lacko, D., Machackova, H. and Smahel, D. (2024), “Does violence in video games impact aggression and empathy? A longitudinal study of Czech adolescents to differentiate within-and between-person effects”, *Computers in Human Behavior*, vol. 159, article 108341, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0747563224002097?via%3Dihub> (Accessed 20 April 2025).
- Lengersdorff, L.L., Wagner, I.C., Mittmann, G., Sastre-Yagüe, D., Lüttig, A., Olsson, A., Petrovic, P. and Lamm, C. (2023), “Neuroimaging and behavioral evidence that violent video games exert no negative effect on human empathy for pain and emotional reactivity to violence”, *eLife*, no. 12, available at: <https://elifesciences.org/articles/84951> (Accessed 20 April 2025).
- Li, Y., Deng, T. and Kanske, P. (2023), “Affective empathy mediates the positive effect of prosocial video games on young children’s sharing behavior”, *Cognitive Development*, vol. 67, article 101343, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0885201423000485?via%3Dihub> (Accessed 20 April 2025).
- Miedzobrodzka, E., Buczny, J., Konijn, E.A. and Krabbendam, L.C. (2021), “Insensitive Players? A Relationship Between Violent Video Game Exposure and Recognition of Negative Emotions”, *Frontiers in Psychology*, vol. 12, available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.651759/full> (Accessed 20 April 2025).
- Pallavicini, F., Ferrari, A. and Mantovani, F. (2018), “Video Games for Well-Being: A Systematic Review on the Application of Computer Games for Cognitive and Emotional Training in the Adult Population”, *Frontiers in Psychology*, vol. 9, article 2127, available at: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2018.02127/full> (Accessed 20 April 2025).
- Piao, J., Huang, Y., Han, C., Li, Y., Xu, Y., Liu, Y. and He, X. (2022), “Alarming changes in the global burden of mental disorders in children and adolescents from 1990 to 2019: a systematic analysis for the Global Burden of Disease study”, *European Child and Adolescent Psychiatry*, vol. 31, no. 11, pp. 1827–1845.

- Pichon, S., Bediou, B., Antico, L., Jack, R., Garrod, O., Sims, C., Green, C.S., Schyns, P. and Bavelier, D. (2021), "Emotion perception in habitual players of action video games", *Emotion (Washington, D.C.)*, vol. 21, no. 6, pp. 1324–1339.
- Shoshani, A., Braverman, S. and Meirou, G. (2020), "Video games and close relations: Attachment and empathy as predictors of children's and adolescents' video game social play and socio-emotional functioning", *Computers in Human Behavior*, vol. 114, article 106578, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563220303265> (Accessed 20 April 2025).
- Sweeney, J.L. and van Berlo, Z.M.C. (2025), "Video games for good: Active perspective-taking fosters empathy and reduces implicit bias toward gendered violence victims", *Entertainment Computing*, vol. 53, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1875952125000084?via%3Dihub> (Accessed 20 April 2025).
- Tuker, C. and Catak, G. (2021), "Improving Awareness and Empathy with Video Games: A Qualitative Analysis Study of PUDCAD Game", in Cordan, O., Dincay, D.A., Yurdakul Toker, C., Oksuz, E.B. and Semizoglu, S. (eds.), *Game + Design Education: Proceedings of PUDCAD 2020*, Springer Nature, Cham, Switzerland.
- Ucur, O. and Donmez, Y.E. (2021), "Problematic internet gaming in adolescents, and its relationship with emotional regulation and perceived social support", *Psychiatry Research*, vol. 296, article 113678, available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0165178120333394> (Accessed 20 April 2025).
- Villani, D., Carissoli, C., Triberti, S., Marchetti, A., Gilli, G. and Riva, G. (2018), "Video games for emotion regulation: A systematic review", *Games for Health Journal*, vol. 7, no. 2, pp. 85–99.
- Yan, Y., Li, Y., Lou, X., Li, S., Yao, Y., Gong, D., Ma, W. and Yan, G. (2021), "The influence of action video gaming experience on the perception of emotional faces and emotional word meaning", *Neural Plasticity*, article 8841156, available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1155/2021/8841156> (Accessed 20 April 2025).

Информация об авторе

Никита Я. Агеев, Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия; 127051, Россия, Москва, ул. Сретенка, д. 29; nikitoageev@gmail.com

Information about the author

Nikita Ya. Ageev, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia; bld. 29, Sukharevskaya Street, Moscow, Russia, 127051; nikitoageev@gmail.com

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Психология. Педагогика. Образование»
№ 4
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
О.К. Юрьев

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тверской,
Миусская пл., д. 6, стр. 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73401 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 05.12.2025
Выход в свет 12.12.2025
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 10,1
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2283

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6
www.rsuh.ru